DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/polnoesobranieso61gork

Gorkii-Maksim

М. ГОРЬКІЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ▫ ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1918 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

891.73
G 669PL
t. 6

МАТВѢЙ КОЖЕМЯКИНЪ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

По ночамъ, подчиняясь неугомонной старческой безсонницѣ, Матвѣй Савельевъ Кожемякинъ, сидя въ постели, вспоминаетъ день за днемъ свою жизнь и четко, крупнымъ полууставомъ, записываетъ воспоминанія свои въ толстую тетрадь, озаглавленную такъ:

„Мысленныя и сердечныя замѣчанія, а также нѣкоторые случаи изъ жизни города Окурова, записанные неизвѣстнымъ жителемъ сего города по разсказамъ и собственному наблюденію“.

Ниже, почеркомъ помельче, приписано:

„Назначается молодому другу моему Борису Петровичу Мансурову для чтенія съ довѣреніемъ и для познанія скорбной жизни уѣзднаго русскаго города“.

Тетрадь лежитъ передъ нимъ на косой доскѣ столика-пюпитра; столикъ, оклеенный краснымъ сукномъ, поставленъ поверхъ одѣяла, а ножки его врѣзаны въ двѣ дуги, какъ ноги игрушечнаго коня. Съ праваго бока стола привѣшена на мѣдной цѣпочкѣ чернильница; покачиваясь, она бросаетъ на одѣяло тѣнь, маленькую и темную, какъ мышь. Въ головахъ кровати на высокой подставкѣ горитъ лампа, ровный свѣтъ тепло облилъ подушки за спиной старика, его желтое голое темя и большія уши, не закрытыя узенькимъ вѣнчикомъ сѣдыхъ волосъ. Когда старикъ поднимаетъ голову—на страницы тетради ложится темное, круглое пятно, онъ гладитъ его пухлой ладонью отекшей руки и, прислушиваясь къ нервному біенію усталаго сердца, прищуренными глазами смотритъ на бѣлые изразцы печи въ ногахъ кровати и на большой,

во всю стѣну, шкапъ, тѣсно набитый черными книгами. Сквозь стекла въ дверцахъ шкапа свѣтятъ золотыя черточки тисненія на кожаныхъ корешкахъ.

Сосредоточенно обращенный въ прошлое взглядъ старика медленно бродитъ въ сумракѣ большой комнаты, почти не видя расплывшихся очертаній давно знакомыхъ вещей,—ихъ немного, всѣ онѣ грузныя и стоятъ, точно вросли въ полъ. Просторъ комнаты пустыненъ, и сумракъ ея холоденъ.

За книжнымъ шкапомъ—дверь, отъ нея къ передней стѣнѣ вытянулся еще шкапъ, тоже полный книгами и связками газетъ. Два окна плотно закрыты ставнями, въ простѣнкѣ—старинное овальное зеркало въ золотой фигурной рамѣ, подъ зеркаломъ диванъ, передъ нимъ столъ съ выгнутыми ногами, а на столѣ—старинная библія въ кожѣ: блестятъ ея застежки изъ серебра, высвѣтленныя частыми прикосновеніями рукъ старика. Около стола вальяжно растопырились кресла въ чехлахъ изъ парусины, обшитыхъ полосками кумача, на полу толстая сѣрая кошма. Въ переднемъ углу за кроватью—тройной кіотъ, въ немъ девять иконъ. Задумчиво потрескивая, горитъ хрустальная лампада на серебряныхъ цѣпяхъ, освѣщая вверху ласковые лики Іисуса, Богородицы, Ивана Крестителя, въ серединѣ—Николая Чудотворца, Не рыдай Мене Мати и Василія Блаженнаго, а въ нижнемъ ряду образа Кирилла и Меѳодія, Антонія и Ѳеодосія и московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны.

Надъ постелью, въ рамкахъ изъ сосновыхъ шишекъ,—двѣ фотографіи: кабинетный портретъ молодой женщины съ кудрявымъ ребенкомъ на колѣняхъ—обѣ фигуры расплылись и подобны отраженію въ текучей водѣ. Другой портретъ—рѣзко очерченная голова юноши, вихрастая, большелобая, съ горбатымъ носомъ и крутымъ подбородкомъ. Густыя темныя брови, усовъ еще нѣтъ, губы сложены крѣпко, и между бровями лежитъ серьезная, упрямая складка.

Матвѣй Кожемякинъ долго, не мигая глазами, смотритъ на портретъ, потомъ, крестясь, тихо шепчетъ:

— О, Господи Многомилостливый! Продли дни моя для ради завершенія дѣла любови моея и совѣсти моея!

И, осторожно омакнувъ перо въ чернильницу, покорно склоняя голову, онъ снова не спѣша, четко и любовно пишетъ въ тетрадкѣ:

„Окончивъ я воспоминанія мои о жизни, столь жалостной и постыдной, съ горемъ скажу, что не единожды чувствовалъ я, будто нѣкая сила, мягко и неощутимо почти, толкала меня на путь иной, невѣдомый мнѣ, но, вижу, несравнимо

лучшій того, коимъ я нынѣ дошелъ до смерти, по лѣни духовной и тѣлесной, потому что всѣ такъ идутъ. Но не понялъ я во-время наставительныхъ и любовныхъ усилій жизни и сопротивлялся имъ, лѣнивый рабъ, когда же благостная сила эта все-таки незамѣтно овладѣла мною—поздно было. Вкушая, вкусихъ мало меда и се—азъ умираю".

Тишина въ комнатѣ кажется такой же плотной и сѣрой, точно кошма на полу. Съ воли чуть слышно доносятся неясные звуки боязливой и осторожной ночной жизни города, они безличны и не колеблютъ ни устоявшейся тишины, ни мысли старика, углубленной въ прошлое.

Онъ чувствуетъ себя какъ бы одиноко стоящимъ среди равнины, у подножія высокой горы; съ ея вершины, покрытой темной тучей, онъ тихо и безвольно скатился сюда—вотъ предъ нимъ весь этотъ путь,—онъ мысленно прошелъ его десятки разъ.

Ему шелъ седьмой годъ, когда мать его вдругъ исчезла изъ дома: она не умерла, а просто однажды ночью незамѣтно ушла куда-то, оставивъ въ памяти мальчика неясный очеркъ своей тонкой фигуры, пугливый блескъ темныхъ глазъ, торопливыя движенія маленькихъ смуглыхъ рукъ, которыя всегда боязливо прятались. Ни одного слова ея не осталось въ памяти сына.

Отецъ—человѣкъ высокій, тучный, съ большой рыжей и круглой, какъ на образѣ Максима Грека, бородою, съ краснымъ носомъ. Его сѣрые глаза смотрѣли неласково и смѣшливо, а толстая нижняя губа брезгливо отвисла. Онъ двигался тяжело, дышалъ шумно и часто ревѣлъ на стряпуху и рабочихъ страшнымъ, сиплымъ голосомъ—Матвѣй долго боялся отца, но однажды какъ-то сразу и неожиданно полюбилъ его.

Было это на второй день Пасхи; недавно стаялъ послѣдній снѣгъ, отъ земли, нагрѣтой солнцемъ, густо поднимался теплый и душистый парокъ, на припекѣ появились прозрачныя, точно кружева зеленыя пятна тонкой и милой весенней травы.

Матвѣй, въ розовой рубахѣ изъ канауса, ходилъ по двору вслѣдъ за отцомъ, любуясь блескомъ солнца на лаковыхъ голенищахъ новыхъ сапогъ.

- Что-о, Муругой,—сказалъ отецъ, присѣдая на корточки передъ конурой собаки,—что, песъ, скучно, а? Скучно?

Изъ круглаго вырѣза конуры, грохнувъ цѣпью, вырвался Муругой—отецъ крикнулъ, взмахнулъ рукой и окропилъ лицо сына тяжелыми каплями теплой влаги.

Прибѣжали люди, началась суета и шумъ, темнобровая и пышная стряпуха Власьевна повязывала руку отца полотенцемъ, а онъ топалъ ногами, ругался и требовалъ ружье. Гремя цѣпью, собака яростно металась, брызгала пѣной и выла тоскливо, страшно.

Широкорожій и рябой дворникъ Созонтъ принесъ ружье, отецъ, опустясь на колѣно, долго водилъ стволомъ вслѣдъ за движеніями собаки, цѣлясь въ ея красную, влажную пасть въ желтые клыки, а Созонтъ глухо ворчалъ:

— Не надо бы...

Бухнулъ выстрѣлъ, отецъ, окутавшись синимъ дымомъ, покачнулся и сѣлъ—пѣгій лохматый песъ сталъ на задніе лапы, потянулъ цѣпь, зарычалъ, судорожно отирая передними овлаженную кровью морду, потомъ свернулся на бокъ, громко щелкнувъ зубами. Толкнувъ собаку сапогомъ въ морду, отецъ сказалъ Созонту:

— Въ глаза попало...

— Жалко его!—отозвался дворникъ.

А Власьевна, протягивая ковшъ воды, плачевно выла:

- Савелій Иванычъ, помой руку-то!

— Тебя тоже изъ поганаго ружья пристрѣлить надо!—закричалъ отецъ, взмахивая здоровой рукой.—Говорилъ—не корми мясомъ! Сазанъ, иди, зови лѣкаря, что ли...

Онъ сталъ разматывать красное полотенце съ руки, а Матвѣй, замирая отъ страха и любопытства, принялъ ковшъ изъ рукъ Власьевны и бросилъ его, наливъ себѣ воды въ сапоги: онъ увидалъ, что изъ отверстія конуры выкинулся гибкій красный языкъ огня, словно стремясь лизнуть отцовы ноги. Но отецъ тотчасъ схватилъ собачій домъ, опрокинулъ его и сталъ вытряхать горящую солому, подъ ногами у него сверкали желтые цвѣтки, они горѣли у морды собаки, вспыхивали на ея бокахъ; отецъ весь курился сѣрымъ дымомъ, фыркалъ и оралъ, мотая головою изъ стороны въ сторону.

Отъ ѣдкаго запаха тлѣющей соломы и паленой шерсти у мальчика закружилась голова, онъ присѣлъ на ступени крыльца и, готовый плакать, со страхомъ ждалъ, что̀ скажетъ отецъ, пристально смотрѣвшій на него, взвѣшивая пораненную руку на ладони здоровой.

А онъ вдругъ подошелъ, сѣлъ рядомъ и кротко спросилъ:

— Испугался, братъ?

— Испугался.

— Ну, ничего! Я тоже испугался...

Матвѣй искоса поглядѣлъ на отца, не вѣря ему, удивляясь

что такой большой, грозный человѣкъ такъ просто, не стыдясь, говоритъ о своемъ испугѣ.

— Жалко мнѣ,—сказалъ онъ, подумавъ

— Собаку-то?

— Тебя.

— Ме-ня?—странно протянулъ отецъ.

— Огонь-то какъ на тебя. Какъ пыхнетъ! Онъ—откуда это?

— Отъ пыжа. Знаешь—затычка въ ружье кладется, пенька?

Матвѣй тѣсно прижался къ плечу отца, заглянулъ въ его полинявшее лицо и отуманенные глаза.

— Больно болитъ рука-то?

— Рука?—Отецъ смѣшно оттопырилъ нижнюю губу, косо поглядѣлъ на руку и отвѣтилъ новымъ голосомъ:—Ничего. Лѣвая.

До этого дня мальчикъ почти никогда не бесѣдовалъ съ нимъ такъ хорошо, и теперь у него сразу возникло желаніе спросить большого рыжаго человѣка о множествѣ вещей. Между прочимъ, ему казалось, что отецъ невѣрно объяснилъ появленіе огня—ужъ очень просто!

— Тятя, у собаки есть душа?

— Ну, зачѣмъ ей!—молвилъ отецъ.

Помолчавъ, мальчикъ тихонько протянулъ:

— Ка-акъ онъ на тебя фукнулъ, огонь-то!

Отецъ положилъ на голову ему тяжелую мохнатую руку и охотно, необычно ласково заговорилъ:

— Жаль собаку-то! Девять лѣтъ жила. Ну, однако, хорошо, что она меня цапнула, а не тебя. Вдругъ бы тебя а? Господи, помилуй!

Лицо его покраснѣло, рыжія брови сурово сдвинулись и спустились на глаза. Но это не испугало Матвѣя, онъ еще ближе пододвинулся къ нему пріятно ощущая теплоту его тѣла.

На дворъ вкатился маленькій и круглый человѣкъ, веселый, одѣтый въ смѣшную клѣтчатую хламиду и штаны на выпускъ. Отецъ ушелъ съ нимъ въ горницу, сказавъ:

— Ты не ходи, Мотя, глядѣть на кровь тебѣ не къ чему...

Оставшись одинъ на крыльцѣ, мальчикъ вспомнилъ, что кромѣ страха передъ отцомъ онъ носилъ въ своей душѣ еще нѣчто тягостное.

Вскорѣ послѣ того, какъ пропала мать, отецъ взялъ въ домъ ласковую слободскую старушку Макарьевну, у нея были ловкія и теплыя руки, по вечерамъ она пѣвучимъ голосомъ разсказывала мальчику славныя жуткія сказки, и онъ съ перваго же дня полюбилъ ее.

Особенно хорошо сказывала она длинную исторію о томъ, какъ живетъ Богъ на небесахъ:

Сидитъ грозенъ Богъ на престолѣ златоогненномъ,
Предстоятъ Ему серафимы, херувимы, свѣтли ангели.
День и ночь все поютъ они да славу Богу Вѣчному.
А какъ просятъ Царя-то небеснаго о милости грѣшникамъ,
Со стыда въ очи грозныя Божіи поглядѣть не рѣшаются...

Когда она напѣвала эту пѣснь—ея черные, добрые глазки блестѣли мелкими, какъ жемчужинки на ризѣ иконы, слезами.

Но, проживъ мѣсяца три, она была уличена Власьевной въ кражѣ какихъ-то денегъ. Тогда отецъ, Созонтъ и стрипуха положили ее на скамью посрединѣ кухни, связали подъ скамьею маленькія руки полотенцемъ, Власьевна, смѣясь, держала ее за ноги, а Созонтъ, отвернувшись въ сторону, молча и угрюмо хлесталъ по дрожавшему, какъ студень, тѣлу тонкими прутьями.

Макарьевна бормотала, точно водой захлебываясь:

— Батюшки, помилуйте! Не виновата я передъ Господомъ... не виноватую... у-у...

— Сынъ, Сазанъ!—покрикивалъ отецъ, стоя у печи и крѣпко держа Матвѣя за руку,

А Власьевна, подмигивая на дворника, говорила:

— Гляди-ка—стыдится, морду-то отворотилъ какъ, а, мамоньки!

Матвѣй хотѣлъ попросить отца не сѣчь старуху, но не рѣшился и горько заплакалъ.

— Будетъ!—сурово крикнулъ Кожемякинъ

Тотъ день вечеромъ у постели мальчика сидѣла Власьевна, и вмѣсто тихихъ сказокъ онъ слышалъ жирныя, слащавыя поученія.

— Надо быть умненькимъ, тятеньку жалѣть да слушаться, а ты отъ него по угламъ прячешься—на что это?

Потомъ явилась дородная баба Секлетея, съ гладкимъ лицомъ, темными усами надъ губой и бородавкой на щекѣ. Большеротая, сонная, она не умѣла сказывать сказки; знала только пѣсни и говорила ихъ быстро, сухо, точно сорока стрекотала. Встрѣчаясь съ нею, отецъ хитро подмигивалъ, шлепалъ ладонью по ея широкой спинѣ, называлъ гренадеромъ, и не разъ мальчикъ видѣлъ, какъ онъ, прижавъ ее гдѣ-нибудь въ уголъ, мялъ и тискалъ, а она шипѣла, какъ прокисшая опара.

Власьевна плакала, грозилась:

— Уйду! Еретикъ...

Но ушла Секлетея.

Въ тотъ день, когда ее разсчитали, Матвѣй, лежа на постели, слышалъ сквозь тонкую переборку, какъ отецъ говорилъ въ своей комнатѣ:

— Ну, чего орала да куксилась, дура толстомясая?

— Дорогуша ты моя, сердечная,—слащаво ныла Власьевна.

— Не лѣзь. Думаешь, не все равно мнѣ, какая баба? Не о себѣ у меня забота...

— Да ужъ я ли Мотенькѣ не слуга...

— Ему мать надобно...

Мальчикъ завернулся съ головою въ одѣяло и тихонько заплакалъ.

Но теперь ему хотѣлось забыть, какъ сѣкли ласковую старушку, а разговоръ отца съ Власьевной хорошо и просто объяснилъ все непріятное и зазорное.

— Это онъ—для меня...

Отецъ выглянулъ въ окно, крикнувъ:

— Моть, иди чай пить!

Пили чай, водку и разноцвѣтныя наливки, ѣли куличи, пасху, яйца. Къ вечеру явилась гитара, веселый лѣкарь разымчиво игралъ трепака, Власьевна плясала такъ, что стулья подпрыгивали, а отецъ, широко размахивая здоровой рукой, свистѣлъ и кричалъ:

— Дѣлай, вѣдьма! Моть—поди сюда! Любишь, стало-быть? Эхъ, мотыль мой милый, монашкинъ ты сынокъ! Не скучай!

Онъ далъ сыну стаканчикъ густой и сладкой наливки и, притопывая тяжелыми ногами, качая рыжей, огненной головой, пѣлъ въ лицо ему удивительно тонкимъ и смѣшнымъ голосомъ:

Вотъ во полѣ, на лужку
Стоитъ бражка въ туеску,
Она пьяная—хмельна,
Крѣпче всякаго вина...

Матвѣю почему-то жалко отца; ему казалось, что вотъ онъ сейчасъ оборветъ пѣсню и заплачетъ.

— Марковъ—подкладывай огня! Охъ, ты! Крутись!—командовалъ Савелій Кожемякинъ.

Коротенькій лѣкарь совсѣмъ сложился въ шаръ, прижалъ гитару къ животу, наклонилъ надъ нею лысую голову, осыпанную каплями пота; его пальцы съ веселою яростью щипали струны, бѣгали по грифу, и мягкимъ теноромъ онъ убѣдительно выговаривалъ:

И попъ—помретъ,
И солдатъ—помретъ,
Только тотъ не помретъ,
Кого смерть не возьметъ!

— И-ихъ!—визжала Власьевна, отчаянно заламывая руки надъ головой.

— Марковъ! — вопилъ отецъ. — Гляди, а? Это ли не звѣрь, а?

— Холмы—горы!—отзывался лѣкарь, встряхивая головой и брызгая веселымъ звономъ струнъ, а Матвѣй смотрѣлъ на него и не могъ понять—гдѣ у лѣкаря колѣнки.

Вдругъ явился высокій, суровый Пушкарь, грозно нахмурилъ темное бритое лицо и спросилъ хриплымъ голосомъ:

— За что Муругого убили, бѣси?

Отецъ поднялъ завязанную руку, махая ею.

— Видалъ? Суставъ съ мизинца—напрочь! Марковъ ножницами отстригъ. Садись, служба!

— Еще башку тебѣ отстригутъ, погоди!—предупредилъ солдатъ, усмѣхаясь и взявъ Матвѣя за руку.

— Айда спать!

Черезъ нѣсколько дней, въ воскресенье, отецъ, придя изъ церкви, шагалъ по горницѣ, ожидая пирога, и пѣлъ:

От юности моея
мнози борютъ мя страсти,
Но Самъ мя заступи
и спаси, Спасе мой!

Со двора въ окно, сквозь узорные листья герани, всунулась сѣрая голова Пушкаря. Онъ кричалъ:

— Опять кощупишь, Савелъ? Опять носамъ?

— Поди прочь!—сказалъ отецъ, не останавливаясь.

— Я те говорю—Осанна заступи! Осанна, а не носамъ!

Отецъ подошелъ къ окну и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, внушительно заговорилъ:

— Самъ! Понимаешь, старый чортъ? Не я, а—Богъ! Но Самъ...

Въ окно полился торжествующій ревъ:

— Ага-а, запутался, еретикъ! Я—не я, самъ—не самъ...

— Уйди!

— Осанну Господню не тронь..

— У-ухъ!—взвылъ Савелій Кожемякинъ и, схвативъ обѣими руками банку съ цвѣткомъ, бросилъ ею въ голову Пушкаря.

Это вышло неожиданно и разсмѣшило мальчика. Смѣясь, онъ подбѣжалъ къ окну и отскочилъ, обомлѣвъ: лицо отца вспухло, почернѣло; глаза, мутные, какъ у слѣпого, не мигая, смотрѣли въ одну точку; онъ царапалъ правою рукою грудь и хрипѣлъ:

— Господи! Исусе... Исусе...

Матвѣй выскочилъ вонъ изъ комнаты; по двору, согнувъ

шею и качаясь на длинныхъ ногахъ, шелъ солдатъ, одну руку онъ протянулъ впередъ, а другою дотрагивался до головы, осыпанной землею, и отряхалъ съ пальцевъ густую темно-красную грязь.

Матвѣй кинулся въ амбаръ и зарылся тамъ въ серебристо-сѣрой кучѣ пеньки, невольно вспоминая жуткія сказки Макарьевны: въ нихъ вотъ такъ же неожиданно являлось страшное. Но въ сказкахъ добрая баба-яга всегда выручала заплутавшагося мальчика, а здѣсь, наяву,—только Власьевна, отъ которой всегда душно пахнетъ пригорѣлымъ масломъ.

На дворѣ раздался голосъ отца:

— Я васъ, демоны, потаскаю въ амбаръ, запру и подожгу! Доведете вы меня! Матвѣй! Мотюшка!

Вздрагивая отъ страха, мальчикъ выбрался изъ пеньки и сталъ въ дверяхъ амбара, весь опутанный сѣдымъ волокномъ. Отецъ молча отвелъ его въ садъ, сѣлъ тамъ на дерновой скамьѣ подъ яблоней, поставилъ сына между колѣнъ себѣ и невесело сказалъ:

— Ну, что̀ ты испугался? Пугаться вредно. Какая твоя жизнь будетъ въ испугѣ да въ прятышкахъ? Не видалъ ты солдата пьянымъ?

— Ты ему голову разбилъ!—тихонько напомнилъ мальчикъ.

— Эка важность! На службѣ его и не такъ бивали.

Онъ долго разсказывалъ о томъ, какъ бьютъ солдатъ на службѣ. Матвѣй прижался щекою къ его груди и, слыша, какъ въ ней что-то хрипѣло, думалъ, что тамъ, задыхаясь, умираетъ та черная и страшная сила, которая недавно вспыхнула на лицѣ отцовомъ.

— Ты его не бойся!—говорилъ рыжій человѣкъ.—Онъ это такъ, со скуки дуритъ. Онъ вѣдь хорошій. И дерутся люди—не бойся. Подерутся—помирятся.

Онъ говоритъ ласково, но нехотя, и слова подбиралъ съ видимымъ трудомъ. Часто прерывая рѣчь, смотрѣлъ въ пустое небо, позѣвывая и чмокая толстой губой.

Жадно пили свѣтъ солнца деревья, осыпанныя желтоватыми звѣздочками юной листвы, съ тихимъ шумомъ лопались почки, гудѣли раннія пчелы, весь садъ курился сочными запахами—расцвѣтала молодая жизнь.

— Спать хочешь?—грустно спросилъ Матвѣй.

— Нѣтъ, это такъ, отъ скуки зѣвается. Въ праздники всегда скучно.

— Ты и въ будни часто про скуку говоришь.

— А и въ будни не больно весело!—Кожемякинъ крѣпко

стиснулъ сына колѣнями и какъ будто немного оживился.— Прежде веселѣе было. Не столь спокойно, зато—веселѣе. Вотъ я тебѣ когда-нибудь вмѣсто бабьихъ-то сказокъ про настоящее повѣдаю. Ты ужъ большой, пора тебѣ знать, какъ отецъ жилъ...

— Разскажи сейчасъ!—умильно попросилъ Матвѣй.

— Можно и сейчасъ!—подумавъ, молвилъ отецъ.—Кое-что... Вотъ, примѣрно, ходилъ я съ отцомъ—дѣдомъ твоимъ, да съ бабкой на расшивѣ, бечевой ходили, бурлаками, было ихъ у насъ двадцать семь человѣкъ, а дѣдъ твой—водоливомъ. Мужикъ онъ былъ большой, строгій, характерный... н-да-а...

Савелій Кожемякинъ прищурилъ глаза, крякнулъ и недовѣрчиво оглянулъ свѣтло-зеленыя сѣти вѣтвей.

— Предметы-то, Мотяй, все больно сурьезные, не уложатся они въ малый твой разумъ!—проговорилъ онъ, сомнительно разглядывая сына.—Погоди, пожалуй, надо намъ бесѣды-то бесѣдовать...

— Нѣтъ, ты, тятя, сейчасъ!—настаивалъ мальчикъ, отводя рукой бороду отца.

— Чекотно?—усмѣхаясь, спросилъ Савелій.—Вотъ и мнѣ тоже чекотно, какъ про старое-то вспомню.

Подумавъ, онъ плавно началъ:

— Ну,—были мы люди костромскіе, жили на Ветлугѣ, въ уголку, между двухъ рѣкъ Ошмы да Нишмы, мѣсто глухое, лѣсное, мѣсто уютное, человѣку и всякому звѣрю удобное. Въ Ошмѣ да Нишмѣ окунье водилось и головли здоровенные—ловилъ я ихъ—безъ числа много! Самый знаменитый окунь—онъ въ Которосль-рѣкѣ живетъ, около Ростова-Великаго,—вотъ, братъ, городъ хорошъ! Звонъ тамъ въ соборѣ особенный и крѣпость неодолимая—ни татаре, ни поляки, ни даже самъ Бонапартъ не могъ ее взять! Храбрый былъ этотъ царь Бонапартъ, умный былъ, Москву забралъ и всю Русь, а тутъ—обошелъ вокругъ крѣпости Ростовской, почесалъ переносицу, да и говоритъ генераламъ своимъ: „Нѣтъ, лыцари мои вѣрные, айдате прочь! Этого города и намъ не взять!“ Это онъ обманулъ ихъ. Тутъ, видишь ты, такъ было: покуда онъ на конѣ своемъ одинъ ночью вокругъ крѣпости ѣхалъ, духовенство ростовское все время безперечь и било въ тѣ кремлевскіе колокола. А вылиты эти колокола изъ серебра, кое много лѣтъ у нищихъ вымѣнивалось: дадутъ нищему монету серебряную, а Ростовъ-городъ и вымѣняетъ ее на мѣдь. Конечно, и обманывали нищихъ, но колокола отъ того обмана не страдали, а можетъ, даже зазывнѣй звонятъ. Вотъ этотъ звонъ и разбередилъ Бонапарту душу, подумалъ онъ о ту пору: „Все

я забралъ, а на что мнѣ? Дѣтей нѣту". Дѣти у него поумирали въ то время. Такъ и остался Ростовъ не тронутъ... Ну, про окуней теперь: окунь, братецъ ты мой, рыба жадная да хитрая, и ловить ее надо умѣючи. Пошли мы однажды съ отцомъ на Ошму, по окуня; идемъ лѣсомъ, темно,—вдругъ навстрѣчу намъ сельца Болотина баринъ шагаетъ, съ ружьемъ, съ сумой охотничьей. Отецъ—дѣдъ-отъ твой—шепчетъ мнѣ: „Лѣзь въ кусты!". Ну, сунулся я, притаился...

Кожемякинъ крякнулъ, замолчалъ и снова хмуро оглянулъ весь садъ, посмотрѣлъ на главы монастырской церкви. Мальчикъ, тихонько расчесывая пальцами густую бороду отца, нетерпѣливо толкнулъ локтемъ въ грудь.

— Говори-и...

— Ну,—продолжалъ тотъ тихо и задумчиво,—вотъ, значитъ... Послѣ этого дѣдушка твой сбѣжалъ въ Рыбный въ бурлаки...

— А баринъ?—спросилъ Матвѣй,

— Баринъ,—онъ такъ и того,—неохотно отвѣтилъ Кожемякинъ, глядя въ небо.—Онъ остался тамъ, на своемъ мѣстѣ. Тогда, братъ, баринъ что̀ хотѣлъ, то и дѣлалъ; люди у него въ крѣпостяхъ были, лишенные всякой своей воли, и баръ этихъ боялись пуще чертей али нечисти болотной. Сестру мою—теткой, стало-быть, пришлась бы тебѣ...

Большой рыжій человѣкъ вздохнулъ и, какъ бы жалуясь, молвилъ:

— Вотъ и опять... тутъ какъ только вспомнишь что-нибудь касательное жизни человѣческой, такъ совсѣмъ невозможно про это ребенку разсказать! Неподходящее все... Ты иди-ка, посиди у воротъ,—а я тутъ вздремну да подумаю...

Онъ разжалъ колѣни и легонько, заботливо отодвинулъ сына въ сторону.

У воротъ на лавочкѣ сидѣлъ дворникъ въ красной кумачной рубахѣ, синихъ штанахъ и босой. Какъ всегда, онъ сидѣлъ неподвижно, его широкая спина и затылокъ точно примерзли къ забору, руки онъ сунулъ за поясъ, рябое скучное лицо застыло, дышалъ онъ медленно и глубоко, точно вино пилъ. Полузакрытые глаза его казались пьяными и смотрѣли они неотрывно.

На всѣ вопросы Матвѣя онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Не знаю. Кто его знаетъ? Никто этого не знаетъ.

Но иногда онъ, какъ будто совершенно опьяненный, начиналъ бормотать приглушеннымъ голосомъ непонятныя слова:

— Теперь—на дорогу бы выйти. Хохлы, они зовутъ дорогу—шляхъ. Шляются люди. Ежели все прямо итти—куда

придешь въ годъ время? И неизвѣстно. А въ пять годовъ? Того пуще. Никто ничего не знаетъ. А—сидятъ.

Потянувшись, онъ долго и пристально смотрѣлъ на свои ноги, словно не понимая, зачѣмъ онѣ ему, а потомъ изъ его рта снова ползли одно за другимъ тяжелыя, сырыя слова:

— Во Псковѣ одинъ человѣкъ говорилъ мнѣ—я, говоритъ, шесть тыщъ верстъ прошелъ. Ну что жъ, говорю? Ничего, говоритъ. Видно, говорю, нѣтъ землѣ краю. Неизвѣстно, говоритъ. Потомъ—рубаху у меня укралъ.

Опять молчалъ, мысленно уходя куда-то, и, неожиданно толкнувъ Матвѣя, говорилъ:

— Ежели бы до морей дойти,—до предѣльныхъ морей, которыя безъ береговъ лежатъ. Каспицкое—въ берегахъ. Это извѣстно отъ киргизъ. Они кругъ его обходятъ. Киргизьё—колдуны больше...

Отъ этого человѣка всегда вѣяло неизбывной тоской; всѣ въ домѣ не любили его, ругали лѣнтяемъ, называли полоумнымъ. Матвѣю онъ тоже не нравился—съ нимъ было всегда скучно, порою—жутко, а иногда его измятыя слова будили въ дѣтской душѣ нелюдимое чувство, надолго загонявшее мальчика куда-нибудь въ уголъ, гдѣ онъ, одиноко сидя цѣлыми часами, сумрачно оглядывалъ дворъ и домъ.

Домъ Кожемякина раньше былъ конторою господъ Бубновыхъ и примыкалъ къ ихъ огромной усадьбѣ. Теперь его отдѣлялъ отъ земли дворянъ пустырь, покрытый развалинами сгорѣвшаго флигеля, буйно заросшій дикою коноплею, конскимъ щавелемъ, лопухами, жимолостью и высокой, жгучей крапивой. Въ этой густой, жирно-зеленой заросли плачевно торчали обугленные стволы какихъ-то деревьевъ, кое-гдѣ отъ ихъ корней безсильно тянулись къ солнцу молодые побѣги, сорныя травы душили ихъ, они сохли, и тонкіе сухіе прутья сверкали въ зелени, какъ сѣдые волосы.

Приземистый, построенный изъ кондоваго лѣса, въ обхватъ бревно, домъ Кожемякина стоялъ бокомъ на улицу, два его окна были скрыты отъ любопытныхъ глазъ палисадникомъ да частою рѣшеткою изъ толстаго теса, а дворъ огражденъ высокимъ заборомъ съ крѣпкими воротами на дубовыхъ вереяхъ. Фасадъ, съ рѣзнымъ крыльцомъ посерединѣ, обращенъ во дворъ, изъ его шести оконъ виденъ темный и слѣпой, наглухо забитый верхній этажъ барскаго дома, источенная ржавчиною рыжая крыша, обломанныя вѣтромъ трубы, согнутые флюгера и презрительно прищуренныя слуховыя окна. Стекла ихъ выбиты, на чердакѣ барскаго дома живетъ много сизыхъ

голубей, по крышѣ осторожно ходятъ голодныя кошки охотясь за тяжелой и неумной птицей.

А изъ высокой крыши жилища Кожемякина, переломивъ ее, неожиданно и странно, высунулся чердакъ въ два окна; ихъ выцвѣтшія радужныя стекла напоминаютъ глаза совы, когда она днемъ, не мигая, смотритъ на свѣтъ. По другую сторону дома—узкій и длинный садъ, огороды и, за малинникомъ, баня, между грядокъ свеклы, рѣпы и моркови. Садъ и огородъ тоже обнесены высокимъ заборомъ, съ гвоздями по гребню; за нимъ—сады монастыря; въ густой зелени старыхъ липъ тонутъ голубыя главы двухъ маленькихъ монастырскихъ церквей—зимней и лѣтней. Когда липы цвѣтутъ, ихъ желтый цвѣтень, осыпаясь, густо золотитъ сѣрыя крыши монастырскихъ строеній, а одна липа такъ высока, что ея пышныя вѣтви достигаютъ оконъ колокольни и почти касаются шелковымъ листомъ мѣди маленькихъ колоколовъ.

Квадратный дворъ Кожемякина весь обстроенъ службами, среди нихъ множество уютныхъ угловъ; противъ воротъ прочно осѣлъ въ землю крѣпкій амбаръ. Выгорѣвшій на солнцѣ и омытый дождями, онъ туго набитъ облаками сѣровато-зеленой и серебристой пеньки; въ сухую погоду его широкій зѣвъ открытъ, и амбаръ кажется огромною печью, гдѣ неподвижно застылъ сѣрый густой дымъ, пропитанный тяжкимъ запахомъ конопляннаго масла и смолы. Сквозь амбаръ—ходъ на пустырь, гдѣ устроенъ канатный заводъ. Пустырь великъ, онъ выходитъ въ поле и тоже весь заросъ бурьяномъ, только посрединѣ его протоптана широкая тропа, и надъ нею, вздрагивая, тянутся вдаль сѣрыя нити волокна пеньки. Тамъ, на концѣ пустыря, онѣ привязаны къ салазкамъ, нагруженнымъ кирпичами, и по мѣрѣ того, какъ шнуры, свиваясь, укорачиваются, салазки, вздрогнувъ, скрипятъ и подвигаются впередъ. Подъ шнурами стоятъ деревянные гребни, между зубьями ихъ беззвучно дрожатъ сѣрыя струны, а четверо рабочихъ съ утра до вечера, изо дня въ день, медленно ходятъ вдоль этихъ струнъ, пятясь задомъ, точно привязанные къ нимъ на всю жизнь. Они одѣты въ синюю посконь, босы, угрюмы; подъ ногами у нихъ валяются бобины—конусообразные куски дерева, напоминающіе кѣмъ-то потерянныя или отрубленныя головы.

Противъ воротъ амбара, въ крѣпкомъ дубовомъ станѣ, медленно вращается вертикальное колесо, съ желѣзными крючьями въ центрѣ—отъ нихъ и текутъ тонкіе ручьи волокна, а вертитъ колесо полуслѣпой и полоумный мужикъ Валентинъ.

Колесо тихо скрипитъ, Валентинъ гнусаво и немолчно

поетъ всегда одну и ту же пѣсню, словъ которой Матвѣй никогда не могъ разслушать и понять. Двое мужиковъ работали на трепалахъ, двое чесали пеньку, а сѣдой Пушкарь, выпачканный смолою, облѣпленный кострикой и серебряной паутиной волокна, былъ похожъ на стараго медвѣдя, какихъ водятъ цыгане и бородатые мужики изъ Сергача.

Всѣ двигаются не торопясь и молча, а онъ то вертится около головки—у колеса, щупаетъ черными пальцами натяженіе струнъ, присѣдая, смотритъ узкими глазами вдоль нихъ и бѣжитъ на прямыхъ ногахъ въ конецъ пустыря, чтобы облегчить или прибавить грузъ. Кашляетъ, ворчитъ, садится на обрубокъ бревна, хватаетъ счеты и, держа ихъ на вѣсу, передвигаетъ взадъ и впередъ косточки, онѣ прилипаютъ къ его пальцамъ, не ходятъ по изогнутой проволокѣ—солдатъ яростно ругается. Потомъ беретъ узкую, длинную книгу и ковыряетъ въ ней свинцовымъ карандашомъ, часто обсасывая его синими, мокрыми губами. Онъ безъ шапки; его красное лицо въ сѣдой щетинѣ подобно углю, покрытому пепломъ.

Въ часы скуки Матвѣй влѣзалъ на дерновую крышу землянки, гдѣ хранилась смола, масло и разные инструменты; она стояла подъ густой тѣнью старой ветлы. Отсюда мальчикъ видѣлъ весь пустырь, заросли сорныхъ травъ, покрытыя паутиною пеньки, и позади пустыря, словно застывшіе вздохи земли, безплодной и тоскующей, лежали холмы, покрытые желтыми лютиками и лиловыми колокольчиками на тонкихъ стебляхъ; по холмамъ бродили красныя и черныя коровы, сѣрыя овцы; въ мутномъ небѣ таяло тусклое солнце, обливая скудную землю влажнымъ зноемъ. Холмы опускались куда-то; изъ-за ихъ лысоватыхъ вершинъ былъ виденъ темный гребень лѣса. Въ душномъ воздухѣ рѣзко выдѣлялся запахъ конопли и просмоленной веревки, заглушая пряные ароматы садовъ, гдѣ зрѣли яблоки, наливалась вишня и, склонясь къ землѣ, висѣли тяжелыя грозьья пахучей черной смородины.

Справа—развалины флигеля и мертвый барскій домъ, слѣва—тихій монастырь, и отовсюду въ маленькую одинокую душу просачивалась скука, убивавшая желанія; мысли тонули въ ней, какъ солнечные лучи въ теплой водѣ нагрѣтаго имъ болота.

Пушкарь старался развлекать Матвѣя. Увидавъ его, онъ хрипло кричалъ:

— Эй, монашкинъ, лѣзь сюда!

И разсказывалъ ему что-нибудь о трудной солдатской жизни, а однажды предложилъ;

— Хошь, я тебѣ пѣсню спою? Ха-арошую пѣсню вспомнилъ!

Не ожидая отвѣта, онъ плачевно сморщилъ лицо, завелъ глаза подъ лобъ и тонкимъ, бабьимъ голосомъ пропѣлъ:

— А-фицеры очень стро-оги...

Но вдругъ звѣрски вытаращилъ глаза и хриплымъ басомъ отрубилъ:

— Оч-чень строги!

И снова уныло завелъ:

— Сулятъ намъ побои мно-оги...

И снова рявкнулъ:

— Э-эхма, многи!

А потомъ закрылъ глаза и, безнадежно покачивая головою, заунывно и тонко протянулъ:

— Впе-ередъ ве-елятъ итти-ить!

Солдатъ пѣлъ смѣшно, но пѣсня показалась Матвѣю унылою.

— Не пой! — попросилъ онъ.

— Не показалась пѣсня? — сказалъ Пушкарь, немножко удивленный. — Эхъ, ты, мотыль! Это потому, что я ее не съ начала запѣлъ, а начало у нея хорошее!

Слышны вѣсточки плачевны,
Всѣмъ народамъ объявленны:
Рекрутской наборъ —
Людямъ переводъ!

— Ну тебя! — молвилъ Матвѣй и, зная, что солдатъ начнетъ поправлять дѣло, убѣжалъ отъ него.

Иногда его ловила Власьевна и, важно надувъ губы, усаживала въ кухнѣ за столъ противъ себя.

— Давай-ка, побесѣдуемъ чинно да скромненько, чѣмъ паучкомъ-то въ уголку сидѣть.

И строго спрашивала:

— Мѣру возраста Господня знаешь?

— Нѣтъ, — сурово отвѣчалъ мальчикъ, не глядя на нее

— А ты въ глаза мнѣ гляди, — предлагала пышная стряпуха, — такъ-то не запомнишь! Знай, мѣра эта — 33! А какое есть число прародителей Господнихъ отъ Адама?

— Не знаю.

— 33! Теперь — гляди...

И хитренькимъ голоскомъ она продолжала:

— И задумалъ злой сатана Антихристъ — дай-де, возвеличу себя вдвое супротивъ Христа! Ну, удвоился, взялъ себѣ число 666, а что крестъ складывается изъ трехъ частей, не изъ шести — про это и забылъ, дуракъ! Съ той поры его всякому видно, кто не щепотникъ, а истинной древней вѣры держится.

Объ Антихристѣ она говорила не часто, но всегда безбоязн-

ненно и пренебрежительно; имя Божіе звучало въ устахъ ея грозно; произнося его, она понижала голосъ, закатывала глаза и крестилась. Сначала Матвѣй боялся Бога, силы невидимой, вездѣсущей и всезнающей, но, постепенно и незамѣтно, привыкъ не думать о Богѣ, какъ не думалъ лѣтомъ о теплѣ, а зимою о снѣгѣ и холодѣ.

Больше всего дородная стряпуха любила говорить о колдунахъ, вѣдьмахъ и чародѣйствѣ; эти разсказы Матвѣй слушалъ жадно, и только они смягчали въ немъ непобѣдимое чувство непріязни къ стряпухѣ.

Говоря о колдовствѣ, она понижала голосъ до жуткаго шепота, ея круглыя, розовыя щеки и полная, налитая жиромъ шея блѣднѣли, глаза почти закрывались, въ словахъ шелестѣло что-то безнадежное и покорное. Она разсказывала, какъ вѣдуны вырѣзываютъ человѣчій слѣдъ и наговорами на немъ сушатъ кровь человѣка, какъ пускаютъ по вѣтру килы на людей и лихорадки, загоняютъ подъ копыта лошадей гвозди, сдѣланные изъ гробовой доски, а ночью въ стойло приходитъ мертвецъ, хозяинъ гроба, и мучаетъ лошадь, ломая ей ноги.

Каждый разъ мальчикъ замѣчалъ, что, наговоривъ о злой силѣ вѣдьмъ и колдуновъ много страшнаго, Власьевна вдругъ какъ будто сама пугалась и торопливо, жаркимъ шопотомъ убѣждала его:

— Только ты не думай, что всѣ они злые, ой, нѣтъ, нѣтъ! Они и добрые тоже, добрыхъ-то ихъ еще больше будетъ вѣдь! То помни — они всѣхъ травъ силу знаютъ, и плакунъ-травы, и тирлича, и кочедыжника, и знаютъ, гдѣ ихъ взять. А травы эти — отъ всѣхъ болѣзней, онѣ же и противъ нечистой силы идутъ — она вся во власти у нихъ. Вотъ, примѣрно, обаетъ тебя по вѣтру недругъ твой, а вѣдунъ-то потретъ тебѣ подъ мышки тирличъ-травой, и сойдетъ съ тебя обаяніе-то. Они, батюшки, много добра дѣлаютъ людямъ!

— Они — угодники? — спросилъ однажды Матвѣй.

— Богу-то?

Власьевна подумала и нерѣшительно сказала:

— Нѣтъ, надо-быть, Богу, чай, тѣ угодны, которые въ монастыряхъ, въ пустыняхъ спасаются, а эти вѣдь прямо противъ нечистыхъ-то идутъ..

— Богъ — помогаетъ имъ?

— А какъ же! Онъ, Батюшка, всѣмъ помогаетъ.

— А Онъ бы лучше громомъ побилъ злыхъ-то колдуновъ! — предложилъ Матвѣй.

Власьевна вздохнула и отвѣтила:

— Жалѣетъ, видно! Все-таки — Его тварь.

Но глубже всѣхъ разсказовъ той поры въ память Матвѣя Кожемякина врѣзался разсказъ отца про Волгу. Было это весеннимъ днемъ, въ саду, отецъ только-что воротился изъ уѣзда, гдѣ скупалъ пеньку. Онъ пріѣхалъ какой-то особенно добрый, задумчивый, и говорилъ такъ, точно провинился предъ всѣмъ міромъ.

Сидѣли за столомъ въ малинникѣ; Савелій Кожемякинъ тряхнулъ головой, вобралъ въ грудь много воздуха и протянулъ руку.

— И вотъ — рѣка Волга-матушка, братецъ ты мой! Ширины она огромной, глубока, свѣтла и течетъ... какъ будто въ грудь тебѣ течетъ али бы изъ груди твоей льется, — это даже невозможно понять, до чего хорошо, когда лежитъ предъ тобою широкій путь водный, солнышкомъ озолоченный! И бѣгутъ по немъ, какъ лебедя, косовыя лодки грудастыя, однокрылыя, подъ однимъ, значитъ, бѣлымъ парусомъ. Золотыя бѣляны съ тёсомъ вальяжно, какъ дворянки въ кринолинахъ, не спѣша спускаются; тутъ тебѣ мокшаны и коломенки, и разнаго фасона барки да баржи, носа свои пестрые вверхъ поднявъ, весело бѣгутъ по синей-то рѣкѣ, какъ на бархатѣ шелкомъ вышиты. На иныхъ паруса кумачомъ оторочены, мачты-дерева вертунами золочеными украшены, гдѣ — стрѣла, гдѣ — пѣтухъ, гдѣ — рука съ мечомъ: это чтобы вѣтеръ показывать, а больше — для красы. Которыя палубы крышами крыты, а по крышамъ коньки-то рѣзаны, тоже кочета или вязь фигурная, и все разными красками крашено, и флажки цвѣтные на мачтахъ птицами бьются; все это на рѣкѣ, какъ въ зеркалѣ, и все движется, живетъ, — гуляй душа!

Онъ говорилъ тихо и какъ бы на распѣвъ церковный. Толстые пальцы протянутой впередъ руки легонько шевелились, точно онъ псаломъ царя Давида на гусляхъ игралъ. Потомъ, опустивъ руку, онъ сталъ чертить пальцемъ на доскѣ стола круги и кресты, задумчиво продолжая:

— Идешь ты на баржѣ, а навстрѣчу тебѣ берега плывутъ, деревни, села у воды стоятъ, лодки снуютъ, словно ласточки, рыбаки снасть ставятъ, по праздникамъ народъ пестро кружится, бабьи сарафаны полымемъ горятъ — мужики-то поволжскіе сыто живутъ, одѣваются нарядно, бабы у нихъ прирабатываютъ, деньги — дороги, одежа — дешева! Взглянешь, бывало, на берегъ, вспыхнетъ сердце — загогочешь во всю силу — эй, вы, жители! Здорово ли живемъ? Бечевой бурлаки согнувшись идутъ, какъ баранки на мочало вздѣтые, — маленькіе они издаля-то! Пѣсни гудутъ, ровно бы большущія пчелы невидимо летятъ. А ночью — потемнѣетъ рѣка, осеребрится мѣся-

цемъ, на привалахъ огни засвѣтятся, задрожатъ на черной-то водѣ, смотрятъ въ небо какъ бы со дна рѣки, а въ небѣ — звѣзды эти наши русскія, и такъ мило все душѣ, такое все родное человѣку! Обнимаетъ Волга сердце доброй лаской, будто говоритъ тебѣ: „Живи-ле, братокъ, не тужи! Чего тамъ?“. Волга, Матвѣй, это ужъ воистину за трудъ нашъ, для облегченія отъ Бога дана, и какъ взглянешь на нее — окрылится сердце радостью, ничего тебѣ не хочется, не надобно, только бы плыть — вотъ какая разымчивая рѣка!

Онъ замолчалъ, вздохнувъ, и опустилъ голову; молчалъ и мальчикъ, охваченный свѣтлымъ чувствомъ гордости: никогда еще отецъ не говорилъ съ нимъ такъ мягко и сердечно.

— Теперь — про себя разскажи! — попросилъ онъ наконецъ.

— Про себя? — повторилъ отецъ. — Я — что же? Я, братъ, не умѣю про себя-то! Ну, какъ сбѣжалъ отецъ мой на Волгу, было мнѣ пятнадцать лѣтъ. Озорной былъ. Ты вотъ тихій, а я — ухъ, какой озорникъ былъ! Били меня за это и отецъ и многіе другіе, кому надо было. А я не выносливъ былъ на побои, взлупятъ меня, я — бѣжать! Вотъ однажды отецъ и побей меня въ Балахнѣ, а я и убѣгъ на плотахъ въ Кузьдемьянскъ. Съ того и началось житье мое: потерялъ вѣдь я отца-то, да такъ и не нашелъ никогда — вотъ какое дѣло! Эхъ, ты...

Сдвинувъ рыжія брови, онъ гулко крякнулъ, перекрестился, задѣвъ сына рукою по щекѣ, и крѣпко прижалъ его къ себѣ.

— Не по возрасту тебѣ эти разсказы, зря это я! Кабы ты старше былъ...

— Мнѣ ужъ одиннадцатый годъ! — напомнилъ Матвѣй.

— Велико дѣло! Ну, я прилягу, вздремлю. Поди-ка, скажи Власьевнѣ — войлокъ бы мнѣ принесла.

— Я самъ...

— Нѣтъ, лучше она...

Матвѣю стало грустно, не хотѣлось уходить. Но когда, выходя изъ сада, онъ толкнулъ тяжелую калитку и она широко распахнулась передъ нимъ, мальчикъ почувствовалъ въ груди приливъ какой-то новой силы и пошелъ по двору тяжелой и развалистой походкой отца. А въ кухнѣ — снова вернулась грусть, больно тронувъ сердце; Власьевна сидѣла за столомъ, разсматривая въ маленькомъ зеркальцѣ свой носъ, одѣтая въ лиловый сарафанъ и бѣлую рубаху съ прошвами, обвѣшанная голубыми лентами. Она была такая важная и красивая.

„И вправду лучше меня!“ — завистливо подумалъ онъ и неожиданно для себя, грубымъ голосомъ сказалъ:

— Эй, ты, отнеси поди тятѣ сѣрый войлокъ!

Она быстро взглянула на него, покраснѣла и убѣжала въ горницу отца; ея торопливость поправилась Матвѣю; нахмуривъ брови, онъ поднялъ голову и важно вышелъ за ворота.

Ему было не велѣно выходить на улицу безъ Созонта, и раньше онъ никогда не рѣшался нарушать запретъ отца, но сегодня захотѣлось посидѣть у воротъ одному.

Теплое небо было пусто, и на улицѣ — ни души; жители, покушавъ пироговъ, дремали въ этотъ часъ. Гдѣ-то вдали скрипѣла веревка качелей, взвизгивали дѣвицы, а съ рѣки долеталъ смягченный и спутанный далью крикъ ребятъ.

Вдоль улицы, налитой солнцемъ, сверкали стекла открытыхъ оконъ, яркія пятна расписныхъ ставень и рѣзныхъ коньковъ; кое-гдѣ на деревьяхъ въ палисадникахъ люди вывѣсили клѣтки съ птицами; звонко пѣли щеглята, неумолчно трещали веселые чижи: на окнѣ у Базуновыхъ задумчиво свистѣла зарянка — любимая птица Матвѣя; ему нравилось ея скромное оперенiе, красная грудка и тонкiя ножки, онъ любилъ слушать ея простую грустную пѣсенку, птица эта заставляла его вспоминать о матери.

Весеннiя пѣсни плѣнныхъ птицъ заглушалъ насмѣшливый свистъ скворцовъ; черные и блестящiе, точно масломъ смазанные, они, встряхивая крыльями, сидѣли на скворечняхъ и, широко открывая желтые носы, дразнили всѣхъ, смѣшно путая пѣсню жаворонка съ кудахтаньемъ курицы. Матвѣй вспомнилъ, что однажды Власьевна, на его вопросъ, почему скворцы дразнятся, объяснила:

— Отъ зависти да со зла! Скворцы да воробьи въ Бога не вѣрятъ, оттого имъ своей пѣсни и не дано. Такъ же и люди: кто въ Бога не вѣритъ — ничего не можетъ сказать...

Мальчикъ смотрѣлъ вдоль улицы, обильно заросшей травою, и представлялъ себѣ широкую синюю полосу Волги. Улица — рѣка, а пестрые дома въ садахъ — берега ея.

Но это было скучно и не волновало сердца такъ прiятно и бодро, какъ волновалъ разсказъ отца.

Гулко щелкнуло о скобу желѣзо щеколды, изъ калитки высунулась красная голова отца, онъ брезгливо оттопырилъ губу, посмотрѣлъ вдоль улицы прищуренными глазами.

— Подь сюда!

А на дворѣ, взявъ сына за плечо, уныло заговорилъ.

— Вотъ оно: чуть только я тебѣ сказалъ, что отца не слушался, сейчасъ ты это перенялъ и — махнулъ на улицу! А не велѣно тебѣ одному выходить. И еще: пришелъ ты въ кухню — Власьевну обругалъ.

— Вовсе я не ругалъ! — угрюмо глядя въ землю, сказалъ Матвѣй.

— Она говоритъ — ругалъ...

— Вретъ она!

— Она?

Долго и молча отецъ ходилъ по двору, заглядывая во всѣ углы, словно искалъ, гдѣ бы спрятаться, а когда, наконецъ, вошелъ въ свою горницу, то плотно прикрылъ за собою дверь, сѣлъ на кровать и, поставивъ сына передъ собою, крѣпко сжалъ бедра его толстыми колѣнями.

— Давай мы съ тобой опять говорить... о дѣлахъ серьезныхъ. — Положивъ тяжелую руку на голову сына, другой, съ отрѣзаннымъ суставомъ мизинца, онъ отеръ свое красное виноватое лицо. — Хошь возраста мнѣ всего полсотни съ тройкой, да жизнь у меня смолоду была трудная, кости мои понадломлены, и сердце по ночамъ болитъ, не иначе, какъ сдвинули мнѣ его съ мѣста, нѣтъ-нѣтъ да и задѣнетъ за что-то. Скажемъ, на стѣнѣ бы, на пути маятника этого, шишка была, — вотъ такъ же, чай, задѣвалъ бы онъ!

Матвѣю стало жалко отца, онъ прижался къ нему и сказалъ:

— Это пройдетъ.

Старикъ приподнялъ глаза къ потолку, борода его затряслась, губа отвисла, и, вздохнувъ, онъ прошепталъ:

— Умрешь — все пройдетъ, да вотъ, пока живъ, — мѣшаетъ.

Рука его какъ будто стала еще тяжелѣй.

— И вотъ я, — сказалъ онъ, глядя въ окно, — затѣялъ я жениться...

— На Власьевнѣ? — спросилъ сынъ, спрятавъ голову подъ бородой отца.

— Нѣ-ѣтъ, на другой...

Облегченно вздохнувъ, Матвѣй улыбнулся и молвилъ:

— Это хорошо, что не на ней!

— Ну-у? Али хорошо?

— А какъ же! — горячо и быстро шепталъ мальчикъ. — Она вонъ все про колдуновъ говоритъ!

— Я, братъ, въ эти штуки не вѣрю, нѣтъ! — весело сказалъ отецъ. — Я, братъ, колдуновъ этихъ и въ будни и въ праздники по мордамъ бивалъ, — въ работникахъ жилъ у колдуна — мельникъ онъ, такъ однажды, взявъ его за грудки...

Онъ оборвалъ рѣчь, прикрылъ глаза и, печально качая головою, вздохнулъ.

— Такъ вотъ, — значитъ, будетъ у тебя мачеха,..

— Молодая? — спросилъ Матвѣй.

— То-то, что молодая!

Матвѣй зналъ, зачѣмъ люди женятся; подробные и откровенные разговоры Пушкаря, рабочихъ и Власьевны о женщинахъ давно уже познакомили его съ этимъ. Ему было пріятно слышать, что отецъ бросилъ Власьевну, и онъ хотѣлъ знать, какая будетъ мачеха. Но все-таки онъ чувствовалъ, что ему становится грустно, и желаніе говорить съ отцомъ пропало.

— О, Господи, Господи, — вздохнулъ старикъ. — Бабы, братъ, это ужъ такое дѣло, — не понять тебѣ! Тутъ — судьба, не обойдешь ее. Даже монахи и тѣ, вонъ... Такъ вотъ, значитъ...

Едва перемогаясь, чтобы удержать слезы, сынъ пробормоталъ:

— Была у тебя жена-то...

— Была, да нѣтъ. А тебя надобенъ присмотръ: женщину надо добрую да хорошую. Вотъ я и нашелъ...

Поглядѣвъ на окно, гдѣ стояли два горшка съ розанами и штофъ какой-то золотисто-желтой настойки, онъ тихо продолжалъ:

— Мать твоя — она ничего человѣкъ была, она, братъ, умница была! Тихая такая умница. И такъ все понимала, такъ жалѣла всѣхъ, что и вѣрно — некуда ей было дѣвать себя, кромѣ какъ въ монастырь запереться. Ну, и заперлась...

Матвѣй вздрогнулъ, изумленно и недовѣрчиво глядя въ лицо отцу.

— Она развѣ въ монастырѣ?

— А гдѣ же?

— Въ этомъ, въ нашемъ?

— Нѣтъ, — сказалъ отецъ, грустно качнувъ головой, — она дале-еко! Въ глухихъ лѣсахъ она... и даже неизвѣстно гдѣ. Не знаю я. Я съ ней всяко — и стращалъ и уговаривалъ: Варя, говорю, что̀ ты? Варвара, говорю, на цѣпь я тебя, деймона, посажу! Стоитъ на колѣнкахъ и глядитъ. Нестерпимо она... глядѣла! Наскрозь души. Часомъ, бывало, толкнешь ее — уйди! А она... а она — въ ноги мнѣ. И — опять глядитъ. Ужъ не говоритъ — пусти-де! а — молчитъ...

Матвѣй заплакалъ: было и грустно и радостно слышать, что отецъ такъ говоритъ о матери. Старикъ, наклонясь, закрылъ лицо его красными волосами бороды и, цѣлуя въ лобъ, шепталъ:

— Напрасно я сказалъ тебѣ это, — рано, не надо бы! Глазенки у тебя ея, и будто ты тоже все понимаешь, — эхъ, сынокъ мой! Сынишка ты монашкинъ...

Онъ тоже, должно-быть, плакалъ, борода его стала сырой. Въ сердцѣ мальчика еще горячѣе и ярче вспыхнула любовь

и жалость къ большому рыжему человѣку, въ которомъ онъ чувствовалъ что-то хорошо знакомое дѣтскому сердцу.

Теперь, когда Матвѣй зналъ, что мать его ушла въ монастырь, Власьевна стала для него еще болѣе непріятна, онъ старался избѣгать встрѣчъ съ нею, а разговаривая, не могъ смотрѣть въ широкое, надутое лицо стряпухи. И не безъ радости видѣлъ, что Власьевна вдругъ точно сморщилась, перестала рядиться въ яркіе сарафаны и, плотно сжавъ губы, покорно согнула шею.

Вскорѣ отецъ захворалъ, недѣли двѣ онъ валялся по полу своей комнаты на широкой сѣрой кошмѣ, весь въ малежахъ, въ синихъ пятнахъ, и цѣлые дни, сидя около него, мальчикъ слушалъ хриплый голосъ, часто прерываемый влажнымъ, глухимъ кашлемъ.

Окна были наглухо закрыты ставнями, комната полна сумрачной прохлады, и въ чуткую память мальчика свободно и глубоко ложились простые отцовскіе разсказы.

— Я, братъ, былъ мужикъ—распахни-душа, довѣрчивый, только обозлили меня разные жулики! Есть на Руси такіе особые люди: будто онъ хорошій и будто честно говоритъ—а внутри себя просто гнилой жуликъ: ни въ немъ нѣтъ вѣры ни во что, ни ему, сукиному сыну, ни въ чемъ вѣрить нельзя. Влѣзетъ этакій въ душу тебѣ, подобно червю, и незамѣтно источитъ ее. А со мной дружбу легко начать—увижу, бывало, веселаго человѣка—вотъ мнѣ и другъ! Ну, жулики этимъ пользовались. Вотъ, Матвѣй, подрастешь ты, можетъ, услышишь про меня здѣсь худую рѣчь—будто деньги я не добромъ нажилъ или тамъ иное что̀, ты этому не вѣрь!

— Не буду!—обѣщалъ сынъ.

— Не вѣрь! Деньги—онѣ всѣми одинаково наживаются—удачей! Удачливъ—наживешь, неудачливъ — хоть тысячу людей ограбь, все нищимъ будешь. Это—въ родѣ игры. Бываетъ—дойдешь въ игрѣ до драки — эка бѣда! Нельзя иначе-то: положено намъ судьбой жить въ азартѣ. Я не хвастаюсь, можетъ, и нехорошо что̀ дѣлалъ, противъ Божьихъ заповѣдей, такъ вѣдь и всѣ противъ ихъ! А которые стыдятся, они вонъ въ лѣса, въ скиты, въ монастыри уходятъ. Не всѣмъ по монастырямъ жить, а то и монахи съ голоду помрутъ. А одинъ человѣкъ — не житель, рыба и та стаями ходитъ да другъ друга ѣстъ...

„Супротивъ другихъ я, думается, не крупенъ грѣшникъ. Ты вотъ возьми-ка губернію нашу, Воргородъ: тамошніе богачи всѣ разбойники! Соборный староста, судоходецъ Соковнинъ — я-то его больно хорошо знаю! — онъ съ Максимомъ

Башлыкомъ въ товарищахъ былъ. Максимъ этотъ, годахъ въ двадцатыхъ, а можетъ, и раньше, на верхнемъ плесѣ атаманомъ ходилъ, Балахну грабилъ однажды, именитаго купца Зуева вчистую обобралъ — семь бочекъ одного серебра-золота увезли. Молодцовъ у Максима немного было, а все орелъ къ орлу, и ни одного изъ нихъ, слышь, не поймали — смекай! А теперь этотъ Соковнинъ — благочестивый человѣкъ и у властей — въ ласкахъ. И многіе этакъ-то! Масловы, рыбники, отъ фальшивыхъ денегъ вознеслись, а теперь старый-то Масловъ золотую медаль носитъ. Ты не думай, я не осуждаю, а разсказываю. Тутъ вся верхняя Волга въ старину-то разбоемъ жила, тѣмъ Воргородъ и славенъ, тѣмъ онъ и крѣпко сталъ. Въ каждой семьѣ есть пятнышко и, почитай, у всѣхъ въ роднѣ — монахъ али монахиня, а то скитница отмаливаютъ грѣхи-то старинные. Разбои да фальшивыя деньги, а послѣ того — севастопольская кампанія: ратниковъ на войну спаряжали — лыко за кожу шло по той порѣ. Мятель была денежная, ассигнаціи снѣгомъ на головы падали, серебро мѣрками мѣрили! Лабзинъ купецъ, хлѣбникъ большой, въ сороковомъ году, въ голодъ великій, пріѣхалъ къ Бутурлину — губернатору: жертвую, говоритъ, голоднымъ три мѣрки серебра! Это сколько? — спрашиваютъ. Три, говоритъ, мѣрки, а сколько въ нихъ — мнѣ не счесть! Не ученый-де. Не жалѣли денегъ-то, въ родѣ баръ. Одна разница — баре искуснѣе жить умѣютъ. Они, братъ, — да, они могутъ!“

Старикъ, улыбаясь, закрылъ глаза, словно вспомнивъ что-то хорошее, и, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Ты одно помни: нѣтъ худа безъ добра, а и добро безъ худа — чудо! Господь нашъ русскій, Онъ — добрый Богъ, все терпитъ. Онъ видитъ: нашъ-то братъ не столь золъ, сколько глупъ. Эхъ, сынокъ! Чтобы человѣка осудить, надо съ годъ подумать. А мы, согрѣшивъ по-человѣчьи, судимъ другъ друга по-звѣриному: сразу хапъ за горло и чтобы душа вонъ!

Слушая чудесныя сказки отца, мальчикъ вспомнилъ его замкнутую жизнь: кромѣ лѣкаря Маркова и молодого дьячка Коренева никто изъ горожанъ не ходилъ въ гости, а старикъ Кожемякинъ почти никогда не гулялъ по городу, какъ гуляютъ всѣ другіе жители, нарядно одѣтые, съ женами и дѣтьми. Церковь они посѣщали Никольскую — самый бѣдный приходъ, а въ монастырѣ, гдѣ молились лучшіе люди города, Матвѣй никогда не былъ. Входя въ свой темный и тѣсный старый храмъ, мальчикъ замѣчалъ, что народъ разступается передъ отцомъ нехотя, провожаетъ его косыми взглядами, враждебнымъ шопотомъ.

Вспомнилъ онъ, какъ однажды Пушкарь шутя говорилъ Созонту:

— Откуда вы съ хозяиномъ—никому неизвѣстно, какія у васъ деньги—невѣдомо, и кто вы таковы—не знатно никому! Вотъ я—я здѣшній, слободской человѣкъ и могу тебѣ дѣдовъ-прадѣдовъ моихъ съ десятокъ назвать, и кто они были, и чѣмъ ихъ били, а ты—кто?

Созонтъ, крѣпко потирая широкой ладонью изъѣденную оспой скулу, угрюмо отвѣтилъ:

— Всѣ одной судьбой связаны!

— Такъ вотъ какъ она строго жизнь наша стоитъ!—говорилъ отецъ, почесывая грудь.—И надо бы попроще какъ, подружнѣе жить, а у насъ всѣ напрягаются, чтобы чужими грѣхами свои передъ Богомъ оправдать али скрыть, да и выискиваютъ грѣхи эти, ровно вшей въ одеждѣ у сосѣда—нехорошо! И никто никого не жалѣетъ, звѣрье-звѣрьемъ!

Матвѣй тихонько напомнилъ:

— А мать?

— Мать?—задумчиво переспросилъ старикъ.—Да-а, она-то жалѣла людей! Она слабая была, запуганная; у нея, видишь ты, отца съ матерью на торговой площади кнутомъ били, а она это видѣла. Тутъ тоже не все ладно: отецъ-то ея богомазомъ былъ, въ Елатьмѣ жили они, это на Окѣ есть такое жительство, ну, такъ вотъ, онъ будто ризу снялъ съ иконы, а мать спрятала. Отецъ говоритъ: баринъ ризу снялъ, а не я! Баринъ—церковный староста, богатѣйшій человѣкъ былъ, а съ отцомъ у него нелады были. Темное дѣло. Посадили ихъ подъ арестъ, а они—бѣжать, бариновы охотники — вослѣдъ и поймали ихъ около Мурома, а отецъ-отъ Варваринъ отбиваться сталъ да зашибъ, что ли, кого-то. Я о ту пору тамъ былъ, въ Елатьмѣ этой, какъ били ихъ, стоялъ въ народѣ, глядь—дѣвица на землѣ бьется, какъ бы черной немочью схвачена. Ну, жалко стало! А какъ мать ея съ отцомъ въ каторгу пошли, или куда, родные же гдѣ-то около Шуи живутъ—осталась она, Варвара-то, какъ овца въ лѣсу. Женились мы да вотъ сюда и пріѣхали, купилъ я тутъ усадьбу эту и поставилъ заводъ. Канатное дѣло я хорошо прошелъ, мнѣ оно сначала пріятно было; ходишь, бывало, вдоль струнъ да вспоминаешь прожитое, какъ бы на гусляхъ играя. Ну, и зажили. Не больно весело, а дружно. Разъ только изъ за-серегъ вышло: были у меня серьги—яхонтъ камень, жемчугомъ обложенъ, и подвѣски по жемчужинѣ, съ ноготь величиной, случаемъ онѣ мнѣ достались—богатѣйшая вещь! На, говорю, Варюха, носи! А она—не хочу, говоритъ.

Душу, говоритъ, украшать надобно, а не тѣло. Я говорю— дура! Душа серегъ носить не станетъ! Спорили, спорили...

Онъ искоса посмотрѣлъ на сына, закашлялся и умолкъ, прикрывъ глаза.

Вскорѣ послѣ болѣзни отецъ обвѣнчался. Невѣста, молодая и высокая, была одѣта въ голубой сарафанъ, шитый серебромъ, и, несмотря на жару, въ пунцовый штофный душегрѣй. Ея доброе, круглое лицо словно таяло, обливаясь слезами, и вся она напоминала рѣчную льдину въ солнечный весенній день.

Отецъ стоялъ въ синей поддевкѣ и желтой шелковой рубахѣ, на складкахъ шелка блестѣлъ огонь лампадъ, и Матвѣю казалось, что грудь отца охвачена пламенемъ, а голова и лицо раскалились.

Матвѣя нарядили въ красную рубаху, плисовые синіе штаны и сапоги зеленаго сафьяна на мягкой подошвѣ, по-татарски расшитые зеленымъ и краснымъ.

Свидѣтелями были лѣкарь, дьячокъ, Пушкарь и огромный чернобородый мужикъ изъ Балымеръ, Яковъ, дядя невѣсты. Вѣнчались въ будни, народу въ церкви было немного, но въ темной пустотѣ ея все время гулко звучалъ сердитый шопотъ бабъ. Около Матвѣя стояла высокая, костлявая старуха, вся въ черномъ, какъ монахиня, и шипѣла, перекоряясь съ Власьевной.

— Тоже и про твоего хозяина нехорошъ слушокъ ходитъ...

— Все-таки, сударыня моя, не чета онъ ей...

— Четъ—нечетъ, судьба мечетъ, а ты тутъ при чемъ будешь?

Матвѣй думалъ:

„Что̀ жъ отецъ Власьевну-то не прогналъ?“

Послѣ обряда невѣста попросилась итти домой по улицѣ въ вѣнцахъ и съ попомъ, но отецъ кратко сказалъ:

— Не надо!

По церкви поплылъ глухой и грозный гулъ

Шли домой, Матвѣй шагалъ впереди всѣхъ безъ картуза: онъ несъ на груди икону, держа ее обѣими руками, и когда, переходя дорогу, споткнулся, то услышалъ подавленный и какъ будто радостный крикъ Власьевны:

— Ой, запнулся!

Отецъ что-то невнятно промычалъ.

Всю дорогу вслѣдъ за свадебнымъ шествіемъ бѣжала пестрая собака; иногда она обгоняла людей; высокая старуха, забѣгая впередъ Матвѣя, грозила собакѣ пальцемъ и шипѣла:

— Чтобъ те разорвало, окаянную!

А чернобородый мужикъ на всю улицу сказалъ:

— Пестрое житье-то сулитъ!

Пришли домой, на дворѣ бабы начали о чемъ-то спорить, молодая испуганно глядѣла на нихъ голубыми глазами и жалобно говорила:

— Тетеньки, не знаю я, какъ это...

— Гдѣ хмель-отъ?—спрашивала черная старуха.

А кто-то злорадно удивлялся:

— Не знаи-ить, бабоньки, ай да молодуха! Не знаить, слышите!

Толстая баба, похожая на двухпудовую гирю, держала молодую за рукавъ, убѣждая:

— А ты—во-ой! Ты вой!

И вдругъ молодуха, вытаращивъ глаза, пронзительно запѣла:

Ой, бѣдная я, несчастная,
Ни подружекъ у меня ни сватеекъ,
Ни отца родного ни матери,
Не подарятъ мнѣ, сиротинушкѣ,
Ни овечки ни теленочка..

— Дура!—строго и презрительно закричала черная старуха.—Это когда надо было выть? Передъ церковью, ду-у-реха!

Отецъ растолкалъ бабъ, взялъ молодую за руку и, ласково усмѣхаясь, сказалъ:

— Ты погоди—побью, тогда и взвоешь.

Пришли попъ, дьяконъ и дьячокъ Кореневъ; всѣ гости ввалились со двора въ комнаты, толкаясь, усѣлись за столъ и долго въ молчаніи ѣли свадебную лапшу, курникъ, пили водку и разноцвѣтныя наливки.

Матвѣй сидѣлъ о-бокъ съ мачехой, заглядывая въ глаза ея, полно налитые слезами и напоминавшіе ему фіалку и весенніе голубые колокольчики, окропленные росой. Она дичилась его, прикрывала глаза опухшими рѣсницами и отодвигалась. Видя, что она боится чего-то, онъ тихонько шепнулъ ей:

— Отецъ-то добрый...

Она вздохнула.

Пока за столомъ сидѣли попъ и дьяконъ, всѣ ѣли и пили молча, только Пушкарь неугомонно разсказывалъ что-то о военномъ попѣ.

— Хоть я, говоритъ, человѣкъ безоружный, но за уши васъ оттаскать могу! Да и цапъ его за ухо, юнкера-то!

Попъ звонко хохоталъ, вскидывая голову, какъ туго взнузданная лошадь; длинные волосы падали ему на угреватыя щеки, онъ откидывалъ ихъ за уши, тяжко отдувался и вдругъ, прервавъ смѣхъ, смотрѣлъ на людей, строго хмурясь, и громко говорилъ что-нибудь отъ Писанія.

Но вотъ попъ всталъ и началъ говорить что-то, слова у него вязли въ зубахъ, а глаза удивленно раскрылись и, казалось, никогда ужъ не закроются.

Наконецъ онъ ушелъ, покачиваясь и махая рукою во всѣ стороны, сопровождаемый старымъ дьякономъ, который поддерживалъ его подъ руку, и, улыбаясь, бормоталъ:

— Ничего, мы и мы и сами...

И какъ только они ушли—тотчасъ же началось что-то шумное, непонятное: высокая старуха встала, поправляя на головѣ темный платокъ, и начала говорить громко и внушительно:

— Не дѣло, бояринъ Савелъ Иванычъ, что обряда ты ни въ чемъ соблюдать не хочешь, и тебѣ, Палагея, знать бы—не дѣло дѣлаешь! Въ домъ ты пришла—заздравной чары гостямъ не налила...

Отецъ чмокнулъ губой и громко проговорилъ:

— Налей сама да и вылакай,—эка вѣдьма!

— Брось, матушка!—сказалъ Яковъ, махнувъ рукой, и сталъ зачѣмъ-то насыпать ложкой въ стаканъ водки сахарный песокъ.

Баба, похожая на гирю, засмѣялась, говоря:

— Какіе ужъ порядки да обряды—цвѣтокъ-отъ въ курникѣ воткнуть былъ совсѣмъ зря: всѣмъ вѣдомо, что невѣста-то не дѣвушка! Сорванъ ужъ давно цвѣточекъ-отъ!

Мачеха, наклоня голову, быстро перекрестилась; наклонивъ голову, Матвѣй услыхалъ ея шопотъ:

— Богородица... Благословенная...

Отецъ всталъ и рявкнулъ на бабъ:

— Цыцъ!

Словно переломившись на поясницѣ, старуха сѣла, а онъ широко повелъ рукой надъ столомъ, говоря спокойно и густо:

— Васъ позвали не уставы уставлять, а вотъ—ѣшьте да пейте, что̀ Богъ послалъ!

— А я не хочу ѣсть!—заявилъ Яковъ, громко икнувъ и навалившись грудью на столъ.

— Ну, пей!

— А я и пить не хочу! Вино твое вовсе не вкусно.

— То-то ты сахару въ него наваливалъ!

— А тебѣ жаль?

— Э, ну те къ... Богу!

Чернобородый мужикъ ударилъ ладонью по столу и торжествующе спросилъ:

— Ж-жаль?

— Ну, сиди себѣ!—сказалъ отецъ, отмахнувшись отъ него рукою.

Всѣ кричали: Пушкарь спорилъ съ дьячкомъ, Марковъ—съ бабами, а Яковъ куражился, разбивалъ ложки ударомъ ладони, согнулъ зачѣмъ-то оловянное блюдо и все гудѣлъ:

— И сидѣть не хочу! Я—гость! Я, братъ, тоже... Ты думаешь, коли ты городской, такъ это тебѣ и честь?

Отецъ презрительно чмокнулъ и сказалъ:

— Эка свинья!

— Кто?—спросилъ Яковъ, мигая тупыми глазами.

— Ты!

Чернобородый мужикъ подумалъ, поглядѣлъ на хозяина и поднялся, опираясь руками о столъ.

— Матушка! Марья!—плачевно крикнулъ онъ.—Айдате отсюда!

Вскочила молодая, заплакала.

— Дяденька Яковъ! Бабушка Авдотья, тетенька...

— Молчи! — сурово сказалъ отецъ, усаживая ее.—Я свиньямъ не потатчикъ. Эй, ребята, проводите-тка дорогихъ гостей, коли имъ пряники не по зубамъ пришлись!

Пушкарь, Созонтъ и рабочіе начали усердно подталкивать гостей къ дверямъ, молодая плакала и утирала лицо рукавомъ кисейной рубахи.

— Словно кошка умывается,—жалѣя ее, подумалъ Матвѣй.

Дьячокъ стоялъ около нея и, улыбаясь, говорилъ что-то тихо и ласково, а Марковъ убѣждалъ отца:

— Ну, полно, Савелъ! Какія обиды...

— Надоѣло!—протянулъ отецъ.

И, вдругъ поднявшись на ноги, выпрямился, тряхнулъ головой.

— Эхъ, дружки мои единственные! Ну-ка, повеселимся, коли живы! Василій Никитичъ—доставай, что ли, гусли-то! Утѣшь! А ты, Палага, приведи себя въ порядокъ—будетъ кукситься! Мотя, ты чего ея дичишься? Гляди-ка, много ли она старше тебя?

— Что говоритъ, оглашенный! — воскликнулъ дьячокъ, качая головою.

Отецъ засмѣялся.

— Стѣня и трясыйся долженъ бы ты, Савелій, жить,—говорилъ дьячокъ, доставая гусли изъ ящика.

— А въ немъ—бѣси играютъ!—крикнулъ Пушкарь.

Матвѣй прижался къ мачехѣ, она довѣрчиво обняла его за плечи, и оба они смотрѣли, какъ дьячокъ настраиваетъ гусли.

Тонкій, какъ тростинка, онъ въ своемъ сѣромъ подрясникѣ былъ похожъ на женщину, и странно было видѣть на узкихъ плечахъ и гибкой шеѣ большую широколобую голову, скуластое лицо, покрытое неровными кустиками жесткихъ волосъ. Подъ лѣвымъ глазомъ у него сидѣла бородавка, изъ нея тоже кустились волосы, онъ постоянно крутилъ ихъ пальцами лѣвой руки, оттягивая вѣко книзу, это дѣлало одинъ глазъ больше другого. Глаза его запали глубоко подъ лобъ и свѣтились изъ темныхъ ямъ свѣтомъ мягкимъ, безмолвно говоря о чемъ-то сердечномъ и печальномъ.

Вотъ онъ положилъ гусли на край стола, засучивъ рукава подрясника и рубахи, и, обнаживъ сухія, жилистыя руки, тихо провелъ длинными пальцами вверхъ и внизъ по струнамъ, говоря:

— Внимай, Савелій, это нѣкая старинная кантата свадебная!

И пріятнымъ голосомъ запѣлъ, осыпая слова, какъ цвѣты росой, тихимъ звономъ струнъ:

Венусъ любезная совѣтовалася
Яблокъ завистная отняти,
Рекла бо: время намъ скончати пренія,
Сердца любовію спрягати...

Матвѣй видѣлъ, что по щекамъ мачехи снова непрерывно льются слезы; онъ тихонько толкнулъ ее въ бокъ:

— Не плачь!

А дьячокъ торжественно пѣлъ, обливая его лицо теплымъ блескомъ хорошихъ глазъ.

Загадка вся сія да нынѣ явная
Невѣста славная днесь приведется;
Два сердца, двѣ души соединилися,
И се пѣснь брачная поется...

— Не плачь, говорю!—повторилъ Матвѣй, самъ готовый заплакать отъ славной музыки и печали, вызванной ею.

Она наклонилась къ нему и прошептала два знакомыхъ слова:

— Скучно мнѣ... боязно...

— Хорошо-то хорошо, да не весело!—буйно кричалъ отецъ, выходя на середину горницы.—А ну-те-ка, братцы, гряньте что-нибудь вдвоемъ, что-нибудь для старыхъ костей, уважьте, право!

— И веселіе свято есть, и ему сердцемъ послужимъ,— согласно проговорилъ дьячокъ.

Марковъ схватилъ гитару, спряталъ колѣни въ животъ, съежился, сжался и вдругъ залился высокимъ голосомъ:

— Эхъ, да мимо нашего любимаго села...

А дьячокъ ударилъ во всѣ струны, осыпалъ запѣвку раскатистой трелью и сочно поднялъ пѣсню:

— Протекала матка Колыма рѣка...

Отецъ передернулъ плечами, усмѣхнулся молодой, крикнулъ:

— Ну, Палага, выходи, что ли?

И, одна рука въ бокъ, а другая за поясомъ, плавно пошелъ вдоль горницы, встряхивая головой.

— Видно, итти мнѣ! — робко сказала Палага, вставъ и оправляя сарафанъ.

А пѣсня разгоралась:

Какъ по рѣченькѣ гоголюшка плыветъ,
Выше бережка головушку несетъ,
Ой, выше плечикъ крыльемъ взмахиваетъ!..

Отецъ, какъ бы не касаясь пола, доплылъ до Палаги и ударился прочь отъ нея, четко и громко выбивая дробь каблуками кимряцкихъ сапогъ. Тогда и Палага, уперевъ руки въ крутыя бедра, бокомъ пошла за нимъ, поводя бровями и какъ будто удивляясь чему-то, а въ глазахъ ея все еще блестѣли слезы.

— Эхма, старость, прочь съ костей!—покрикивалъ Савелій Кожемякинъ.

Стрѣчу гоголю, да утица плыветъ,
Кличетъ гоголя, ахъ, ласково зоветъ...

Палага, точно огромная голубая птица, плавала вокругъ старика и негромко, несмѣло подпѣвала:

Понѣжъ люди поговорку говорятъ,
Будто съ милымъ во любви жить хорошо...

У Матвѣя слипались глаза. Сквозь сѣрое облако онъ видѣлъ деревянное лицо Созонта съ открытымъ ртомъ и поднятыми вверхъ бровями, видѣлъ длинную, прямую фигуру Пушкаря, качавшагося въ двери, словно маятникъ; передъ нимъ сливались въ яркій вихрь голубыя и желтыя пятна, отъ веселаго звона гитары и гуслей, разымчивой пѣсни и топота ногъ кружилась голова, и—мальчику было неловко.

Первый разъ онъ видѣлъ, какъ пляшетъ отецъ, это нравилось ему и—смущало; онъ хотѣлъ, чтобы пляска скорѣе кончилась.

— Хозяинъ!—просачивался сквозь шумъ угрюмый голосъ дворника:—народъ собрался, поглядѣть просятся... Хозяинъ, народъ тамъ, говорю...

— Гони!—хрипло сказалъ Кожемякинъ, остановясь и отирая потъ съ лица.

— Лаются.

— Гони, говорю. Народъ! Свиньи, а тоже звѣрями себя величаютъ...

— Ладу нѣтъ! Мы тамъ пятеро...

— Ид-ди! — крикнулъ отецъ, и лицо его потемнѣло.

Къ Матвѣю подошла мачеха, сѣла рядомъ съ нимъ и, застѣнчиво улыбнувшись, сказала:

— Вотъ я какъ расхрабрилася...

Онъ вдругъ охватилъ ее за шею такъ крѣпко, какъ могъ, и поцѣловалъ щеку ея, хотѣлъ сказать что-то, но только промычалъ тихо и безсвязно.

— Ты не бойся... вмѣстѣ будемъ...

Палага цапала его голову и, всхлипывая, шептала:

— Мотенька,—спасибо те! Господи! Ужъ я послужу...

— Савелій, гляди-ка!—крикнулъ лѣкарь.—Эге-ге!

Мальчикъ поднялъ голову: передъ нимъ, широко улыбаясь, стоялъ отецъ, качался на длинныхъ ногахъ темный и плоскій, точно изъ старой доски вырѣзанный солдатъ, хохоталъ круглый, какъ бочка, лѣкарь, прищуривъ калмыцкіе глаза, и дрожало въ смѣхѣ топорное, но ласковое лицо дьячка

— Каково?—кричалъ Марковъ.—Молодой—онъ не ждетъ, а?

— Это—хо-орошо! — усмѣхаясь, тянулъ отецъ и теребилъ рыжую бороду, качая головой.

Лицо мачехи поблѣднѣло, она растерянно мигала глазами, говоря:

— Онъ вѣдь самъ это...

Матвѣй сконфузился и заплакалъ, прислоняясь къ ней; тогда солдатъ, схвативъ его за руку, крикнулъ!

— Пошли прочь, бѣси! Пакостники!

И отвелъ взволнованнаго мальчика спать, убѣждая его по дорогѣ:

— Ты не слушай ихъ, дураки они!

Долго не могъ заснуть Матвѣй, слушая крики, топотъ ногъ и звонъ посуды. Издали звуки струнъ казались печальными. Въ открытое окно заглядывали тѣни, вливался тихій шелестъ, потомъ сталъ слышенъ невнятный ропотъ, какъ будто ворчали собаки, большая и маленькая.

— Зря...

— Ми-илый...

Мальчикъ тихонько подошелъ къ окну и осторожно выгля
нулъ изъ-за косяка; на скамьѣ подъ черемухой сидѣла Вла
сьевна, растрепанная, съ голыми плечами, и было видно
какъ они трясутся. Рядомъ съ нею, согнувшись, глядя в
землю, сидѣлъ съ трубкою въ зубахъ Созонтъ, оба они был
покрыты густой сѣтью тѣней, и тѣни шевелились, точно ста
раясь какъ можно туже опутать людей.

— Жена ли она ему-у?—тихонько выла Власьевна.

А дворникъ не сразу и угрюмо отвѣчалъ:

— Говорю—зря это...

Мелко изорванныя облака тихо плыли по небу, межд
сизыми хлопьями катилась луна, золотя ихъ мохнатые края
Тонкія вѣтви черемухи и липъ тихо качались, и все вокругъ—
садъ, домъ, небо—молча кружилось въ медленномъ хороводѣ
только люди сидѣли неподвижно и ворчали.

Матвѣй хотѣлъ сказать имъ:

— Уйдите!

Но не рѣшился, отошелъ отъ окна и легъ спать.

Послѣ свадьбы дома стало скучнѣе: отецъ словно въ масл
выкупался—сталъ мягкій, гладкій; расплывчато улыбаясь в
бороду, онъ ходилъ, руки за спиною, по горницамъ, мурлы
кая, подобно сытому коту, а съ людьми смотрѣлъ на них
такъ, точно вспоминалъ—кто это? Матвѣю казалось, что ста
рикъ снова собирается захворать — его лицо изъ краснаг
становилось багровымъ, подъ глазами намѣтились тяжелы
опухоли, ноги шаркали по полу слишкомъ громко. Мачех
цѣлыми днями сидѣла подъ окномъ, глядя въ палисадникъ
и все время ѣла солодовыя и мятныя жамки, добывая их
изъ-за пазухи наряднаго сарафана, или грызла сѣмечки д
каленые орѣхи.

— Хошь орѣшковъ? — спрашивала она, когда пасынок
подходилъ къ ней.

Онъ не умѣлъ разговаривать съ нею, и она, должно-быть
не мастерица была бесѣдовать; его вопросы вызывали у не
только улыбки и коротенькія слова:

— Да. Нѣтъ. Ничего.

Иногда она сносила въ комнату всѣ свои наряды и дол
примѣряла ихъ, лѣниво одѣваясь въ голубое, розовое и
алое, потомъ снова садилась у окна, и по смуглымъ щекам
незамѣтно, не измѣняя задумчиваго выраженія добраго лиц
катились крупныя слезы. Матвѣй спалъ рядомъ съ комнато

отца и часто сквозь сонъ слышалъ, что мачеха плачетъ по ночамъ. Ему было жалко красивыхъ глазъ женщины; однажды онъ спросилъ ее:

— Что̀ ты все плачешь?

— Али я плачу? — удивленно воскликнула она, дотронувшись ладонью до щеки, и, смущенно улыбнувшись, сказала.—И то...

— О чемъ ты?

— Такъ! Привычка такая...

Почти всегда, какъ только Матвѣй подходилъ къ мачехѣ, являлся отецъ, нарядный, въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ съ плисовыми голенищами, въ черныхъ шароварахъ и въ цвѣтной рубахѣ, красной или синей, опоясанной шелковымъ поясомъ монастырскаго тканья, съ молитвою.

Обмякшій, праздничный, онъ поглаживалъ бороду и говорилъ сыну:

— Ну что̀, не боишься мачехи-то? То-то. Ну, иди, гуляй!

Онъ пересталъ выѣзжать въ уѣздъ за пенькой и въ губернію съ товаромъ, посылая вмѣсто себя Пушкаря.

— Тятя,—звалъ его сынъ,—иди на заводъ, мужики кличутъ!

— Савка тамъ?

— Тамъ.

— Позови его сюда.

Приходилъ Савка, коренастый, курносый, широкорожій, сѣровато-желтые волосы спускались на лобъ и уши его прямыми космами, точно некрашеная пряжа. Бѣлыя рѣдкія брови едва замѣтны на узкой полоскѣ лба, отъ этого прозрачные и круглые рачьи глаза парня, казалось, забѣгали впередъ вершка на два отъ его лица; стоя на порогѣ двери, онъ вытягивалъ шею впередъ и, оскаливъ зубы, съ мертвою, узкой улыбкой смотрѣлъ на Палагу, а Матвѣй, видя его такимъ, думалъ, что, если отецъ скажетъ: — „Савка, ѣшь печку!“—парень осторожно и на цыпочкахъ подойдетъ къ печкѣ и начнетъ грызть изразцы крупными, желтыми зубами.

Онъ заикался, дергалъ лѣвымъ плечомъ и всегда, говоря слово „хозяинъ“, испускалъ изъ широкаго рта жадный и горячій звукъ:

— Ххо!

— Ну, ступай, негожа рожа!—отпускалъ его отецъ, брезгливо махнувъ рукой.

Однажды пришли трое горожанъ, и одинъ изъ нихъ, сѣдой и кудрявый Базуновъ, сказалъ отцу:

— Вотъ, Савелій Ивановъ, рѣшили мы, околотокъ здѣш-

ній, оказать тебѣ честь-довѣріе—выбрать по надзору за кладкой собора нашего. Хотя ты въ обиходѣ твоемъ и дикой человѣкъ, но какъ въ дѣлахъ торговыхъ не знатно худого за тобой, за то мы тебя и чествуемъ...

Облокотясь на столъ, отецъ слушалъ ихъ, выпятивъ губу и усмѣхаясь, а потомъ сказалъ:

— Али нѣтъ между вами честныхъ-то людей? Какая жъ мнѣ въ томъ честь, чтобы жуликами командовать?

— Погоди! Кто тебя на команду зоветъ?

— И свиней пасти—нѣтъ охоты...

— Что̀ жъ ты лаешься?

Отецъ всталъ, тряхнулъ головой.

— Айда! Идите, откуда пришли! Не уважаю я васъ никого и ни почета ни ласки не хочу отъ васъ...

Горожане встали и молча пошли вонъ, но въ дверяхъ Базуновъ обернулся, говоря:

— Правда про тебя сказано: рожа — красная, душа — черная!

Проводивъ ихъ съ громкимъ смѣхомъ, отецъ какъ-то сразу напился, кричалъ пѣсни и заставлялъ Палагу плясать, а когда она, заплакавъ, сказала, что безъ музыки не умѣетъ, бросилъ въ нее оловянной солоницей, да промахнулся и разбилъ стекло кіота.

Но къ вечеру онъ отрезвѣлъ, гулялъ съ женой въ саду, и Матвѣй слышалъ ихъ разговоръ:

— Ты бабенка красивая, тебѣ надо веселѣе быть!—глухо говорилъ отецъ.

— Я, Савель Иванычъ, стараюсь вѣдь...

Матвѣй сидѣлъ подъ окномъ, вспоминая брезгливое лицо отца, тяжелыя слова, сказанныя имъ въ лицо гостямъ, и думалъ:

„За что онъ ихъ?“

Спустя нѣсколько дней онъ, выбравъ добрый часъ, спросилъ старика:

— Тятя, за что ты горожанъ-то прогналъ?

Савелій Кожемякинъ легонько отодвинулъ сына въ сторону, пристально посмотрѣлъ въ глаза ему и, вздохнувъ, объяснилъ:

— Чужои я тутъ промежъ нихъ. По началу-то я хотѣлъ-было вѣдь въ дружбѣ съ ними жить, да они на меня сразу, какъ псы на волка. Рѣчи слышу сладкія, а когти вижу острые. Ну, и война! Грабили меня, шишиги, прямо какъ на большой дорогѣ: туда подай, сюда заплати — терпѣнья нѣтъ! Лошадь свели, борова убили, куръ, пѣтуховъ поворовали —

счету нѣтъ! Мало того, что воруютъ, — озорничать начали: подсадилъ я вишень да яблонь въ саду — поломали; малинникъ развелъ — потоптали; ульи поставилъ — опрокинули. Дважды поджечь хотѣли; одинъ-отъ разъ и занялось-было, да время они плохо выбрали, дурье, послѣ дождей вскорѣ, воды въ кадкахъ на дворѣ много было—залили мы огонь. А другой разъ я самъ устерегъ одного сударя, съ горшкомъ тепла за амбаромъ поймалъ; сидитъ на корточкахъ и раздуваетъ тихонько огонекъ. Какъ я его горшкомъ-то тресну по башкѣ! Уголья-то, видно, за пазуху ему попали, бѣжитъ онъ пустыремъ и воетъ—у-у-у! Ночь темная, и видно мнѣ: искры отъ него сыплются. Смѣшно! Самъ, бывало, по ночамъ хозяйство караулилъ: возьму стяжокъ потолще и хожу. Жуть такая вокругъ; даже звѣзда Божья, и та сквозь дерево блеститъ— вражьимъ глазомъ кажется!

Онъ добродушно засмѣялся, но тотчасъ же потускнѣлъ и продолжалъ, задумчиво качая головой:

— Заборы высокіе понастроилъ вотъ, гвоздями уснастилъ. Собакъ четыре было—попробовали они тутъ кое-чье мясцо на ляжкахъ! Два овчара были—кинутся на грудь, едва устоишь. Отравили ихъ. Такъ-то вотъ! Ну, послѣ этакихъ дѣловъ не охота людей уважать.

Онъ замолчалъ, положивъ руку на плечо сына, и, сдерживая зѣвоту, подавленно молвилъ:

— И вспоминать не хочется про эти дѣла! Скучно...

Матвѣй невольно оглянулся: слишкомъ часто говорилъ отецъ о скукѣ, и мальчикъ все болѣе ясно чувствовалъ тупой гнетъ этой невидимой силы, окружавшей и домъ и все вокругъ душнымъ облакомъ.

Матвѣй Савельичъ Кожемякинъ до старости запомнилъ жуткій и таинственный, пріятный трепетъ сердца, испытанный имъ въ день начала ученья.

Всѣ — отецъ, мачеха, Пушкарь, Созонтъ и даже унылая, льстивая Власьевна собрались въ комнатѣ мальчика, а Василій Никитичъ Кореневъ, ставъ передъ образомъ, предложилъ торжественнымъ голосомъ:

— Усердно помолимся Господу нашему, Іисусу Христу и угодникамъ Его, Кузьмѣ-Даміану, а также Андрію Первозванному, да просвѣтятъ силою благостной своей сердце отрока и пріуготовятъ его къ воспріятію мудрости словесной!

А когда кончили молитву, онъ ласково, но строго сказалъ:

— Теперь—изыдите, оставьте насъ!

Усадилъ Матвѣя у окна на скамью рядомъ съ собой и,

обнявъ его за плечи, нагнулся, заглядывая въ лицо славными своими глазами.

— Не бойся,—тихонько сказалъ онъ,—не трепещи, не къ худому готовишься, а къ доброму.

И тѣмъ же полушопотомъ продолжалъ, указывая рукою на садъ:

— Смотри, въ какой свѣтлый и ласковый день начинаемъ мы!

За окномъ стояли позолоченныя осенью деревья, кленъ, одѣтый красными листьями, липы въ желтыхъ звѣздахъ; качались алыя гроздья рябины и толстые блѣдно-зеленые стебли просвирняка, покрытые увядшимъ листомъ, точно кусками разноцвѣтнаго шелка. Струился запахъ созрѣвшихъ анисовыхъ яблокъ, укропа и взрытой земли. Въ монастырѣ, на огородахъ, слободскія бабы собирали огурцы, былъ слышенъ смѣхъ и веселые крики.

— Что̀ есть грамота?

Этотъ тихій вопросъ обнялъ сердце мальчика напряженнымъ предчувствіемъ тайны и заставилъ довѣрчиво подвинуться къ учителю.

— Грамота,—играя волосами ученика, говорилъ дьячокъ,—суть средство ознакомленія ума съ дѣлами прошлаго, жизнью настоящаго и планами людей на будущее, на завтрее. Сталобыть, грамота сопрягаетъ человѣка со человѣками, сирѣчь: пріобщаетъ его міру. Разберемъ это подробно и дословно.

И, словно сообщая великія таинства, широколобый дьячокъ началъ просто и понятно говорить о томъ, что̀ даетъ человѣку умѣнье читать.

Ученикъ, слушая тихій, складный говорокъ, съ удивленіемъ чувствовалъ, что ему все понятно, и, вопросительно заглядывая въ бархатные глаза наставника, нетерпѣливо ожидалъ чего-то болѣе значительнаго.

— Вижу, что все сказанное—понято тобою, — покручивая пальцами кустикъ волосъ на своей бородавкѣ, говорилъ Кореневъ.—Но это только одна сторона пользы ученія, а вотъ—другая! Что̀ есть слово? Слово есть тѣло разума человѣческаго, какъ вотъ сіи тѣла—твое и мое—есть оболочки нашихъ душъ, не болѣе того. Теперь: беремъ любую книгу, она составлена изъ словъ, а составилъ ее нѣкій человѣкъ, жившій, скажемъ, за тысячу лѣтъ до сего дня. Что же должны мы видѣть въ книгѣ, составленной имъ? Запечатлѣнный разумъ человѣка, который жилъ задолго до насъ и оставилъ въ назиданіе намъ все богатство души, накопленное имъ. Сталобыть, примемъ такъ: въ книгахъ заключены души людей,

жившихъ до нашего рожденія, а также живущихъ въ наши дни, и книга есть какъ бы всемірная бесѣда людей о дѣяніяхъ своихъ и запись душъ человѣческихъ о жизни. Понялъ?

Матвѣй вспомнилъ толстыя церковныя книги, въ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками, и тихо отвѣтилъ:

— Понялъ.

— А слушать не усталъ?

— Нѣтъ,—живо отвѣтилъ ученикъ.

— Вѣрю. Дѣло, видимо, хорошо пойдетъ!

Его лицо озарилось улыбкой, онъ всталъ и, къ удивленію ученика, объявилъ:

— На первый разъ достаточно сказаннаго. Ты о немъ подумай, а коли чего не поймешь—скажи.

Дьячокъ не ошибся: его ученикъ вспыхнулъ пламеннымъ желаніемъ учиться, и съ быстротою, всѣхъ удивлявшей, они до зимы прошли букварь, а въ зиму Часословъ и Псалтырь. Раза два въ недѣлю дьячокъ бралъ послѣ урока гусли и пѣлъ ученику псалмы.

Се что̀ добро или что̀ красно,—
Но ежели жити братіи вкупѣ!—

выводилъ онъ своимъ гибкимъ голосомъ, и однажды ученикъ видѣлъ на глазахъ учителя, возведенныхъ вверхъ, свѣтлую влагу слезъ вдохновенія.

Чаще всего онъ пѣлъ:

— Господи, искусилъ мя еси и позналъ мя еси, Ты позналъ еси возстаніе мое...

И когда онъ доходилъ до словъ:

— Яко нѣсть льсти въ языцѣ моемъ... — его нескладное, но милое лицо становилось грознымъ, глаза, темнѣя, смотрѣли упрямо, и голосъ звучалъ особенно сильно и трогательно.

Пилъ онъ, конечно, пилъ запоемъ, по недѣлямъ и болѣе.

Его запирали дома, пряталъ отецъ, но онъ отовсюду убѣгалъ и ходилъ по улицамъ города тонкій, сѣрый, съ потемнѣвшимъ лицомъ и налитыми кровью глазами. Размахивая правою рукою, въ лѣвой онъ сжималъ цѣпкими пальцами булыжникъ или кирпичъ и, завидя обывателя, кричалъ:

— Звѣріе поганое — каменіемъ поражу васъ и уничтожу, яко тлю!

Горожане бѣгали отъ него, нѣкоторые ругались, жаловались благочинному, иные зазывали его въ дома, поили тамъ еще больше и заставляли играть и плясать, словно черти пустынника Исаакія. Иногда били его.

Матвѣй любилъ дьячка и, даже въ дни запоя, не чувство-

валъ страха передъ нимъ, а только острую скорбную жалость и обиду на кого-то.

Почти до слезъ скучая о немъ, онъ цѣлые дни уныло бродилъ вокругъ дома, нигдѣ не находя себѣ мѣста. Разбуженная душа тихо, но все ярче разгоралась неутолимой жаждой чего-то иного; этотъ внутренній огонь освѣщалъ передъ нимъ однообразную жизнь, она текла лѣниво, какъ мутная вода рѣки Путаницы.

Самымъ интереснымъ человѣкомъ, послѣ дьячка, всталъ передъ Матвѣемъ Пушкарь.

Вскорѣ послѣ начала ученія, увидавъ мальчика на крышѣ землянки съ букваремъ въ рукахъ онъ ухватилъ его за ногу и потребовалъ:

— Ну-ка, покажь, какіе они теперь, буквари-то! Іомудъ?— читалъ онъ, двигая щетинистыми скулами. — Остякъ? Скажи на милость, какой народъ пошелъ! — Покачавъ сомнительно головою, онъ вздохнулъ и сказалъ негромко:— Д-да, прирастаетъ народу на Руси, это хорошо — работники намъ надобны! Государство огромное, горъ въ немъ, овраговъ, пустырей—конца-краю нѣтъ! Вотъ гляди — бурьянъ растетъ: къ чему онъ? Надо, чтобы съѣдобное росло на землѣ — горохъ, примѣрно, коноплю посѣй. Работники чрезвычайно надобны: все требуетъ рукъ. Гору—выровнять, оврагъ—засыпать, болото—высушить, всю землю—вспахать, засѣять, чтобы всѣмъ пищи хватало, во-отъ! Россія, она очень нуждается въ работникахъ.

Прищурилъ маленькіе глазки, хозяйственно осмотрѣлся и, похлопавъ мальчика по колѣну, продолжалъ:

— Вотъ что̀, мотыль, коли соберутся они тебя драть— сигай ко мнѣ! Я тебя спрячу. Тонокъ ты очень, и порки тебѣ не стерпѣть. Порка,—это ты меня спроси, какая она!

Мальчикъ быстро схватывалъ все, что̀ задѣвало его вниманіе. Солдатъ уже часто предлагалъ ему опредѣлить на ощупь природную крѣпость волокна пеньки и сказать, какой крутости свиванія оно требуетъ. Матвѣю льстило довѣріе старика; нахмурясь, онъ важно пробовалъ пальцами матеріалъ и говорилъ количество оборотовъ колеса, небходимое для того или этого товара.

Пушкарь, размахивая руками, радостно кричалъ:

— Вѣр-рно! Вотъ она, молодая-то кожа! Безъ ошибки!

И начиналъ свои безконечныя рѣчи:

— Вотъ отецъ твой тоже, бывало, возьметъ мочку въ руку глазъ прищуритъ, взвѣситъ, поплюетъ—готово! Это человѣкъ дѣла своего достойный, отецъ-то!

— За что его люди не любятъ? — спросилъ Матвѣй какъ-то разъ.

— Его? — удивленно вскричалъ солдатъ. — А за что его людямъ любить? Вона! Какой онъ герой? Чудакъ ты, право!

Пушкарь захохоталъ и потомъ, подумавъ, прибавилъ:

— Да они, бѣси, никого не любятъ!

— Почему?

— А кто знаетъ! Спроси ихъ — они и сами не знаютъ, поди-ка!

— По Писанію надо любить другъ друга, — обиженно сказалъ Матвѣй.

Пушкарь взглянулъ не него и, стирая грязной рукою улыбку съ лица, неохотно сказалъ:

— Мало ли чего написано!

— А ты его любишь? — допрашивалъ Матвѣй.

— Экъ тебя! — сказалъ солдатъ, усмѣхаясь. — И вѣрно, что всякая сосна своему бору шумитъ. Я, мотыль, Савелья уважаю, ничего! Онъ людей зря не обижаетъ, этого нѣтъ за нимъ. Работу цѣнитъ.

— А какъ онъ тебя тогда горшкомъ-то?

— Цвѣткомъ? Ничего, ловко! Онъ во всемъ ловокъ. Пьяный я тогда былъ, а когда я пьянъ, мнѣ проповѣдь читать припадаетъ охота. Всѣхъ бы я училъ — просто бѣда! Даже рот ному однажды подсунулъ словцо: Богъ, молъ, не велѣлъ въ морду бить! Вспороли кожу-то...

Онъ подумалъ, искоса поглядѣлъ на Матвѣя, закашлялся и сказалъ, вдругъ оживляясь:

— Вотъ я тебѣ примѣрную исторію разскажу, а ты смекай! Распорядилось начальство, чтобы мужикамъ картошку садить, а мужики, по глупости, не желаемъ, говорятъ, картошки! И бунтуются: пришлютъ имъ картошку, а они — это отъ антихриста! Да въ оврагъ ее, въ рѣку али въ болото, такъ всю и погубятъ, не отвѣдавъ. Случилось такъ и въ Гуслицахъ, гдѣ фальшивыя деньги дѣлаютъ, и вотъ послали туда нашей роты солдатъ на усмиреніе. Хорошо! Командиръ у насъ нѣмецъ былъ, Уставъ звали мы его, а по-настоящему онъ — Густавъ. Здоровенный поручикъ, строгости непомѣрной. Сейчасъ это онъ—пороть мужиковъ! Устроились на площади передъ церковью и—десятаго порютъ, шипрутьями— это такіе пруты для порки придуманы были. Правду сказать, простые прутья, ну, а для пущаго страха по-нѣмецки назывались. Поремъ. Урчатъ мужики, а картошку не признаютъ. Велѣлъ Уставъ наварить ея цѣлый котелъ и каждому поро-

тому совѣтуетъ — ѣшь! Мужикъ башкой качаетъ — не буду, дескать, а нѣмецъ ка-акъ дастъ ему этой картошкой-то горячей въ рыло—такъ вмѣстѣ съ передними зубами и вгонитъ ее въ ротъ! Плюютъ мужики, а держатся. Я хошь и солдатъ, ну, стало мнѣ жалко глупыхъ этихъ людей: бабы, знаешь, плачутъ, ребятишки орутъ, рожи эти въ крови — нехорошо оно, стыдно какъ-то! Хошь и мужики, а тоже русскіе, крещеный народъ. Вотъ вечеромъ послѣ сѣкуціи — сѣкуція это тоже по-нѣмецки, а по-нашему просто порка — вечеромъ набралъ я вареной картошки и — къ мужикамъ, въ избу въ одну. Ахъ, вы, говорю, бѣси. Вотъ она, картошка, глядите! Совсѣмъ какъ мука, али въ родѣ толокна. Вотъ—я солдатъ, крестъ на тѣлѣ, стало-быть, крещеный. Показалъ имъ крестъ, а онъ у меня настоящій былъ, поморскаго литья, съ финифтей. И давай передъ ними картошку эту жевать. Съѣлъ штуки три, видитъ они—не разорвало меня; бабеночка одна, молоденькая, руку протянула — дай, дескать! Взяла, перекрестясь, даетъ мужику, видно, мужу: ѣшь, говоритъ, Миша, а грѣхъ — на меня! На колѣнки даже стала передъ нимъ, воетъ: поѣшь, Миша, не стерплю я, какъ начнутъ тебя пороть! Ну, Миша этотъ поглядѣлъ на стариковъ, — тѣ отвернулись, — проглотилъ. За Мишей — Гриша да Епиша, и пошло дѣло! Все съѣли! Я, конечно, радъ, что прекратилъ бунтовство, кричу: что, молъ, такъ вашу разэдакъ? Еще, что ли, принести? Тащи, говорятъ, служивый, не всѣ отвѣдали. Сейчасъ я до капрала — Хайбула капралъ былъ, изъ Касимова, татаринъ крещеный — пріятель мнѣ. И драли насъ почитай всегда вмѣстѣ. Такъ и такъ, молъ! Ловокъ ты, Пушкаревъ, говоритъ, доложу, говоритъ, я про тебя: будетъ награда, не иначе. Набрали мы съ нимъ этой окаянной картошки и опять къ мужикамъ. А они, бѣси, ужъ и вина прикасли. Ну, насосались мы! И вдругъ — Уставъ! Какъ съ полатей свалился. Какъ, кричитъ, меня не слушать, а солдатъ слушать? По-русски онъ смѣшно ругался. Наутро и насъ — драть: меня съ Хайбулой. Всыпали очень памятно...

Языкъ старика неутомимо разрывалъ пропитанный кровью мусоръ прошлаго, а Матвѣй слушалъ и, не понимая, боялся спокойствія, съ которымъ старикъ говорилъ.

Кончивъ, солдатъ потыкалъ пальцемъ въ пятно смолы на колѣнѣ штановъ, поглядѣлъ искоса на мальчика и пояснилъ:

— Вотъ оно какъ, значитъ, ежели съ людьми дѣйствовать ласково, по дружбѣ — ихъ можно одолѣть, при всей ихъ

глупости. А отецъ твой, онъ тоже въ родѣ картошки: явилось вдругъ неизвѣстно что̀, и никому никакого уваженія! У Сазана рожа разбойная, око тяжелое, говорить онъ немощенъ, только рычитъ. Откуда люди, кто такіе? Ни сѣло ни пало, а ударило! Здѣшніе мѣщане сами воръ на ворѣ. Тутъ лѣтъ двадцать назадъ такіе грабежи были—ни проходу ни проѣзду! На Шиханѣ воровали, а на насъ, слободскихъ, доносили, мы-де воры-то! А вѣдь есть воръ по охотѣ, есть и по нуждѣ...

Странные разсказы Пушкаря наполняли душу мальчика смятеніемъ и темнымъ хаосомъ. Ему хотѣлось о многомъ спрашивать, но онъ не успѣвалъ; мысли душили и гасили одна другую—въ концѣ концовъ онъ чувствовалъ себя подавленнымъ пестрымъ бременемъ страшныхъ сказокъ о поркахъ, зуботычинахъ, о томъ, какъ людей забивали на смерть палками, какъ продавали ихъ изъ рукъ въ руки, точно скотъ. Въ яркихъ рѣчахъ отца жизнь рисовалась подобной игрѣ и сказкѣ, въ словахъ солдата она смотрѣла сурово, требовала терпѣнія и покорности — мальчикъ не могъ примирить это явное противорѣчіе. Онъ не ощущалъ ни жалости ни состраданія къ массѣ битыхъ людей, но имъ овладѣвало утомляющее недоумѣніе, оно превращалось въ сонливость; мальчикъ забивался куда-нибудь въ укромный уголокъ и тамъ, безуспѣшно стараясь разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, обыкновенно засыпалъ кошмарнымъ сномъ.

Однажды, за урокомъ, дьячокъ сказалъ ему:

— Видишь, какъ бойко и мелко научился ты писать? Хорошо! А еще лучше было бы, буде ты, сшивъ себѣ тетрадь, усвоилъ привычку записывать все, что̀ найдешь достойнымъ сохраненія въ памяти. Сдѣлай-ка это, и первое—пріучишься къ изложенію мысли, а второе — украсишь одиночество твое развлеченіемъ не безполезнымъ. Человѣческое — всегда любопытно, поучительно и должно быть сохраняемо для потомства.

Мальчикъ горячо схватился за эту мысль, попросилъ отца купить десть толстой бумаги, а дьячка — собственною его рукою написать на первомъ листѣ пѣсню о Венусѣ.

— Не годится!—сказалъ Кореневъ, гладя плечо ученика.— Это надо поставить серьезно, надо такъ смотрѣть: всякое дѣло есть забава, и всякая забава дѣло есть. Сначала дадимъ записямъ будущимъ достойный титулъ.

Подумалъ и сказалъ:

— Пиши!

На первой страницѣ Матвѣй тщательно вывелъ гусинымъ перомъ и лиловыми чернилами:

„Запись разсказовъ, пѣсенъ и разныхъ случаевъ изъ жизни города Окурова, Воргородской губерніи, которые я, Матвѣй Кожемякинъ, слышалъ и видѣлъ съ тринадцатилѣтняго возраста“.

— Теперь пиши: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. А, исписавъ всю тетрадь, подпишешь: аминь!

Онъ взялъ ученика пальцами за подбородокъ, приподнялъ его лицо и, глядя въ глаза любовнымъ и строгимъ взглядомъ матери, молвилъ:

— Аминь, сирѣчь—истина! Понимаешь? Теперь давай запишемъ нѣсколько сентенцій, направляющихъ умъ.

Львиное лицо дьячка задумчиво нахмурилось, глаза ушли подъ лобъ, онъ поднялъ палецъ, какъ бы грозя кому-то.

— Пиши здѣсь, съ краешка, мелко:

„Не осуждаю, а—свидѣтельствую“.

Хорошо. Теперь отступя книзу:

„Жизнь человѣка — скоропреходяща, дѣянія же его вѣка жить достойны иногда“.

Теперь съ правой стороны, покрасивѣе постарайся:

„И птичка скромная гласитъ своею пѣсней,
Что правда вымысловъ живѣе и чудеснѣй“.

Окинувъ довольнымъ взглядомъ все написанное, онъ одобрилъ труды.

— Видишь, какъ красиво разсѣялись сѣмена разума на чистомъ этомъ полѣ? Ты, начиная записывать, всегда предварительно прочитывай эту заглавную страницу. Ну, давай я начертаю тебѣ на память пѣтыя мною свадебныя стихиры!

И крупнымъ полууставомъ, съ затѣйными хвостиками и росчерками, онъ записалъ пѣснь.

Вскорѣ послѣ этого онъ исчезъ изъ города: по жалобѣ обывателей его послали въ дальній монастырь на послушаніе за безпутную и пьянственную жизнь. Матвѣй плакалъ, узнавъ объ этомъ; старикъ Кожемякинъ, презрительно оттопыривая губу, ворчалъ и ругался:

— Ну, конечно, — сослать его! Безпутенъ, вишь! Ваши-то пути каковы? Жабьи души! Марковъ въ губернію перебрался съ тоски здѣшней, теперь и этого нѣтъ. Деймоны! Тоже и Василій, пьетъ называется! Мы въ его годы ковшомъ вино пили, а никакихъ запоевъ не приключалось что-то!

Матвѣй усердно принялся за тетрадку, но ея первая страница положила почти неодолимую преграду умной затѣѣ дьячка: ученикъ, при видѣ фигурно написаннаго титула, долго не могъ рѣшиться начать свои записи, боясь испортить

красоту тетради. Какъ-то разъ, послѣ долгихъ приготовленій, онъ, волнуясь, началъ на оборотѣ страницы, гдѣ были записаны сентенціи:

„Сегодня тятя сказывалъ, какъ бурлаки въ Балахнѣ бои ведутъ...“

Пальцы дрожали, перо прыгало, и вдругъ со лоа упала на бумагу капля пота. Писатель горестно ахнулъ: лиловыя чернила расплывались, отъ буквъ пошли во всѣ стороны красныя лапки. А перевернувъ страницу, онъ увидалъ, что фуксинъ прошелъ сквозь бумагу, и слова „дѣянія же его“ окружились синимъ пятномъ цвѣта тѣхъ опухолей, которыя появлялись послѣ праздниковъ подъ глазами рабочихъ. Огорченный, онъ рѣшилъ не трогать эту тетрадку, спряталъ ее и сшилъ другую.

Онъ уже записалъ всѣ прибаутки Матвѣевны, какія остались въ памяти, о сынѣ Максимѣ въ четыре аршина, про Ерему и Ѳедосью а особенно нравилось ему краткое сказаніе о воронѣ:

Летѣла ворона,
Сѣла на ворота;
Стукъ носомъ въ верее:
Мнѣ хозяйку самое!

Ворона жила въ этихъ словахъ солидная, важная и дерзкая, съ ея сѣрымъ брюшкомъ и гладкой, словно масломъ намазанной головою.

Онъ нѣсколько разъ пробовалъ записывать разсказы отца, но у него не хватало словъ для нихъ, писать ихъ было скучно, и на бумагѣ они являлись длинными, сѣрыми, точно пеньковыя веревки.

Въ пятнадцать лѣтъ онъ казался старше: коренастый, полный, съ темными вьющимися волосами надъ бѣлымъ лбомъ и серьезнымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ карихъ глазъ. Молчаливый, сдержанный, онъ говорилъ тихо, вдумчиво, смотрѣлъ на все зорко, а между бровей, надъ переносьемъ, у него уже намѣчалась печальная, тонкая складка. Одиночество развивало его воображеніе, бездѣлье и жирная, обильная пища награждали его тяжелыми снами, головной болью и будили чувственность. Каждый разъ, когда ему случалось видѣть желто-розовыя плечи мачехи или ея ноги, стройныя и крѣпкія, его охватывалъ сладкій и стыдный трепетъ, и онъ поспѣшно отходилъ прочь отъ нея, всегда покорной, всѣмъ ласково улыбавшейся, молчаливой и незамѣтной.

Она жила точно тихая кошка: зимою любила сидѣть въ теплыхъ, темноватыхъ уголкахъ, лѣтомъ пряталась въ тѣни

сада. Шила, вязала, мурлыча какія-то неясныя, однообразныя пѣсни, и, начиная съ мужа, всѣхъ звала по имени и отчеству, а Власьевну — тетенькой.

На Матвѣя она смотрѣла словно сквозь рѣсницы, онъ избѣгалъ оставаться съ нею одинъ, смущаясь, не находя о чемъ съ нею говорить.

Съ нѣкотораго времени его вниманіе сталъ тревожно задѣвать Савка: встрѣчая Палагу на дворѣ или въ кухнѣ, этотъ бѣлобрысый парень вдругъ останавливался, точно врасталъ въ землю и, не двигая ни рукой ни ногой, всѣмъ тѣломъ наклонялся къ ней, точно готовясь упасть, какъ подрубленное дерево, а поперекъ его лица медленно растекалась до ушей узкая, какъ разрѣзъ ножомъ, улыбка, чуть-чуть открывая жадный оскалъ зубовъ.

— Ххо-зяйка!—бормоталъ онъ.

— Здравствуй!—блѣднѣя, отвѣчала Палага.

Однажды Матвѣй, сортируя для чески пеньку, купленную отцомъ, слышалъ, какъ Савка говорилъ кому-то:

— Теперь воля, а не что̀! Теперь я самъ себѣ хозяинъ, да-а! Деньги надо, говоришь? Ну, такъ что̀? Достанемъ! Теперь—воля!

Онъ становился развязнѣй, меньше заикался, а мертвые его глаза какъ будто еще выросли, расширились и жаднѣе выкатывались изъ-подъ узкаго лба.

Лѣтомъ, въ жаркій день, Пушкарь разсказалъ Матвѣю о томъ, какъ горѣла венгерская деревня, метались по улицѣ охваченные ужасомъ люди, овцы, мычали коровы въ хлѣвахъ, задыхаясь ядовитымъ дымомъ горящей соломы, скакали лошади, вырвавшись изъ стойлъ, выли собаки и кудахтали куры, а на русскихъ солдатъ, лежавшихъ въ кустахъ за деревней, бѣжалъ полемъ во тьмѣ пылающій огнемъ человѣкъ.

— Помочь-то не могли вы? — спросилъ Матвѣй.

— Имъ, венгерцамъ-то? — удивленно воскликнулъ солдатъ. — Чудакъ, чай — война! Мы же и подожгли ихъ, а ты — помочь! Мы въ него стрѣляли, въ этого, который горѣлъ...

— Зачѣмъ? Онъ и такъ бы умеръ.

— Испугались мы! — посмѣиваясь, сказалъ солдатъ. — Мчится прямо на насъ и кричитъ источнымъ голосомъ! Темно, ночь! Это вѣрно, что не надо было стрѣлять, намъ наказано было просто поджечь деревню и глядѣть, есть ли тутъ гдѣ войско венгерское или нѣтъ? А сами мы ни слуху ни духу не должны были непріятелю давать. Поджигалъ я

да татаринъ одинъ казанскій,—въ тотъ разъ его и зарубили, покойника. Тутъ такъ было: запалили мы съ нимъ деревню, отползли на мѣсто, а этотъ, горящій-то, какъ бы за нами во слѣдъ. А на выстрѣлы наши конница ихняя откуда ни возьмись, — нарядные такіе конники у нихъ, — и давай они насъ крошить, братецъ ты мой! Казанскому этому голову даже до глазъ развалили, меня — саблею по плечу, да лошадь копытомъ въ животъ дала. Досталось памятно! Было насъ человѣкъ съ двадцать, а уцѣлѣло шестеро, кажись, и то всѣ порублены. Всѣхъ бы насмерть порубили, да подвалила помощь изъ лѣса. Ибрагимъ татарина звали, хорошъ былъ парень! Татаре — первый народъ, самый честный! Я тебѣ прямо скажу: во звѣряхъ — собаки, а въ людяхъ — татаре, это самое лучшее! Бывало, говоритъ мнѣ:—Сяпанъ,—не могъ, татарская лопатка, сказать Степанъ, а все — Сяпанъ, какъ чапанъ выходило у него,—смѣшной былъ!

Онъ еще долго говорилъ, подставивъ солнечнымъ лучамъ сѣрую голову, коричневую шею, и дергалъ костлявыми плечами, точно стряхивая съ тѣла душный зной.

Но Матвѣй уже не могъ слушать, его вмѣстилище впечатлѣній было не емко и быстро переполнялось. На солнечномъ припекѣ лѣниво и молча двигались задомъ напередъ синіе капатчики, дрожали сѣрые шнуры, жалобно скрипѣло колесо, и качался, вращая его, квадратный мужикъ Иванъ. Сонно вздрагивали обожженныя солнцемъ метелки лошадинаго щавеля, надъ холмами струилось марево, а на одной плѣшивой вершинѣ стоялъ, точно въ воздухѣ, красный пастухъ.

Въ монастырскомъ саду тихо пѣли два женскіе голоса. Одинъ, тоненькій, какъ шелковинка, заунывно развивался:

— Отверзи-и...

А другой, гуще и сильнѣе, вторилъ:

— Отверзи-и-ми...

Потомъ пѣвицы звонко засмѣялись.

Матвѣй всталъ и пошелъ въ амбаръ. Хотѣлось облиться съ ногъ до головы ледяной водой или сунуть голову куда-нибудь въ темное, холодное мѣсто и ничего не видѣть, не слышать, не думать ни о чемъ.

Онъ забрался въ мягкое облако пеньки, легъ и сталъ мысленно продолжать пѣніе клирошанокъ, вспоминая мѣдныя, кованныя слова:

— Студными бо окаляхъ душу мою грѣхми...

Вдругъ откуда-то донесся тихій и горячій шопотъ:

— Куда-а? Ну, куда-а мы, родимый, пойдемъ?

Это говорила Палага, а чей-то другой голосъ безцвѣтно отвѣтилъ:

– Мала ли земля...

„Савка!“ — подумалъ Матвѣй, чувствуя, какъ что-то острое укололо его въ сердце. Онъ осторожно приподнялъ голову: въ сумракѣ, недалеко отъ него, стояли плотно другъ къ другу Палага и дворникъ Созонтъ. Онъ положилъ ей руки на плечи, а она, наклонивъ голову вбокъ, быстро перебирала пальцами кромку фартука и смотрѣла куда-то мимо мужика. Матвѣю казалось, что теперь глаза у нея зеленые, точно у кошки. Очарованный ими, вспоминая свои сны и откровенныя сужденія Пушкаря о женщинахъ, онъ вытянулъ шею, въ сладкомъ и трепетномъ волненіи, слушая и слѣдя.

Оба они въ сумракѣ казались болѣе крупными, чѣмъ были при свѣтѣ. Созонтъ медленно водилъ руками по тѣлу женщины, она уклонялась, повертываясь къ нему бокомъ и отводя его руки бережными движеніями своихъ.

— Не тронь, — слышалъ Матвѣй ея шопотъ...

— Пойдемъ, а?

Тяжелое дыханіе Созонта, вздохи Палаги свивались въ одну прядь звуковъ со скрипомъ колеса за стѣною и ворчливою скороговоркою Пушкаря:

— Два на десять, три на десять! Эй, бѣсъ, линючій! Савка...

Матвѣй усмѣхнулся, вспомнивъ о широкоротомъ парнѣ, и подумалъ злорадно, съ тоской и обидой.

„Прозѣвалъ, дуракъ...“

Мужикъ толкалъ мачеху плечомъ, оттирая ее въ темный уголъ огромнаго амбара — Матвѣю становилось не видно ихъ, онъ просунулся впередъ и съѣхалъ съ пеньки, шумно стукнувъ пятками о половицы.

Согнувшись, почти на четверенькахъ, Созонтъ бросился въ дверь на дворъ, а женщина, тихонько, какъ собака во снѣ, взвизгнула и, стоя на колѣняхъ, огромными глазами уставилась въ лицо пасынка.

Страхъ, стыдъ и жалость къ ней охватили его жаромъ и холодомъ; опустивъ голову, онъ тихонько пошелъ къ двери, но вдругъ двѣ теплыхъ руки оторвали его отъ земли, онъ прижался щекою къ горячему тѣлу, и въ ухо ему полился умоляющій, виноватый шопотъ:

— Миленькій, не ходи! Христомъ Богомъ прошу — не говори! Мотенька, сиротинушка, — матушки твоей ради! — не жалуйся.

На лицо ему капали слезы, онъ слышалъ, какъ сильно и часто бьется сердце, все крѣпче прижимали его сильныя руки женщины, и, охваченный сладостнымъ томленіемъ, онъ самъ невольно прижимался къ ней.

А она шептала, торопливо и жарко:

— Вѣдь ты не маленькій, видишь вѣдь: старый тятя твой, хирѣетъ онъ, а я — вотъ молодая, мнѣ ласки-то хочется. Родненькій, что̀ будетъ, если скажешь? Мнѣ — побои, ему — горе, да и этому, — тоже вѣдь и его жалко! А ужъ я тебя обрадую: вотъ слободскія придутъ огородъ полоть, погоди-ка...

Ему казалось, что онъ кружится въ сухомъ и горячемъ вихрѣ и стремглавъ летитъ куда-то вмѣстѣ съ нею. Онъ сталъ вырываться изъ ея объятій, тогда женщина мягко и покорно развела руками и, застегивая дрожащими пальцами воротъ сорочки, тупо проговорила:

— Ну, Богъ съ тобой, — иди, — прости тебѣ Христосъ...

— Я не скажу, — тихо молвилъ Матвѣй и, чувствуя, что она не поняла или не вѣритъ ему, повторилъ: — Слышишь — не скажу, молъ!

Палага странно согнулась, стала маленькой до смѣшного и, тревожно заглянувъ въ лицо ему, спросила шопотомъ:

— Ей-Богу?

— Ей-Богу! — сказалъ онъ, поднявъ глаза къ потолку амбара, перекрестился и взялъ ее за руки. — Только ты не уходи, пожалуйста...

— Мотя, — ахъ, Господи!

Снова обнявъ его, она трижды поцѣловала лобъ и щеки пасынка, радостно блестя глазами, полными слезъ, и повела куда-то, говоря низкимъ, точно чужимъ голосомъ:

— Сиротина мой — спасибо тебѣ! И что̀ ты сказалъ — не уходи, — дай тебѣ Богъ счастья!

Она вся стала какая-то новая, даже лицо ея и глаза измѣнились, стали ярче.

Потомъ они сидѣли близко другъ ко другу въ саду, подъ вишнями, надъ ними чирикали воробьи, расклевывая ягоды; былъ конецъ іюня, липа цвѣла, цвѣтень ея золотилъ листья, медовый запахъ сладко кружилъ голову юноши.

Палага, поводя въ воздухѣ бѣлой, холеной рукой, задушевно говорила:

— Гляжу я на тебя — ходишь ты тихонькій и словно бы не здѣшній, думаю — уйдетъ онъ за матерью своей, сирота, лишитъ кого-то счастья-радости любовной! Сбились мы всѣ тутъ, какъ зайцы въ половодье на островѣ маленькомъ, всѣ — какъ чужія птицы въ курятникѣ, и отецъ твой, и я, и этотъ

человѣкъ, и всѣмъ намъ — каждому сиротство свое — какъ слѣпота!

Ея румяное лицо казалось Матвѣю удивительно красивымъ и рѣчь — умною, какъ рѣчи дьячка Коренева. Все еще чувствуя волненіе и стыдный трепетъ въ тѣлѣ, онъ довѣрчиво смотрѣлъ въ глаза ей взглядомъ сына, и ему хотѣлось положить голову на круглое, немного загорѣвшее ея плечо.

Вдругъ откуда-то явилась рыжая борода отца, юноша вскочилъ на ноги, какъ будто его прутомъ хлестнуло, а женщина поднялась тяжко, точно старуха.

— Я проснулся, кричу — Палага, квасу... — ворчалъ старикъ, позѣвывая и крестя ротъ. — О чемъ бесѣду вели?

На немъ была надѣта длинная, ниже колѣнъ, татарская рубаха, изъ-подъ нея торчали голыя икры, обмотанныя синимъ узоромъ вздутыхъ венъ. Багровое лицо горѣло среди зелени огромнымъ, чуднымъ цвѣткомъ, окруженное, какъ сіяніемъ, встрепанными рыжими волосами. Онъ напоминалъ грузный и неуклюжій стволъ дерева съ обломанными сучьями.

Матвѣй перевелъ глаза на мачеху — стройная, румяная, съ маленькимъ, точно у ребенка, ртомъ, она, покорно сложивъ руки на груди, стояла, какъ молодая березка.

Юноша снова взглянулъ на отца и опустилъ голову, чувствуя себя связаннымъ чѣмъ-то скользкимъ, что̀ непріятно давило сердце и мѣшало говорить. Онъ видѣлъ, что Палага какъ будто растетъ, становясь все выше, а лицо ея блѣднѣетъ.

— Я кого спрашиваю? — рявкнулъ старикъ.

Сынъ негромко и сухо отвѣтилъ, глядя подъ ноги себѣ:

— Она мнѣ разсказывала...

— Какъ въ Балымерахъ мужики жили, за барами, — вздохнувъ, договорила Палага.

— Разскажетъ она! — проворчалъ Кожемякинъ, косо посмотрѣвъ на жену, и сурово отослалъ ее готовить чай.

Матвѣй видѣлъ его тяжелый, подозрительный взглядъ и напряженно искалъ, что̀ сказать старику.

Онъ сѣлъ на скамью, широко разставивъ голыя ноги, распустивъ сердито надутыя губы въ улыбку, и спросилъ:

— Ну, что̀ новаго скажешь?

— За баней на березѣ ремезъ гнѣздо свилъ, — вдругъ выдумалъ Матвѣй и испуганно оглянулся, сообразивъ: — „Сейчасъ велитъ — покажи!“

— Ну, это ты врешь, братъ! — сказалъ отецъ и завылъ, зѣвая.

Садъ вздрогнулъ, точно расправивъ зеленыя крылья, поплылъ вверхъ.

— Кабы ремезъ, — поучительно гудѣлъ отецъ, — онъ бы гнѣздо строилъ на деревѣ съ большимъ да крѣпкимъ листомъ. Ремезъ шьетъ гнѣздо, — это надо знать!

Матвѣй облегченно вздохнулъ, и ему стало жалко отца, стыдно передъ нимъ. Старикъ оглянулъ садъ и, почесывая бороду, благодарно поднялъ глаза къ небу.

— Добёръ Господь къ землѣ Своей — эка украсилъ ее щедро какъ!

Смѣрилъ сына глазомъ и, вздохнувъ, продолжалъ:

— Великъ ты становишься, однако! Вотъ онъ — тайный ребячій ростъ: дерево лѣтомъ не замѣтишь, сколько выросло, а весной, глядь — распуститъ наряды свои...

Скоро Палага крикнула пить чай. За столомъ старикъ началъ хвалить Пушкаря.

— Хорошъ солдатъ — желѣзо, прямо сказать! Работѣ — другъ, а не то, что какъ всѣ у насъ: пришелъ, алтынъ сорвалъ, будто сукъ сломалъ, дерево сохнетъ, а онъ и не охнетъ! Говорилъ онъ про тебя намедни, что ты къ дѣлу хорошо будто приглядѣлся. Я ему вѣрю. Ему во всемъ вѣрить можно: языкъ свихнетъ, а не совретъ!

Матвѣй поперхнулся крошками сдобной лепешки, а Палага шумно вздохнула.

— Говорилъ онъ мнѣ, — продолжалъ Кожемякинъ, — хочу, говоритъ, для племяшей избенку поправить, дай-ка ты мнѣ впередъ рублевъ сорокъ. Изволь, получи! И сто дамъ. Потому, говорю, крупа драная, что хорошій работникъ — дѣлу второй хозяинъ, половина удачи...

Юноша искоса поглядывалъ на Палагу и удивлялся: ея розовое кукольное лицо было какъ всегда покорно-спокойно, глаза красиво прикрыты ласковыми тѣнями рѣсницъ; она жевала лепешку не торопясь и не открывая рта, и красныя губы ея жили, какъ лепестки цвѣтка подъ тихимъ вѣтромъ.

Добродушно ворчала вода въ самоварѣ, тонко свистѣлъ паръ, вырываясь изъ-подъ крышки, и раздражалъ чижей и щеглятъ на окнахъ; въ саду распѣвала малиновка; оттуда вливались вечерніе теплые запахи липы, мяты и смородины, въ горницѣ пахло крѣпкимъ чаемъ, душистымъ, какъ ладанъ, березовымъ углемъ и сдобнымъ тѣстомъ. Было мирно, и душа мальчика, заласканная кроткою пѣснью, красками и запахами догоравшаго дня, привѣтно и виновно раскрывалась навстрѣчу словамъ отца, которыя всегда легко стирали разсказы солдата.

„А кабы сказалъ я ему про Палагу, — смутно подумалъ онъ, — плакала бы она, избитая, а онъ звѣремъ рычалъ бы на всѣхъ...“

— Теперь, слышь, — ухмыляясь, насмѣшливо говорилъ Савелій, — мѣщанство фордыбачить начало: я-ста да мы-ста, два-ста да три-ста, горожане-де мы да все хозяева, а ужъ будто и не люди! — Это глупость, Мотя! Всѣ мы — работники для матушки Россіи, вотъ это Пушкарь понимаетъ. Онъ мнѣ сколько разъ кричалъ: ты, говоритъ, рыжій, думаешь, я на тебя работаю? На-ка, — и показываетъ кукишъ мнѣ. Я, говоритъ, на царя работаю, на Россію-мать! Да. А мѣщанишки боятся, что мужикъ ихъ забьетъ. Какъ государь батюшка крестьянство изъ крѣпости изпялъ, да какъ теперь встряхнется онъ, мужичокъ, оно, пожалуй, и вѣрно, что туго придется горожанамъ-то! Свободнаго народа прибавилось, слава Те, Господи! Горожане — они сами бы не прочь людей въ крѣпость покупать, анъ и не вышло дѣло. Теперь сказано всѣмъ: ну-те-ка, попробуйте на волѣ жить!

Кожемякинъ крѣпко ударилъ по столу рукою и крикнулъ, поблескивая глазами:

— Хорошее время, сынишка, выпало тебѣ, чтобы жить! А я вотъ — четыре съ лишкомъ десятка лѣтъ въ крѣпостяхъ прожилъ!

Онъ хищно прищурился, оглядывая горницу.

— Велика Россія, Матвѣй, хороша, просторна! Я вотъ до Чернаго моря доходилъ, на новыя мѣста глядѣть шарахались мы съ Сазаномъ — велика матушка Русь! Теперь, вольная, какъ начнетъ она по новому-то жить, какъ пойдетъ по всѣмъ путямъ — ой-гой...

И старикъ радостно взвылъ, покачивая рыжей головой.

Палага пугливо повела плечами, посмотрѣла въ окно и негромко проговорила:

— А мои родители не дождались свѣтлаго денька.

Навалившись грудью на столъ, старикъ усмѣхнулся.

— Знаешь ты, — спросилъ онъ Матвѣя, — что ея отца отъ семьи продали? Продали мужа, а жену съ дочерью оставили себѣ. Хорошій мужикъ былъ, слышь, родитель-то у ней, — за строптивость его на Уралъ угнали желѣзо добывать. На послѣдяхъ, передъ самой волей, сильно баре обозлились, множество народа извели!

— А всего больше дѣвокъ да бабъ — тихонько вставила Палага, стирая пальцами слезы со щеки.

— Въ тяжелые дни бабы да вино всегда въ большомъ расходѣ! — размѣренно толковалъ отецъ.—Ты, однако, Матвѣй, огуломъ судить не пріучайся: озорничали баре — вѣрно, и звѣрья было много промежъ нихъ — тоже вѣрно, ну, были и хорошіе люди, а коли баринъ дворянинъ да хорошъ, такъ

ужъ онъ превосходенъ! Недавніе дворяне, въ родѣ Бубновыхъ здѣшнихъ, они непрочно себя на землѣ чуяли и старались сколько можно больше сорвать да награбить. А были, которые хозяевами считали себя исконными, вѣка вѣковать на землѣ надѣялись, добро дѣлать старались, только — не къ мѣсту: на болотѣ сѣять — зря руками махать! Мужики тоже баръ портили, какъ червивые маслята, примѣрно, могутъ спортить и крѣпкій бѣлый грибъ, положи-ка ихъ вмѣстѣ! Помнишь — работалъ у насъ Лексѣй, мужикъ бѣлобрысый такой? Разсказалъ онъ мнѣ однова, какъ прославился передъ бариномъ вѣрностью своей рабьей: стараго Бубнова наложница начала этого Лексѣя на грѣхъ съ ней склонять, дѣвица молодая была она, скучно ей со старикомъ...

Кровь бросилась въ лицо юноши, незамѣтно взглянувъ на мачеху, онъ увидалъ, что губы ея плотно сжаты, а въ глазахъ свѣтится что-то незнакомое и острое. А Савелій Кожемякинъ добродушно говорилъ:

— Лексѣй этотъ сейчасъ барину донесъ. Позвалъ баринъ ее, позвалъ и его, и приказываетъ: всыпь ей, Алеха, вѣрный рабъ! Лексѣй и сѣкъ ее до омморока вплоть. Спрашиваю я его: что жъ, не нравилась она тебѣ? „Нѣтъ, говоритъ, нравилась, хорошая дѣвка была, скромная, я все думалъ — вотъ бы за меня такую барину отдать!“ Чего жъ ты, говорю, донесъ-то на нее?—„Да вѣдь какъ жъ, говоритъ, коли баринова она!“

Старикъ откинулся отъ стола и захохоталъ.

— И — гляди вотъ: обрыдлъ онъ мнѣ съ той поры, сталъ я къ нему привязываться совсѣмъ зря. Понимаю, что зря, а не могу удержаться, взглянешь на него и такъ, ни за что ни про что облаешь. А онъ только глазами мигаетъ да кланяется — терпѣнья нѣтъ! Этакіе люди — бѣда вредны; они какую хошь узду ослабятъ звѣрю твоему, полный просторъ даютъ всѣмъ деймонамъ въ душѣ человѣчьей. Онъ будто кроткій, а тебѣ хочется по мордѣ ему треснуть. Прогналъ я его: иди-ка, говорю, Лексѣй, съ Богомъ, не ко двору ты мнѣ, сердце портишь. Такого мужика у насъ сколько хошь понадѣлано, и долго онъ не вымретъ, ой, долго! Онъ себѣ барина найдетъ, въ немъ воли нѣтъ. Воля — это внутри! А онъ, кроткій-то, за свой страхъ боится жить, ему надобно, чтобы кто-нибудь отвѣчалъ за него Богу и царю, самъ онъ на себя ничего, окромя побоевъ, не хочетъ брать. Онъ такъ себя ставитъ, чтобы можно было на страшномъ судѣ сказать: это я не самъ дѣлалъ, заставляли меня насильно другіе люди разные. Это, братъ, плохой народъ, его сторонись!

И такъ, почти до ужина, поблескивая зоркими, насмѣшли-

выми глазами, старый Кожемякинъ поучалъ сына разсказами о прошлыхъ дняхъ. Теплая тѣнь обнимала душу юноши, складные разсказы о сумрачномъ прошломъ были интереснѣе настоящаго и, тихонько, незамѣтно отводя въ сторону отъ событій дня, успокаивали душу музыкою мѣрной рѣчи, звономъ ёмкихъ словъ.

Въ будни ужинали на кухнѣ, вмѣстѣ со всѣми рабочими, и пища была обильна: сначала подавали окрошку изъ мяса, яицъ, огурцовъ и луку съ квасомъ, забѣленную сметаной; два горячихъ — лапшу да щи съ мясомъ, или похлебку съ бараниной и борщъ; потомъ ѣли гречишную или просяную кашу, жирно политую коровьимъ масломъ, а заѣдали все это иногда простоквашей, иногда сычеными киселями. По праздникамъ, сверхъ всего, пекли пироги съ капустой, морковью, лукомъ и яйцами, съ кашей и рыбьими жирами, а въ постные дни ѣли окрошку изъ сушенаго судака и сазана, толокно, грибныя похлебки, горохъ, каши, пареную брюкву, свеклу и рѣпу съ патокой.

Отецъ говорилъ:

— Кто ѣстъ много да скоро — тотъ и работаетъ споро!

Всѣ ѣли изъ одной деревянной чаши, широкой и уёмистой, сидя за столомъ чинно, молча; только Пушкарь неугомонно трещалъ, какъ старый пѣвчій скворецъ.

Первая ложка — хозяину, а за нимъ тянулись руки остальныхъ, по очереди старшинства; сначала хлебали горячее безъ мяса, потомъ хозяинъ, ударяя ложкой о край чашки, командовалъ:

— Таскай со всѣмъ!

И если кто-нибудь зачерпывалъ два куска мяса вмѣсто одного, старый Кожемякинъ, невзирая на возрастъ захватчика, звучно щелкалъ его донцемъ ложки по лбу. Темный лобъ Пушкаря, густо расписанный морщинами, страдалъ чаще другихъ.

Неустанно двигались скулы и челюсти, играли кадыки, сверкали волчьи зубы, отъ мохнатыхъ грудей шелъ парокъ, на лицахъ блестѣли капли пота. Чавкали громко, смачно, тяжко и глубоко вздыхали отъ усталости и, облизывая ложки, далеко высовывали большіе языки, толстые и красные. Вставая изъ-за стола, истово крестились въ темный уголъ, гдѣ приятно мигалъ желтый огонекъ лампады, освѣщая грустные глаза Богоматери „Всѣхъ скорбящихъ радость“, высокій лобъ Николы, украшенный затѣйными морщинами, и спокойно-внимательный ликъ Христа. Помолясь, кланялись хозяину, говорили подавленными голосами:

— За хлѣбъ, за соль покорно благодаримъ!

А Савка, выкатывая на хозяйку рачьи глаза, всегда бормоталъ:

— Балдарю!

— Благо-дарю! — оралъ на него Пушкарь. — Обломъ! Дарю благо! Понялъ?

Парень, съ видимымъ усиліемъ отрывая глаза отъ фарфороваго лица Пелагеи, не торопясь, повторялъ:

— Баландарю, сталъ-быть...

Матвѣй однажды слышалъ, какъ этотъ парень, идя по двору, ворчалъ:

— Бландарю... Тоже, — черти!

И показалось, что онъ скрипѣлъ зубами.

Юношѣ нравились эти чинные, обрядные обѣды и ужины, ему было пріятно видѣть, какъ люди пьянѣютъ отъ сытости, а ихъ невеселыя рожи становятся добродушными, и въ глазахъ, покрытыхъ масляной влагой, играетъ довольная улыбка. Онъ видѣлъ, что люди въ этотъ часъ благодарятъ отъ полноты чувствъ, и ему хотѣлось, чтобы мужики всегда улыбались добрыми глазами.

Въ этотъ вечеръ отецъ, оглянувъ столъ, спросилъ, нахмурясь:

— А Сазанъ гдѣ?

Савка завозился, открылъ ротъ и радостно пустилъ:

— Г-гы-ы!

— Это что̀? — крикнулъ хозяинъ.

Деревянная ложка въ рукѣ Палаги дрожала, лицо ея покрылось красными пятнами. Всѣ за столомъ не глядѣли другъ на друга. Матвѣй ясно видѣлъ, что всѣ знаютъ какую-то тайну. Ему хотѣлось ободрить мачеху, онъ дважды погладилъ ея колѣно, а она довѣрчиво прижалась къ нему.

Савка безпокойно вертѣлъ головой и тихонько рычалъ, собираясь сказать что-то.

— Чего вертишься? — строго спросилъ отецъ.

— Онъ ушелъ, г-гы-ы! — радостно объявилъ Савка. — Скажи, говоритъ, хозяину, что я ушелъ совсѣмъ. Я за водой на рѣчку ѣду, а онъ идетъ съ котомкой, гы, гы!

— Пошелъ Максимъ и котомка съ нимъ! — заговорилъ Пушкарь. — Опять въ бѣга, значитъ.

— Да-а! — сказалъ отецъ, подумавъ и не глядя ни на кого. — И не простился...

— Приспичило, — пояснилъ солдатъ. — Любятъ это у насъ — бродяжить...

Кожемякинъ положилъ ложку и сказалъ:

— Это такіе люди — неугомонные, много я ихъ встрѣчалъ. Говорятъ, будто щуровъ сонъ видѣли они: есть такая пичужка, щуръ зовется. Она снами живетъ, и пѣсня у нея какъ бы сквозь дрему: тихая да сладкая, хоть самъ-то щуръ — большой, не меньше дрозда. А гнѣздо онъ себѣ вьетъ при дорогахъ, на перекресткахъ. Сны его невѣдомы никому, но нѣкоторые люди видятъ ихъ. И когда увидитъ человѣкъ такой сонъ — шабашъ! Начнетъ по всей землѣ ходить — наяву искать мѣсто, которое приснилось. Найдетъ если, то — помретъ на немъ...

Всѣ стали жевать медленнѣе, чавкать тише, лица какъ будто потемнѣли. Палага, тяжко вздохнувъ, отерла передникомъ влажные глаза.

— Третій разъ пошелъ Сазанъ, — задумчиво продолжалъ старикъ. — Чуется мнѣ — не увидимъ мы другъ друга, — воротится онъ, а меня ужъ нѣтъ!

Сумракъ въ кухнѣ сталъ гуще, а огонь лампады ярче и глаза скорбящей Богоматери яснѣе видны.

Лежа въ постели, Матвѣй вспоминалъ некрасивое, рябое лицо дворника, разсѣянный взглядъ безцвѣтныхъ глазъ и нудныя, скупыя рѣчи.

— Итти бы, — а то что̀? Нашли толкъ. Изъ пустого въ порожнее. До предѣльныхъ морей дойти бы...

Юноша представлялъ себѣ, какъ по пыльной, мягкой дорогѣ, устланной черными тѣнями березъ, безшумно шагаетъ одинокій человѣкъ, а на него, задумавшись, смотрятъ звѣзды, лѣсъ и глубокая, пустая даль — въ ней гдѣ-то скрытъ заманчивый сонъ.

Вскорѣ отецъ отправился скупать пеньку, а на другой день послѣ его отъѣзда, рано утромъ, Матвѣя разбудила пѣсня въ саду подъ его окномъ.

На зарѣ-то, матушка,
Птички голосно поютъ,
А меня-то, матушка,
Думки за сердце берутъ...

Старушечій голосъ перебилъ пѣсню:

— Тише, дѣвки, тутъ хозяйскій сынъ спитъ

— А пора ему вставать!

— Давай, дѣвушки, глянемъ, какъ купчикъ молоденькій спитъ.

По стѣнѣ зашуршало. Матвѣй поднялъ голову, и взглядъ его встрѣтился съ бойкимъ блескомъ чьихъ-то веселыхъ глазъ, онъ вспомнилъ обѣщаніе мачехи, весь вспыхнулъ томнымъ жаромъ и, съ головой закрывшись одѣяломъ, подумалъ со страхомъ:

„Пришли... огородницы...“

За окномъ, поддразнивая, смѣялись:

— Не спи-итъ, дѣвушки! Глазастый такой да румяный!

Онъ вскочилъ и бросился въ кухню умываться, думая о .омъ, что сегодня надо надѣть праздничный нарядъ; набилъ себѣ въ ротъ мыльной пѣны и окончательно растерялся услыхавъ насмѣшливое ворчаніе Власьевны:

— Ишь, какъ рано вскочилъ, когда дѣвицами-то запахло!

— Больно мнѣ нужно! — совралъ онъ, пряча лицо въ полотенце.

— Молока-то дать?

Напоминаніе о молокѣ обидѣло его, онъ точно на сказочный подвигъ собирался, а тутъ — молока хотятъ дать, какъ теленку! Не отвѣчая, полуодѣтый, побѣжалъ онъ будить мачеху, шумно вошелъ въ ея комнату, отдернулъ пологъ кровати и зажмурился.

— Вставай, — сказалъ онъ тихонько.

Непромытые глаза щипало, ихъ туманили слезы. Солнце было уже высоко, золотистый утренній свѣтъ властнымъ потокомъ влился въ окно, осѣнилъ кровать и одѣлъ полунагое тѣло женщины чистымъ и живымъ сіяніемъ.

Подбивъ подъ себя красное кумачевое одѣяло, мачеха вытянулась какъ струна и, закинувъ руки за голову, лежала точно въ огнѣ. Ласково колебались, точно росли, обнаженныя груди, упруго поднялись вверхъ маленькіе розовые соски — видѣть ихъ было стыдно, но не хотѣлось оторвать глазъ отъ нихъ, и они вызывали въ губахъ невольную щекотную дрожь. Въ тѣни полога лицо женщины казалось незнакомымъ. Ея брови поднялись, ротъ полуоткрылся, и крылья носа вздрагивали, точно Палага собиралась заплакать, — отъ нея вѣяло печалью. Эта печаль, вмѣстѣ съ блескомъ солнца, прикрывала соблазнъ наготы строгимъ и чистымъ покровомъ и, угашая робкое волненіе юной крови, будило иныя, незнакомыя или давно забытыя чувства.

Матвѣй опустилъ пологъ и тихонько ушелъ въ свою комнату и сѣлъ тамъ на кровать, стараясь что-то вспомнить, вспоминая однако только грудь женщины — розовые цвѣты сосковъ, жалобно поднятыя къ солнцу.

Въ солнечномъ лучѣ кружилась серебряная пыль, за окномъ смѣялись, шаркало желѣзо заступа, глухо падали комья земли.

— Натаха! Кинь мнѣ серпокъ!

Матвѣй подошелъ къ окну и сталъ за косякомъ, выглядывая въ садъ, свѣтло окропленный солнцемъ. Передъ нимъ

тихо качались высокіе стебли мальвы, тѣсно усаженные лиловыми и желтыми цвѣтами въ росѣ. Сверкающій воздухъ былъ пропитанъ запахомъ укропа, петрушки и взрытой, сочной земли.

Между грядъ, согнувшись и показывая красныя ноги, выпачканныя землей, рылись женщины, наклоня головы, повязанныя пестрыми платками. Круто выгнувъ загорѣлыя спины, онѣ двигались какъ бы на четвереньках и, казалось, выщипывали траву ртами, какъ овцы. Мелькали ихъ темныя руки, качались широкія бедра; высоко подобранные сарафаны порою глубоко открывали голое тѣло, но Матвѣй не думалъ о немъ, словно не видя его.

Иногда огородницы говорили знакомыя юношѣ зазорныя слова, о которыхъ дьячкомъ Кореневымъ было сказано, что „лучше не знать ихъ, дабы не поганить глаголы души, которая есть колоколъ Божій“.

Юноша вспомнилъ тяжелое, оплывшее жиромъ, покрытое густой рыжею шерстью тѣло отца—бывая съ нимъ въ банѣ, онъ всегда старался не смотрѣть на непріятную наготу его. И теперь, ставя рядомъ съ отцомъ мачеху, бѣлую и чистую, точно маленькое облако въ ясный день весны, онъ чувствовалъ обиду на отца.

Вспомнилась ему отцова шутка. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ, подмигнувъ Пушкарю на Палагу, гулявшую въ саду, сказалъ:

— Хороша, а?

— Днемъ ничего!—отозвался Пушкарь.

— А ночью — того лучше! — снова подмигивая, молвилъ отецъ.—Ночью, положимъ, всѣ бабы лучше. Положимъ!—повторилъ онъ и громогласно, сипло захохоталъ.

Матвѣю захотѣлось узнать, почему бабы лучше ночью, и онъ спросилъ солдата.

— Бабы-то?—ухмыляясь, отвѣтилъ Пушкарь. — Онѣ, братецъ мой, очень другія по ночамъ!—Но, сморщившись, плюнулъ и уже серьезно пояснилъ:—Вѣдьмовъ много между ними! Въ трубу летаютъ—слыхалъ.

— Труба узкая,—нерѣшительно замѣтилъ Матвѣй.

— Ну, ничего! У бабы кости мягки. А тебѣ, однако, рано про это знать!—строго закончилъ онъ.

— Ишь, откуда онъ подглядываетъ за дѣвушками-то!—вдругъ услыхалъ Матвѣй сзади себя голосъ Палаги. Положивъ руки свои на плечи ему, она, усмѣхаясь, спросила:—Которая больше нравится?

— Ни которая!—отвѣтилъ онъ, боясь пошевелиться.

Въ немъ зажглось истомное желаніе обнять Палагу, говорить ей какія-то хорошія, сердечныя слова.

Выглянувъ въ окно, женщина сказала:

— А вонъ Натапька Тіунова, хорошая какая! Бабеночка молодая, вольная,—мужъ-отъ у нея четыре года тому назадъ въ Воргородъ ушелъ, да такъ и пропалъ безъ вѣсти. Ты гляди-ка: пятнадцати годовъ дѣвчушечку замужъ выдали за вдоваго, все равно какъ подъ жерновъ сунули...

Онъ слушалъ молча, избѣгая ея взгляда, боясь, какъ бы она не догадалась, что онъ видѣлъ ея наготу.

Но, несмотря на волненіе, онъ ясно слышалъ, что сегодня Палага говоритъ такъ же нехотя и скучно, какъ, бывало, иногда говорилъ отецъ. Сидя съ нею за чаемъ, онъ замѣтилъ, что она жуетъ румяные сочни безъ аппетита, лицо ея блѣдно, и глаза тупы и мутны.

— Нездоровится тебѣ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, такъ, чего-то снулая...

Оглянувшись на дверь, она заговорила быстро и тихо:

— Ой, какъ боялась я эти дни! Тогда, за ужиномъ-то,— покажись мнѣ, что Савка этотъ все знаетъ про меня. Господи! — Да и я тебя забоялась вдругъ. Спаси тебя Христосъ, Мотя, что смолчалъ ты! Ужъ я тебя утѣшу, погоди ужо...

Улыбнувшись, она подмигнула ему, но и слова и улыбка ея показались юношѣ пустыми, нарочными.

— Ничего мнѣ не надо!—молвилъ онъ, краснѣя.

— Какъ не надо, милый? Я вѣдь знаю, какіе сны снятся въ твои-то годы.

— Не говори про это! — попросилъ Матвѣй, опустивъ голову.

— Ну, не буду, не буду!—снова усмѣхнувшись, обѣщала она. Но, помолчавъ, сказала просто и спокойно: — Мнѣ бы твой грѣшокъ выгоденъ былъ: ты про меня кое-что знаешь, а я про тебя, и—квиты!

И раньше, чѣмъ Матвѣй успѣлъ сказать что-либо въ отвѣтъ ей, она, всхлипывая и захлебываясь слезами, начала шептать, точно старуха молитву:

— Глазъ завести всю ночь до утра не могла, все думала— куда пошелъ? Человѣкъ немолодой, бокъ у него ножикомъ пропоротъ, два ребра сломаны—показывалъ, скрипятъ даже! Жилъ здѣсь—безъ обиды, тихо,—пошелъ! Никого на свѣтѣ нѣтъ у него,—куда идетъ? Охъ, Мотя,—виновата я передъ батюшкой твоимъ—правду скажу — виновата! Ну, голубь же ты мой тихій, такъ стыдно молодой женщинѣ со старымъ

мужикомъ жить, такъ нехорошо все это и такая тоска,—сказать нельзя! Разумный мой, — я глупѣе тебя, а дамъ тебѣ совѣтецъ вѣрный: коли увидишь не любитъ тебя жена—отпусти ее лучше! Отпусти...

И, вскинувъ руками, она безпомощно поникла.

— Эхъ, кабы ты постарше былъ!

— Я все понимаю! — сказалъ Матвѣй, легонько стукнувъ по столу рукой.

— Гдѣ ужъ! Всего-то и попъ не пойметъ. Ты бы вотъ что̀ понялъ: вѣдь и Сазанъ не молоденькій, да человѣкъ онъ особенный! Вотъ, хорошо твой батюшка про старину сказываетъ, а когда Сазанъ—такъ ужъ какъ райскіе сады видишь!

— Развѣ онъ умѣлъ говорить? — недовѣрчиво спросилъ Матвѣй.

— Тѣмъ меня и взялъ!—горячо отвѣтила женщина, и даже плечи у нея зарумянились.—Онъ такъ умѣлъ сказывать, что слушаешь, и—времени счету нѣтъ! Выйду, бывало, къ нему за баню, подъ березы, обниметъ онъ меня, какъ малаго ребенка, и начнетъ: про города, про людей разныхъ, про себя—не знаю, какъ Богъ меня спасалъ, во̀-время уходила я къ батюшкѣ-то сонному! Ужъ онъ самъ, бывало, гонитъ,—иди, пора! Я вѣдь ничего не знаю, нигдѣ не бывала: Валымеры да Окуровъ, десять верстъ дороги разъ пятокъ прошла, только и всего! Вѣдь только и живешь, когда сонъ видишь да сказки слушаешь. Кабы у меня дитё было! Да на сорной-то землѣ не взойти пшеницѣ...

Она вздохнула и заплакала. Казалось, что глаза ея таютъ,—такъ обильно текли слезы. Будь это раньше — онъ обнялъ бы ее и сталъ бы ее утѣшать, гладя щеки ей, и, можетъ-быть, цѣловалъ, а сейчасъ онъ боялся подойти къ ней

Вплоть до самаго обѣда онъ ходилъ за нею, точно жеребенокъ за маткой, а въ головѣ у него все остановилось вокругъ голаго, точно солнцемъ одѣтаго тѣла женщины.

За обѣдомъ огородницы сидѣли противъ него. Онѣ умылись, ихъ опаленные солнцемъ лбы и щеки блестѣли; пьяные отъ усталости глаза, налитые кровью, еще болѣе пьянѣли отъ вкусной пищи, покрываясь маслянистой влагой.

Онѣ хихикали, перемигивались и, не умѣя или не желая соблюдать очереди въ ѣдѣ, совали ложки въ чашку какъ попало, задѣвали за ложки рабочихъ—все это было непріятно Матвѣю.

Жадный, толстогубый ротъ Натальи возбуждалъ въ немъ чувство, близкое страху. Она вела себя бойчѣе всѣхъ, ея низкій, сладкій голосъ текъ непрерывною струею, точно па-

тока, и всѣ мужчины смотрѣли на нее, какъ цѣпныя собаки на кость, которую онѣ не могутъ достать мохнатыми лапами.

Часто та или другая женщина взвизгивала, и тогда Палага робко просила:

— А вы, бабочки, потише!

— Дакъ щиплются!—отвѣчали ей, охая.

Необычный шумъ за столомъ, нескромныя шутки мужиковъ, безстыдные взгляды огородницъ и больше всего выкатившіеся глаза Савки — все это наполнило юношу темнымъ гнѣвомъ; онъ угрюмо бросилъ ложку и сказалъ:

— Матушка, крикни на нихъ хорошенько, забыли, видно, что за столомъ сидятъ!

Онъ сейчасъ же сконфузился, опустилъ голову и съ минуту не смотрѣлъ на людей, ожидая отпора своему окрику. Но люди, услышавъ голосъ хозяина, покорно замолчали: раздавалось только чмоканье, чавканье, тяжелые вздохи и тихій стукъ ложекъ о край чаши

Матвѣй изумленно посмотрѣлъ на всѣхъ и еще болѣе изумился, когда, вставъ изъ-за стола, увидалъ, что всѣ почтительно разступаются передъ нимъ. Онъ снова вспыхнулъ отъ стыда, но уже смѣшаннаго съ чувствомъ удовольствія,—съ маленькимъ, но пріятнымъ сознаніемъ своей власти надъ людьми. Было въ сердцѣ что-то еще, незнакомое, похожее на сожалѣніе о томъ, что никто не нашелся отвѣтить ему:

— Малъ ты командовать нами...

Въ своей комнатѣ, налитой душнымъ зноемъ полудня, онъ прикрылъ ставень и легъ на полъ, вспоминая маленькіе зоркіе глаза отца и его волосатыя руки, которыхъ всѣ боялись.

Этакъ-то легко!—думалъ онъ, какъ бы споря съ кѣмъ-то.—Если только крикнуть, а тебя ужъ и слушаютъ—легко!"

Но это была не та мысль, которую ему хотѣлось поймать и которая все ускользала, не даваясь и утомляя.

Заснувъ крѣпкимъ сномъ, онъ проснулся подъ вечеръ—въ жаркомъ воздухѣ комнаты таялъ, пройдя сквозь ставень, красный лучъ солнца, въ саду устало перекликались бабы, мычало стадо, возвращаясь съ поля, кудахтали куры и пугливо кричали галчата.

Чувствуя, что сегодня въ немъ родилось и растетъ что-то новое, онъ вышелъ въ садъ и, вдохнувъ всею силою груди душистый воздухъ, на минуту опьянѣлъ, точно отъ угара, сладко отравившаго кровь.

Онъ любилъ этотъ мигъ, когда кажется, что въ грудь голубою волною хлынуло все небо и по жиламъ трепетно текутъ

лучи солнца, когда теплый, синій туманъ застиласть глаза, а все тѣло, напоенное пряными ароматами земли, пронизано блаженнымъ ощущеніемъ таянія, — сладостнымъ чувствомъ кровнаго родства со всей землей.

Сквозь мягкій звонъ въ ушахъ до него долетѣлъ тихій крикъ Палаги:

— Что̀ ты... ой!..

Встряхнувъ головою, онъ, улыбаясь, оглянулся, но не увидѣлъ мачехи, а снова услыхалъ ея возгласъ:

— Да что̀ ты!

Голосъ шелъ изъ-за бани; тамъ, въ тѣнистомъ углу стояли четыре старыя березы, почти прижимаясь другъ къ другу пестрыми стволами.

Повинуясь вдругъ охватившему его предчувствію чего-то недобраго, онъ безшумно пробѣжалъ малинникъ и остановился за угломъ бани, точно схваченный за сердце крѣпкою рукою: подъ березами стояла Палага, разведя руки, а противъ нея Савка, онъ держалъ ее за локти и что-то говорилъ. Его шопотъ былъ громокъ и отчетливъ, и юноша съ минуту не могъ понять словъ, гнѣвно и брезгливо глядя въ лицо мачехѣ. Потомъ ему стало казаться, что ея глаза такъ же выкатились, какъ у Савки, и наконецъ онъ ясно услышалъ его слова:

— Теперь—воля! У кого деньги—тотъ и баринъ! Х-хозяинъ!

Парень раскачивалъ руки Палаги, то отводя ихъ отъ тѣла, то снова приближая.

Пошатываясь, Палага изнеможенно бормотала:

— Пусти-ка,—съ ума ты сошелъ!

— Разсчитай: я тебѣ покоя тутъ не дамъ: А его жалѣть, старика-то, за что? Кто онъ такое? Ты подсыть ему въ квасъ—я тебѣ дамъ чего надо—ты и подсыпай легонько. Лепешки можно спечь тоже. Тогда бы и сыну...

Матвѣй понялъ смыслъ рѣчи,—онъ слышалъ много исторій о томъ, какъ травятъ людей бѣлымъ порошкомъ,—небо побагровѣло въ его глазахъ, онъ схватилъ стоявшій подъ рукою у стѣны бани заступъ, прыгнулъ впередъ и съ размаха ударилъ Савку.

— Батюшки!—взвизгнула Палага, рванувшись въ сторону.

Матвѣй снова размахнулся, но заступъ увязъ въ чемъ-то, вырвался изъ его рукъ, тяжелый ударъ въ животъ сорвалъ юношу съ земли, онъ упалъ во тьму и очнулся отъ боли — что-то тяжелое топтало пальцы его руки.

Приподнялся, сѣлъ. Около него старательно возилась тѣс-

пая кучка людей, они кряхтѣли и взмахивали руками, точно молотя зерно. Надъ заборомъ, между гвоздей, торчали чьи-то головы, оттуда падали одобренія и совѣты:

— Сади подъ душу.

— Между крылецъ-то, эй, черный!

Надъ нимъ наклонилась Палага, но онъ не понималъ ея рѣчи, съ ужасомъ глядя, какъ бьютъ Савку: лежа у забора внизъ лицомъ, парень дергалъ руками и ногами, точно плывя по землѣ; веселый, большой мужикъ Михайла, высоко поднимая ногу, тяжелыми ударами пятки, черной, точно лошадиное копыто, бухалъ въ его спину, а коренастый, добродушный Иванъ, стоя на колѣняхъ, истово ударялъ по шеѣ Савки, точно стараясь отрубить голову его тупымъ, краснымъ кулакомъ.

Оборванный, выпачканный кровью и пылью, парень тыкался лицомъ въ землю и кричалъ визгливо:

— Бу-удетъ,—бу-у,—бра-а-атцы...

Съ забора совѣтовали:

— Поверните, лѣшіе, да противъ сердца разокъ! Эки обломы!

А громкій голосъ говорилъ внушительно и солидно:

— Есть люди, которые съ продухами подъ мышками, какъ ты его ни бей—ему ничего! Потому—два дыханія имѣетъ.

— Лошади, чу, такія есть?

— Лошади—это особо.

Около Матвѣя возились Палага, Пушкарь и огородница Наталья, на головѣ у него лежало что-то мокрое, ему давали пить, онъ глоталъ, не открывая глазъ отъ страшной картины и пытаясь что-то сказать, но не могъ выговорить ни слова отъ боли и ужаса.

— Будетъ!—крикнулъ онъ наконецъ.

Михайла обернулся къ нему и согласно отвѣтилъ:

— Ну, инъ, будетъ!

Савка поползъ вдоль забора, цапаясь за доски темно-красными руками; его кровь, смѣшавшись со взрытой землей, стала грязью, онъ былъ подобенъ пню, который только-что выкорчевали: ноги, не слушаясь его усилій, волоклись по землѣ, какъ два корня, лохмотья рубахи и портковъ казались содранной корой, изъ-подъ нихъ, съ пестраго тѣла, струился темный сокъ.

Около Палаги стоялъ Михайла и, улыбаясь, говорилъ:

— По чашечкѣ бы съ устатка-то, хозяюшка!

— Ребята! — кричалъ Пушкарь. — Волоките его въ баню! Ахъ, бѣсъ, а?

Сердце Матвѣя больно замирало, руки тряслись, горло душила противная судорога. Онъ глядѣлъ на всѣхъ жалобными глазами, держась за руку мачехи, и слова людей царапали его, точно ногтями.

— Степанъ Ѳедорычъ,—говорила Палага Пушкарю,—не надо бы въ баню-то, какъ встанетъ онъ ночью, да какъ...

Съ забора радостно крикнули:

— Ага-а, боисси, шкуреха?!

Матвѣй вскочилъ и началъ швырять въ головы зрителей комьями земли.

Четверо мужиковъ, взявъ Савку за руки и за ноги, поволокли его, точно куль мякины, задѣвая и шаркая о землю его выгнутою спиною.

— А вы приподнимите его!—серьезно сказалъ Михайла.—Этакъ-то, волокомъ, шкуру сдерете!

— Господи, Мать Пресвятая,—бормотала Палага.

А солдатъ плевалъ въ заборъ, ругаясь съ кѣмъ-то, стоящимъ по ту его сторону:

— Прочь, бѣси!

Въ саду собрались всѣ рабочіе, огородницы, Власьевна,—Матвѣй, словно кошмаромъ охваченный, смотрѣлъ на нихъ и молчалъ, изнывая отъ тяжелаго удивленія: они говорили громко, улыбались, шутя другъ съ другомъ, и, видимо, никто изъ нихъ не чувствовалъ ни страха, ни отвращенія передъ кровью, ни злобы противъ Савки. Надъ нимъ посмѣивались, разсказывая другъ другу объ ударахъ, нанесенныхъ ему.

— Дуракъ онъ,—добродушно говорилъ Иванъ,—такъ, въ родѣ полоумнаго даже, ей-Богу.

— Воля, говоритъ! Все про волю.

— Да-а! молодой еще!

Казалось, что всѣ стали оживленнѣе и веселѣе обычнаго, точно кончили нетяжелую работу и рады, что кончили ее, не уставъ.

Матвѣй пошелъ въ кухню, — тамъ Власьевна, промывая водой большія царапины на плечѣ и лѣвой груди Палаги, говорила:

— Ужъ какъ мы предъ хозяиномъ будемъ теперь—и не знаю!

— Малину всю поломали,—бормотала Палага.

Увидавъ пасынка, она повернулась спиной къ нему, воскликнувъ:

— Ой, ты тутъ, а я, на-ка, оголилася...

— Ничего,—успокоительно чавкала Власьевна.—Онъ еще дитя..

Юношѣ захотѣлось обругать ее; стиснувъ зубы, онъ вышелъ изъ кухни, сѣлъ на ступени крыльца и задумался.

Что люди дрались—это было въ порядкѣ жизни; онъ много разъ видѣлъ, какъ въ праздники рабочіе, напившись вина, колотили другъ друга, пробуя силу и ловкость; видѣлъ и злыя драки, когда люди, сцѣпившись подобно псамъ, катались по землѣ безформеннымъ комомъ, яростно скрипя зубами и вытаращивъ налитые кровью, дикіе глаза. Эти драки не пугали его. Но теперь, когда онъ видѣлъ, какъ дѣловито, истово и безлобно били человѣка на смерть, забавляясь избіеніемъ, какъ игрой, и едва ли зная, за что бьютъ,—теперь Матвѣй тяжело почувствовалъ страхъ передъ людьми, спокойно отиравшими о свои грязные портки пальцы, вымазанные кровью товарища по работѣ.

Мимо него щеголевато бѣгала Наталья, перенося изъ сада въ уголъ двора корзины выполотой травы и взвизгивая, какъ ласковая собачка. Уже взошла луна, за женщиной по землѣ влачилась ея длинная, темная тѣнь, возбуждая неясную, нехорошую мысль. Въ амбарѣ возились мужики, прибирая дневную работу, и ругался Пушкарь отборно-скверными словами.

Вышла Палага, сѣла ступенью выше Матвѣя и спросила, положивъ ему руку на плечо:

— Больно Савка тебя ударилъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, невольно подвигаясь къ ногамъ женщины и заглядывая въ лицо ея, унылое и поблекшее. — Это ты велѣла бить его?

— Сами они. Какъ увидала я тебя—ой, какой ты страшный былъ!—крикнула; тутъ онъ меня за горло, а они и прибѣжи. Сразу затоптали его, какъ табунъ лошадей волка. Обидѣлъ онъ меня, а все-таки — встанетъ ли? Послала къ нему Тіуниху, обмыла бы хоть тѣло-то ему...

Матвѣй посмотрѣлъ въ небо—около луны въ синей пустотѣ трепетно разгоралась золотая звѣзда. Онъ снова взглянулъ въ круглое лицо мачехи, спрашивая:

— Сказать имъ—убейте, вина дамъ, убьютъ они?

Палага, вздохнувъ, повторила:

— Убьютъ.

И, помолчавъ, добавила тихонько.

— Развѣ не убивали? Сколько разъ! А такъ побить—это ни во что! Тогда вонъ торговцы съ площади лѣкаря Маркова бить бондарей наняли всего за полштофа. Очень безсовѣстны и дешевы люди, Мотя. Тятеньку моего—дядя Яковъ разсказывалъ—все подзуживали: ты-де грамотей, тебѣ-де и честь

за всѣхъ говорить: А онъ былъ смѣлый да вѣрилъ всѣмъ, простой. Потомъ, какъ пригнали въ Балымеры команду—кто затѣйщикъ?—всѣ на него и указываютъ, на тятеньку. А пороть его заставили шабра, крестнаго моего, они съ тятей измала пріятели были. Помню я это,—около десяти лѣтъ было мнѣ въ ту пору. Мать моя предъ начальствомъ да бариномъ въ землю билась, все лицо себѣ окровавила, а баринъ ее—чогой подъ груди...

Позвали ужинать. Толстая и сѣдая старуха Тіунова—по прозвищу Живая-вода—подробно и со вкусомъ разсказывала о ранахъ Савки и стонахъ его; мужики, внимательно слушая ея льстивую рѣчь, ухмылялись.

— Ничего,—сказалъ Михайла голосомъ человѣка, знающаго дѣло.—Отлежится къ утру.

— Онъ изъ Обноскова, али воеводинскій?

— Ничего! — повторилъ Михайла. — Вотъ меня годовъ съ пять назадъ слободскіе утюжили, это да а!

— Ужъ если наши,—хвалительно заговорила Тіунова.

И всѣ наперебой начали добросовѣстно вспоминать, гдѣ и какъ били ихъ и когда сами они бивали людей.

„Злые или нѣтъ?“—думалъ Матвѣй, исподлобья оглядывая людей.

Подъ шумъ разговора молодой парень Кузьма, должно-быть, ущипнулъ Наталью; она, глухо охнувъ, бросила ложку и сунула руки подъ столъ.

— Брысь, бѣси! — крикнулъ Пушкарь, звучно щелкая ложкой по лбу парня и женщину.

Всѣ засмѣялись, мачеха что-то жалобно бормотала, а Наталья, сидя съ открытымъ ртомъ, мычала, тоже, видимо, пробуя смѣяться, но лицо ея вытянулось и застыло въ гримасѣ боли.

Матвѣй всталъ. Ему хотѣлось что-то сказать, какія-то рѣзкія, суровыя слова, вызвать у людей стыдъ, жалость другъ къ другу. Словъ такихъ не нашлось, онъ перешагнулъ черезъ скамью и пошелъ вонъ изъ кухни, сказавъ:

— Не хочу...

А на дворѣ прижался въ углу у запертыхъ воротъ и заплакалъ въ безсильной злобѣ, страхѣ и обидѣ.

Тамъ нашла его Палага.

— Сирота моя тихая!—причитала она, ведя его въ домъ.—Замаяли тебя! И это еще здѣсь, не выходя изъ дома, а каково будетъ за воротами?

Онъ прижимался къ ней и рычалъ:

— Такъ бы всѣхъ—по харямъ! Погоди, вырасту я...

Окно въ его комнатѣ было открыто, сквозь кроны липъ, подобныя прозрачнымъ облакамъ, тихо сіяло лунное небо, гдѣ-то далеко пѣли пѣсни, бубенъ билъ, тренькала балалайка, а въ монастырѣ ударяли въ колоколъ—печально ныла мѣдь.

Палага, не выпуская руку пасынка, сѣла у окна, онъ прислонился къ ея плечу и, понемногу успокаиваясь, слушалъ задумчивую рѣчь.

— Была бы я дальняя, а то всѣмъ извѣстно, что просто дѣвушка порченая, барину Бубнову наложницей была, а батюшка твой за долгъ меня взялъ. Никто меня не слушаетъ, не уважаетъ, какая хозяйка я здѣсь? Рѣдко и по отчеству-то назовутъ. Выйти не смѣю никуда, подружекъ—нѣтъ; можетъ, и нашла бы я хорошихъ людей — батюшка изъ дома не пускаетъ, не вѣритъ онъ въ совѣсть мою. Да и какъ вѣрить? Торная тропа—ни бѣсу ни попу не заказана. Вонъ Савка-то, парнишка еще, а говоритъ: отрави хозяина! Другой бабѣ-то не сказалъ бы, а мнѣ—можно! Меня, какъ приблудную овцу, всякъ своей считаетъ. Скучно мнѣ, не у дѣла я...

Всхлипнувъ, она застонала въ тоскѣ, обняла Матвѣя и, прижимая голову ко груди своей, повторила протяжно:

— Ску-учно мнѣ...

Въ его груди больно бились тѣсныя, безкрылыя мысли, онъ со стыдомъ чувствовалъ, что снова утреннее волненіе овладѣваетъ имъ, не имѣлъ силы побѣдить его и, вдыхая запахъ ея тѣла, прижималъ сомкнутыя губы къ плечу ея

— Не плачь, не надо...

— Милый мой,—шептала Палага,—на что мы родились? Почто живемъ? Умереть бы...

Матвѣй никогда не думалъ о смерти, но онъ помнилъ слѣпого вертельщика Валентина, лежавшаго въ гробу, и у него глубоко сохранилось впечатлѣніе жуткой тишины вокругъ гроба; онъ помнилъ, какъ осторожно ходили люди по кухнѣ: лица у всѣхъ были такія, словно въ домѣ явилось какое-то важное лицо и строго потребовало у всѣхъ покорности, почетнаго молчанія предъ нимъ. Съ этой поры, каждый разъ, когда говорилось о смерти, онъ ощущалъ въ груди тоскливый холодъ.

— Не надо умирать,—прошепталъ онъ, оробѣвъ и быстро оглядывая комнату, полную лунныхъ тѣней.

Незамѣтно для себя, не желая этого, онъ прислонился къ женщинѣ плотнѣе и отскочилъ, а она простодушно спросила:

— Укололся? Разорвалъ онъ мнѣ рубаху-то, я тутъ булавкой приколола, не успѣвъ другую рубаху надѣть. Вотъ, вынула!

Наклонясь къ подоконнику, она открыла грудь, и онъ, не владѣя болѣе собой, жадно прильнулъ къ ней губами.

— Ой, что ты это?—шептала она, отталкивая его.—Мотя, полно-ка...

Ей удалось подняться на ноги, она оторвала голову его и, держа ее въ ладоняхъ, шептала, упрекая:

— Видишь вотъ—отказался давеча отъ Натальи-то...

И, отодвинувшись отъ окна въ тѣнь, продолжала:

— Ты не стыдись, не бойся — это не обойдешь, родимый!

Страшно потянулась вверхъ и дѣловито сказала:

— Ты ложись-ка, а дверь-то не запирай.

— Почто?—спросилъ Матвѣй, вздрогнувъ

— Ужъ я знаю!

Крѣпко поцѣловавъ его въ лобъ, она ушла, а юноша, обомлѣвъ, прижался въ уголъ комнаты, глядя, какъ на полу шевелятся кружевныя тѣни, подползая къ ногамъ его спутанными клубами черныхъ змѣй.

За переборкой, въ комнатѣ отца, чокалъ маятникъ, въ монастырскомъ саду протяжно закричалъ сычъ.

— Гу-у-п...

Маятникъ равнодушно и сухо разрѣзалъ этотъ звукъ тремя ударами:

— Чок-чок-чокъ..

Юноша взглянулъ въ окно—мягко блеснуло чистое лунное небо.

„Надо ставень закрыть. Комары“,—какъ сквозь сонъ подумалось ему.

И снова прижался къ стѣнѣ, вздрогнувъ: около его двери что-то шаркнуло, зашуршало, она осторожно открылась, и весь голубой свѣтъ луны палъ на лицо и фигуру Натальи, какъ бы отталкивая ее.

На лицѣ женщины неподвижно, точно приклеенная, лежала сладкая улыбка, холодно блестѣли ея зубы; она вытянула шею впередъ, глаза ея обѣжали двумя искрами комнату, ощупали постель и, найдя въ углу человѣка, остановились, тяжело прижимая его къ стѣнѣ. Точно плывя по воздуху, женщина прокрадывалась въ уголъ, она что-то шептала, и казалось, что тѣни, поднимаясь съ пола, хватаютъ ее за ноги, бросаются на грудь и на лицо ей.

— Уйди!—громко сказалъ Матвѣй.

Она не послушалась и все двигалась къ нему; отъ нея истекалъ запахъ земли, пота и увядшей травы.

— Уйди прочь!—крикнулъ онъ, когда женщина была такъ близко, что онъ могъ ударить ее. Топнувъ ногой, онъ глухо позвалъ:

— Мама!

Онъ помнилъ, какъ Наталья отшатнулась назадъ, хлопнула дверь—тутъ на него упало тяжелое облако тьмы, закружило его и унесло съ собою.

Потомъ онъ лежалъ на постели, задыхаясь отъ ѣдкаго запаха уксуса и хрѣна, сидѣла Палага, говоря Власьевнѣ:

— Страшенъ день послалъ на насъ Господь!

А Власьевна терла на тарелкѣ хрѣнъ, отвернувъ лицо въ сторону, и слащаво пѣла:

— Какая ты ему мать? Въ твои годы за этакихъ замужъ выдаютъ. Въ деревняхъ-то и завсе такъ: парнишкѣ пятнадцать, а дѣвку всегда старше берутъ. Ничего не подѣлаешь, коли мужики-то обречены работѣ на всю жизнь—всяко извертываться надобно, чтобъ хребетъ не треснулъ ранѣ времени...

— Что̀ я буду дѣлать?—не отвѣчая, бормотала Палага.—Какъ оборонюсь отъ навѣтовъ-то? Да еще и этотъ захворалъ.

Ея испуганные глаза потемнѣли, осунувшееся лицо казалось раздавленнымъ. Тяжело вздохнувъ, она приложила ухо къ груди Матвѣя—онъ шепнулъ на ухо ей:

— Прогони Власьевну...

Охнувъ тихонько, Палага выпрямилась и долго молчала, глядя въ стѣну, а потомъ нерѣшительно и тихо молвила:

— Кажись—спитъ онъ! Ты, пожалуй, иди, ложись, я позову, коли что̀...

А когда старуха ушла, она, наклонясь къ Матвѣю, тревожно, быстро спросила:

— Чѣмъ напугала тебя дура эта?

— Ничѣмъ!—отвѣтилъ юноша, стыдливо отводя глаза въ сторону, и съ гордостью, самому себѣ непонятной, добавилъ:—она и не дотронулась до меня!

Палага подвинулась ближе къ нему, спрашивая съ жаднымъ любопытствомъ:

— Какъ же это вышло?

Кратко разсказавъ ей, онъ обиженно попенялъ.

— На что ты ее прислала?

— Да вѣдь какъ же!—воскликнула она, улыбаясь и покраснѣвъ.—Вѣдь ты...

Играя пальцами ея руки, онъ сказалъ, вздохнувъ:

— Я думалъ, ты сама придешь...

Она отшатнулась, удивленно мигнувъ, и покраснѣла еще болѣе густо.

— Посидѣть со мной,—окончилъ Матвѣй.

Палага тихонько засмѣялась, прикрывая ротъ рукою.

— Ой, Господи! Что̀ почудилось мнѣ!

— Что?

— Та-акъ.

И, невесело качнувъ головой, вздохнула.

— Смѣхи!

— Это кто меня раздѣлъ?—смущенно освѣдомился Матвѣй.

— Мы. А что̀?

Онъ завернулся въ одѣяло, всталъ и пошелъ къ окну.

— Ладно ли тебѣ вставать-то? — заботливо освѣдомилась женщина, не глядя на него.

— Дышать трудно! — тихо отвѣтилъ юноша. — Глаза ѣстъ хрѣнъ...

За окномъ сіяло голубое небо, сверкали рѣдкія звѣзды лунной ночи, и вздрагивала листва деревьевъ, словно отряхая тяжелый серебряный блескъ. Былъ слышенъ тихій шорохъ ночной жизни растеній и травъ, дышали тѣни...

Люди долго стояли у окна, не говоря ни слова.

— О чемъ думаешь?—спросилъ наконецъ Матвѣй.

— А вотъ, — медленно отвѣтила женщина, — пріѣдетъ батюшка твой, начнутъ ему на меня бухать со всѣхъ сторонъ— что̀ я буду дѣлать? Скажи-ка ты мнѣ..

Матвѣю польстило, что она спрашиваетъ его совѣта. Онъ сдвинулъ брови и—молчалъ, не зная, что̀ отвѣтить. Потомъ, неожиданно для себя, спросилъ:

— Если сказать Натальѣ: иди, спи съ Пушкаремъ,—пойдетъ?

— Дадутъ гривенничекъ—пойдетъ!—просто отвѣтила Палага.

— Ругаютъ этакихъ-то,—сумрачно сказалъ юноша, подумавъ.

— Ругаютъ!—повторила женщина, точно эхо. И снова зазвучалъ ея шопотъ:—Пріѣдетъ батюшка, да объявитъ въ полицію, да какъ начнутъ,—сраму-то, позора-то сколько будетъ!

— Постой!—сказалъ Матвѣй, прислушиваясь.

Луна уже скатилась съ неба, на деревья легъ густой и ровный пологъ темноты; въ небѣ тускло горѣли семь огней колесницы царя Давида, и сѣялась на землю золотая пыль мелкихъ звѣздъ. Сквозь завѣсу малинника, въ окнѣ бани мерцалъ мутный свѣтъ, точно кто-то протиралъ темное стекло желтымъ платкомъ. И слышно было, какъ что-то живое трется о заборъ, царапаетъ его, тихонько стонетъ и плюетъ.

— Савка!—шепнула Палага, схватившись за грудь.

— Уходитъ! — сообразилъ Матвѣй, оживляясь. — Пусть идетъ! Давай-ка отопремъ ворота—не перелѣзть черезъ заборъ ему...

— Ушибетъ онъ тебя...

Но онъ уже высунулся за окно и громко шепталъ въ тишину сада:

— Савка, иди во дворъ, я тебѣ отопру ворота, иди скорѣй...

Въ саду все затихло, потомъ раздался хриплый отвѣтъ:

— Водки вынеси...

Палага побѣжала изъ комнаты.

— Я налью!

Наскоро одѣвшись, Матвѣй выскочилъ на крыльцо, бросился къ воротамъ — у калитки стоялъ на колѣняхъ Савка, влажно хрипѣлъ, плевался, его голова качалась, напоминая неровно выточенный черный шаръ, а лица не было.

— Что-о?—хрипѣлъ онъ, пока Матвѣй отодвигалъ запоръ.— Уходили на смерть, а теперь—боитесь?

Пріоткрывъ калитку, Матвѣй выглянулъ во тьму пустынной улицы; ему представилось, какъ поползетъ вдоль нея этотъ изломанный человѣкъ, теряя кровь, и навѣрное проснутся собаки, завоютъ, разбуженныя ея теплымъ запахомъ.

— Испугались, сволочи!—рычалъ Савка.—Кабы я полиціи не боялся, я бы не ушелъ, нѣту... я бы и...

Прибѣжала Палага, протягивая Матвѣю большой чайный стаканъ. Савка учуялъ ѣдкій запахъ водки и сопѣлъ, ощупывая воздухъ пальцами.

— Гдѣ? Не вижу...

Темнота и, должно-быть, опухоли увеличили его тѣло до жуткихъ размѣровъ, руки казались огромными: стаканъ утонулъ въ нихъ, поплылъ, остановился на уровнѣ Савкиной головы, прижавшись къ темной массѣ, не похожей на человѣчье лицо.

Пилъ Савка долго, пилъ и мычалъ:

— Ум... умм...

Потомъ, бросивъ стаканъ на землю, сказалъ, вставая на ноги:

— Ну, пускай!

Матвѣй широко распахнулъ калитку, Палага сунула въ руку ему что-то тяжелое, обернутое въ шерсть.

— Дай ему,—деньги...

Савка, услыхавъ ея шопотъ, странно завылъ.

— А-а,—на гробъ-могилу? Ну, кабы не боялся я... давай! Съ пасынкомъ живешь, Палашка! Лучше этакъ-то. Тотъ издохнетъ, ты все—хозяйка...

Онъ качался въ калиткѣ, скребя ногтями дерево, и точно не могъ шагнуть на улицу.

— Я бы тебѣ показалъ! Ну—хитрые вы тоже... до кнута довести можете, до тюрьмы... богатые вы... да-а...

Но, вывалившись, за ворота, онъ вдругъ болѣе твердымъ и освѣжѣвшимъ голосомъ сказалъ, стукнувъ чѣмъ-то по калиткѣ:

— Эй, вы, сволочи, — не запирай ворота-то... а то догадаются, что сами вы меня выпустили, — дурачье!

„Вѣрно сказалъ!“ — подумалъ Матвѣй, и на секунду въ немъ яркой искрой вспыхнуло доброе чувство къ Савкѣ.

Палага, сидя на завалинкѣ дома, закрыла лицо ладонями, было видно, какъ дрожатъ ея плечи и тяжко вздымается грудь, отталкивая локти. Она казалась Матвѣю маленькой, беззащитной, какъ ребенокъ.

Около строящагося собора сторожъ сухо колотилъ по доскѣ, кончилъ онъ—торопливо зодребезжали звуки чугуннаго била на торговой площади. Свѣтало, синее небо становилось блѣднѣе, словно уплывало отъ земли.

— Идемъ спать!—сказалъ Матвѣй, крѣпко взявъ женщину за руку.

Жалкій видъ ея согнутой фигуры, невѣрные шаги и послушное подчиненіе, все это внушало ему серьезную заботу о ней.

— Замучилась?—ласково молвилъ онъ, чувствуя себя сильнѣе и старше ея.

Она кивнула головой. Въ комнатѣ отца Матвѣй погладилъ ея руку, говоря:

— Ложись да спи скорѣе! Это хорошо, что вышелъ онъ, Савва-то...

— Да-а,—тихонько отвѣтила Палага и стала разстегивать сарафанъ.

Онъ съ невольнымъ изумленіемъ оглянулъ комнату, полную прохладной, тающей тьмой, широкую кровать, гору красныхъ подушекъ на ней, и съ гордостью почувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ этой женщины.

— Защитушка ты моя — что̀ бы я дѣлала безъ тебя! — укрѣпляя его ощущеніе силы и власти, бормотала Палага, сидя на кровати въ одной рубахѣ, словно прозрачная на темномъ фонѣ одѣяла.

Полуоткрывъ ротъ, онъ присматривался къ очертаніямъ ея тѣла и уже безъ страха, безъ стыда, съ радостью чувствовалъ, какъ разгорается въ немъ кровь и сладко кружится голова.

— А и тебя тоже боязно—не маленькій ты,—слышалъ онъ тихій, зовущій шопотъ. — Все ближе ты да ближе! Вонъ, что̀ Савка то пролаялъ! Да и Власьевна говоритъ—какая-де я тебѣ мать?

Матвѣй подошелъ къ ней,—размахнувъ руками, точно бѣлыми крыльями, она прижала его къ себѣ и поцѣловала въ лобъ, сердечно сказавъ:

— Прощай, родимый!

...Съ лишкомъ сорокъ лѣтъ прошло съ этого утра, и всю жизнь старый грѣшникъ Матвѣй Кожемякинъ, вспоминая о немъ, ощущалъ въ избитомъ и больномъ сердцѣ бережно и нетлѣнно сохраненное чувство благодарности женщинѣ-судьбѣ, однажды улыбнувшейся ему улыбкой пламенной и жгучей, и—Богу, законъ Котораго онъ нарушилъ, за что и былъ наказанъ жизнью трудной, одинокой и обильно оплеванной ядовитою слюною строгихъ въ законахъ людей города Окурова.

Онъ четко помнитъ, что, когда лежалъ въ постели, ослабѣвъ отъ поцѣлуевъ и стыда, но полный гордой радости, надъ нимъ склонялось розовое, утреннее лицо женщины, она улыбалась и плакала, ея слезы тепло падали на лицо ему, вливаясь въ его глаза, онъ чувствовалъ ихъ соленый вкусъ на губахъ и слышалъ ея шопотъ—странныя слова, напоминавшія молитву.

— Пусть горе мое будетъ въ радость тебѣ и грѣхъ мой—на забаву, не пожалуюсь ни словомъ никогда, все на себя возьму передъ Господомъ и людьми! Такъ ты обласкалъ всю меня и утѣшилъ, золотое сердце, цвѣточекъ тихій! Какъ въ ручьѣ выкупалась я, и словно душу ты мнѣ омылъ — дай тебѣ Господи за ласку твою все счастье, какое есть...

Очарованный невѣдомыми чарами, онъ молча улыбался, тихонько играя волосами ея, не находя словъ въ отвѣтъ ей и чувствуя эту женщину матерью, сестрой и любовницей своей юности.

Въ памяти его вставали вычурнымъ и свѣтлымъ строемъ мудрыя слова дьячка Коренева:

„Бракъ есть духовное сліяніе двухъ людей для ради совокупнаго одолѣнія трудностей мучительныхъ житейскихъ, кои ежедень, подобно змѣямъ, неотступно и люто жалятъ душу“.

Ему хотѣлось сказать это Палагѣ, но она сама непрерывно говорила, и было жалко перебивать складный потокъ ея рѣчи.

Въ небѣ разгорался праздничный день, за окномъ вздыхалъ садъ, окропленный розовымъ золотомъ утреннихъ лучей, вздрагивали, просыпаясь, листья и протягивались къ солнцу; задумчиво и степенно, точно молясь, качались вершины деревьевъ.

На бѣлой кожѣ женщины вспыхнули золотыя пятна солнца, она испуганно соскочила на полъ.

— Ой, сейчасъ встанутъ всѣ, загалдятъ! Савку-то прозѣвали, прибѣгутъ будить меня—уходи скорѣе!

Раздѣтая, она была странно маленькой, ловкой и складной.

Придя къ себѣ, Матвѣй легъ, закрылъ глаза и не успѣлъ заснуть, какъ услыхалъ крикъ Пушкаря на дворѣ:

— Тебѣ, косоланому бѣсу, башки своей не укараулить, не брался бы! Чего теперь Савелій-то скажетъ? Ну, припасай морду!

Имя отца дохнуло на юношу холодомъ; онъ вспомнилъ насмѣшливые, хищные глаза, брезгливо оттопыренную губу и красные пальцы пухлыхъ рукъ. Съежился и сунулъ голову подъ подушку.

Четыре дня не было отца, и каждая минута этихъ дней памятна Кожемякину,—онъ обладалъ здоровой и рѣдкой способностью хорошо помнить свѣтлыя минуты жизни.

Они сразу выдали людямъ свой грѣхъ. Матвѣй ходилъ какъ во снѣ, блѣдный, съ томными глазами; фарфоровое лицо Палаги оживилось, въ глазахъ ея вспыхнулъ тревожный, но добрый и радостный огонь, а маленькія губы, заманчиво припухшія, улыбались весело и ласково. Она суетливо бѣгала по двору и по дому, старалась, чтобы всѣ видѣли ее, хмурила брови и, звонко хлопая ладонями по бедрамъ, вскрикивала:

— Ай, батюшки, забыла!

Широкорожая Власьевна многозначительно и ѣдко улыбалась; Пушкарь крѣпко теръ ладонью щетину на подбородкѣ и мрачно сопѣлъ, надувая щеки.

Однажды послѣ ужина, ожидая Палагу, Матвѣй услыхалъ въ кухнѣ его хриплый голосъ:

— А ты молчи, лошадь!

— Я молчу!—отозвалась Власьевна. — Ну, а ежели меня спросятъ, я правду не скрою!

— Ду-ура!

— Ужъ дура ли, умная ли, а такому грѣху не потатчица. Чтобы съ матерью...

— Съ тобой бы, а? Какая она ему мать?

— Какъ такъ? Съ отцомъ, чай, обвѣнчана.

— Бѣсъ болотный! Кабы у нихъ дѣти были?

— Что̀ ты говоришь, безбожникъ? А еще солдатъ...

— Тьфу тебѣ!

— Съ грязнаго-то пола да въ твою бы рожу...

Матвѣй слушалъ, обливаясь холоднымъ по̀потомъ. Пришла Палага, онъ передалъ ей разговоръ въ кухнѣ, она тоже поблекла, зябко повела плечами и опустила голову.

— Власьевна, да-а, она скажетъ,—прошептала Палага.—

Она сама меня на эту дорожку, къ тебѣ, толкала. Надѣется все. Вѣдь батюшка-то твой нѣтъ-нѣтъ да и вспомнитъ ее милостью своею...

Матвѣй не повѣрилъ, но Палага убѣдила его въ правдѣ своихъ словъ.

— Мнѣ что? Пускай ихъ, это мнѣ и лучше. Ты, Мотя, не бойся,—заговорила она, встряхнувшись и жадно прижимая его голову ко груди своей. — Только бы тебя не трогали, а я бывала бита, не въ диковинку мнѣ! Чего боязно—суда бы не было какого, полиція бы не вошла...

Задумалась на минуту и снова продолжала, веселѣе:

— А Пушкарь-то, Мотя, а? Ахъ, милый! И вѣрно все—какая я тебѣ мать? На пять лѣтъ и старше-то! А насчетъ свадьбы—что же? Конечно, грѣшница я... А и то сказать—какая это свадьба? Только-что въ церковь ходили, а обряда никакого и не было: пѣсенъ надо мной не пѣто, сама я не повыла, не поплакала, и ничѣмъ-ничего не было, какъ въ быту ведется! Попъ за деньги вѣнчалъ, а не подружки съ родными, по-старинному, по-отеческому...

И начала сказывать Матвѣю свадебные обычаи, стала тихо напѣвать обрядовыя пѣсни. Жутко было ему; закрывъ глаза, стиснувъ зубы, онъ лежалъ, прижавшись къ ней, слушалъ, какъ бьется ея сердце, какъ беззаботно выговариваетъ она красивыя слова гулевой пѣсни, думалъ, что вотъ ее могутъ бить, такъ же, какъ били Савку...

Грянули весельцы вдоль по морю,
Грянули, раскрашены, по синему,—
Топнули кони во широки ворота,
Топнули, удалы, во рѣшетчаты!

— Перестань!—попросилъ онъ жалобно.—Боюсь я. Ежели тебѣ плохо будетъ—какъ я тогда? Можетъ, бѣжать намъ? Бѣжимъ давай!

Палага съ неожиданной силой сжала его и, цѣлуя въ грудь противъ сердца, говорила:

— Хрустальный ты мой, спаси тя Господи за ласковое слово!

И вдругъ, взмахнувъ руками, застонала:

— Э-эхъ, кабы я дѣвушкой была! Вотъ, вотъ когда оно сказалось-то-о!

Глаза ея, поднятые вверхъ, налились слезами, какъ цвѣты росой, а лицо исказилось въ судорогѣ и боли отчаянія.

Онъ испугался, вскочилъ, женщина очнулась, цѣловала его, успокаивая, и, когда Матвѣй задремалъ на ея рукахъ, она, осторожно положивъ голову его на подушку, перекрестила и, приложивъ руку къ сердцу, поклонилась ему.

Сквозь рѣсницы онъ видѣлъ этотъ поклонъ и — сжался, охваченный смертною тоскою, острымъ предчувствіемъ бѣды.

Утромъ его разбудилъ Пушкарь, еще болѣе, чѣмъ всегда, растрепанный, щетинистый и темный.

— Лежишь? — сказалъ онъ. — Тебѣ бы не лежать, а бѣжать...

— Куда? — спросилъ Матвѣй, не скрывая, что понимаетъ, о чемъ рѣчь.

— То-то — куда! — сокрушенно качая головой, сказалъ солдатъ. — Эхъ, парень, не ладно ты устроилъ! Хошь сказано, что природа и надъ царемъ воевода, — ну все-таки! Вотъ что: есть у меня верстахъ въ сорока дружокъ, татаринъ одинъ — надо къ нему теперь вамъ, что ли? — нерѣшительно говорилъ онъ, дергая себя за ухо. — Дамъ я указку къ нему, записку дамъ, онъ яйца по деревнямъ скупаетъ, грамотенъ. Вы и посидите у него, а я тутъ какъ-нибудь повою... Эхъ, ты, Матвѣй, Матвѣйка, козлиная душа, — жалко тебя мнѣ!

Вошла Палага, кивнула головой и стала къ двери, словно картина въ рамѣ.

— Вотъ она, грошъ цѣна, — ворчалъ солдатъ, потирая щеку. — Ишь, вытянулась, — королевна Рынцевена! Ну, какъ же? Къ татарину-то?

— Я не знаю, — сказала Палага. — Какъ лучше Матвѣю Савельичу...

— Ма-а... Матвѣю Савельичу?!.. — насмѣшливо протянулъ солдатъ, скосивъ глаза. — Эхъ, ты, куда выметнула! Ма-атвѣю Са-а... — м-матушки мои!

Юноша покраснѣлъ, а Палага звонко вскричала:

— А что? Ужъ кого чувствовать...

— Молчи, дурочка изъ переулочка! — сурово сказалъ Пушкарь и, вдругъ широко открывъ ротъ, захохоталъ, какъ сова на болотѣ.

— Ай, дуй васъ горой! Имъ, можетъ, завтра кости ломать будутъ, а они...

Онъ трясъ шершавой головой, икалъ и брызгалъ слюною, скрывъ свои маленькіе глазки въ густой сѣти морщинъ.

— Стой-ка! — воскликнула женщина, струною вытянувшись вверхъ.

Изъ сада назойливо лѣзъ въ окно глухой звукъ, приближался, становясь все торопливѣе и яснѣй.

— Пожалуй — онъ? — медленно сказалъ Пушкарь. — Ну, ребята, становись на правежъ!

Матвѣю показалось, что кто-то невидимый и сильный схватилъ его одною холодною рукою за голову, другою — за ноги

и, заморозивъ кровь, растягиваетъ тѣло. Палага крестила его частыми крестами и бормотала:

— Богъ грѣшнымъ милостивъ.... милостивъ...

Наскоро одѣвшись, нечесанный и не умытый, сынъ выскочилъ на дворъ какъ разъ въ тотъ мигъ, когда отецъ въѣзжалъ въ ворота.

— Здорово ли живете?—слышалъ Матвѣй хриплый голосъ.

Потомъ отецъ, огромный, сѣрый отъ пыли, опаленный солнцемъ, наклонясь къ сыну, тревожно гудѣлъ:

— Ты что̀ какой, а? Нездоровъ, а?

А потомъ, въ комнатѣ Матвѣя, Пушкарь, размахивая руками, страшно долго говорилъ о чемъ-то отцу, отецъ сидѣлъ на постели въ азямѣ, безъ шапки, а Палага стояла у двери на колѣняхъ, опустивъ плечи и свѣсивъ руки вдоль тѣла, и тоже говорила:

— Бей меня... бей!

Лицо старика, огромное и багровое, страшно измѣнилось, щеки оплыли, точно тѣсто, зрачки слились съ бѣлками въ мутныя, сѣро-зеленыя пятна, борода тряслась, и красныя руки мяли картузъ. Вотъ онъ двинулъ ногой въ сторону Палаги и рыкнулъ:

— Уйди прочь, стерва...

Всталъ, разстегнулъ воротъ рубахи, подошелъ къ двери и, ударивъ женщину кулакомъ по головѣ, отпихнулъ ее ногой.

— Иди со мной, Степанъ!—сказалъ онъ, перешагивая черезъ ея тѣло.

Пушкарь тоже вышелъ, плотно притворивъ за собою дверь. Было слышно, какъ старикъ, тяжко шаркая ногами, вошелъ въ свою горницу, сбросилъ на полъ одежду, распахнулъ окно и загремѣлъ стуломъ.

Когда ушелъ отецъ, сыну стало легче, яснѣе; онъ наклонился къ Палагѣ, погладилъ ея голову.

— Брось, не тронь! — пугливо отшатнувшись, прошептала она.

Но онъ опустился на полъ рядомъ съ нею, и оба окостянѣли въ ожиданіи.

Все, что̀ произошло до этой минуты, было не такъ страшно, какъ ожидалъ Матвѣй, но онъ чувствовалъ, что это еще болѣе увеличиваетъ тяжесть которой-то изъ будущихъ минутъ.

Домъ наполнился нехорошею, сердитой тишиною, въ комнату заглядывали душныя тѣни. День былъ пестрый, надъ Ляховскимъ болотомъ стояла сизая, плотная туча, отъ нея не торопясь отрывались сѣрые пушистые клочья, крадучись ползли на городъ, и тѣни ихъ ощупывали домъ, деревья,

ползали по двору, безмолвно лѣзли въ окно, ложились н
полъ. И казалось, что домъ глоталъ ихъ, наполняясь тьмо
и жутью.

Прошло множество тяжкихъ минутъ до поры, пока за топ
кою переборкою четко посыпались рѣчь солдата,—онъ гово
рилъ, должно-быть, нарочно громко и такъ, словно самъ ви
дѣлъ, какъ Матвѣй бросился на Савку.

— Больно ушибъ?—глухо спросилъ отецъ.

— Ничего, отъ сердца! Жалуется Матвѣй на животъ,—
говоритъ, болитъ...

Палага радостно шептала:

— Ой, миленькій, это онъ—чтобы не трогалъ тебя батя-то

— Ну, лежитъ онъ,—барабанилъ Пушкарь,—а она дем
и ночь около него. Парень хоть и прихворнулъ, а здоров
у него отцово. Да и повадки, видно, тоже твои. Сказано: хо
зяйскій сынъ, не поспоришь съ нимъ...

— Ты мнѣ ея не оправдывай, потатчикъ!—рявкнулъ отецъ.—
Она кто ему? Забылъ?

— Вона!—воскликнулъ солдатъ.—Ей—двадцать, ему—пят
надцать, вотъ и все родство!

— Ну, пошелъ, иди! Пошли ее сюда, а Мо... сынъ вы
шелъ бы въ садъ,—ворчалъ отецъ.

— Ты вотъ что... намъ дворника надо..

— Послѣ!

— А ты слушай: есть у меня верстахъ въ сорока тата
винъ на примѣтѣ...

— Послѣ говорю.

— Вотъ ты меня и пошли за нимъ, а Матвѣя со мно
дай...

— Молись за него, Мотя!—серьезно сказала Палага и
поднявъ глаза вверхъ, беззвучно зашевелила губами.

Матвѣй чутко слушалъ.

— Ладно,—сказалъ отецъ.

— Я не поѣду, не хочу!—шепнулъ Матвѣй.

— Родимый!

— Завтра и поѣду!—предложилъ солдатъ.

— Сегодня бы!—сказалъ отецъ.

— Нельзя, не справлюсь!

— Пушкарь?

— Ай?

— Плохо дѣло-то!

— Чѣмъ?

— Зазвонятъ въ городѣ...

Матвѣй невольно сказалъ:

— Боится людей-то!

— А какъ же ихъ не бояться?—отвѣтила женщина, вздохнувъ.

— Вона!—вскричалъ Пушкарь. — Удивишь насъ звономъ этимъ! Ты вотъ стряпкѣ привяжи языкъ короче...

— Савку-то вамъ бы до смерти забить, да ночью въ болото...

— Что лучше этого! Ну—иду. Ты, Савелій, попомни—говорится: вѣрная указка не кулакъ, а—ласка!

— Иди ты!—крикнулъ старикъ.

Отворилась дверь, и Пушкарь, подмигивая, сказалъ Палагѣ громко:

— Иди къ хозяину!

И, наклонясь, зашипѣлъ.

— Ду-ура! Одѣлась бы потолще. Наложи за пазухи-то чего-нибудь мягкаго, ворона!

Палага усмѣхнулась, обняла голову пасынка, молча поцѣловала и ушла.

Солдатъ взялъ Матвѣя за руку.

— Айда!

— Бить онъ ее будетъ?—угрюмо спросилъ юноша.

— Побьетъ нѣсколько,—отвѣчалъ солдатъ и успокоительно прибавилъ:—ничего, она баба молоденькая... Бабы—онѣ пустыя, ихъ можно вотъ какъ бить! У мужика внутренности тѣсно положены, а баба—у нея пространство внутри. Она въ родѣ барабана, примѣрно...

Безпомощный и безсильный, Матвѣй прошелъ въ садъ, легъ подъ яблоней вверхъ лицомъ и сталъ смотрѣть въ небо. Глухо гудѣлъ далекій громъ, торопливо обгоняя другъ друга, плыли дымные клочья тучъ, вздыхалъ влажный, жаркій вѣтеръ, встряхивая листья, безпокойно кудахтали куры, плакалъ ребенокъ, и звенѣлъ злой бабій голосъ:

— Я-а тебя-я...

— Оо-рро-о-о!—лѣниво рычалъ громъ, и казалось, что онъ отсырѣлъ.

Въ головѣ Кожемякина безтолково, какъ мошки въ лучѣ солнца, кружились мелкія, сѣрыя мысли, въ небѣ неустанно и дѣловито двигались на югъ странныя фигуры облаковъ, напоминая то копну сѣна, охваченную синимъ дымомъ, или серебристую кучу пеньки, то огромную бородатую голову безъ глазъ съ открытымъ ртомъ и острыми ушами, стаю сѣрыхъ собакъ, вырванное съ корнемъ дерево, или изорванную шубу съ длинными рукавами—одинъ изъ нихъ опустился къ землѣ, а другой, вытянувшись по вѣтру, дымитъ голубымъ дымомъ, какъ печная труба въ морозный день...

Матвѣй чувствовалъ, что Палага стала для него ближе и дороже отца; всѣ его маленькія мысли кружились около этого огня. Онъ добросовѣстно старался вспомнить добрыя улыбки старика, его живые разсказы о прошломъ, все хорошее, что говорилъ объ отцѣ Пушкарь, но ничто не заслоняло, не гасило любовнаго материнскаго взгляда милыхъ глазъ Палаги.

Мучительная тревога за нее все съ большей силой сжимала сердце, юноша ощущалъ горячую сухость въ горлѣ, ему казалось, что изъ земли въ спину и въ затылокъ ему врастаютъ острые шипы, рвутъ тѣло.

Вдругъ онъ увидалъ Палагу: простоволосая, растрепанная, она вошла въ калитку сада и, покачиваясь, какъ пьяная, медленно зашагала къ банѣ; женщина проводила пальцами по распущеннымъ косамъ и, вычесывая вырванные волосы, не спѣша навивала ихъ на пальцы лѣвой руки. Ея лицо, блѣдное до синевы, было искажено страшной гримасой, глаза смотрѣли, какъ у слѣпой, она тихонько откашливалась и все вертѣла правой рукой въ воздухѣ, свивая волосы на пальцы.

Матвѣй вскочилъ съ земли, подкинутый взрывомъ незнакомой ему злобы.

— Больно?

— Ничего! — отвѣтила она странно серьезно и просто.— Ты теперь...

Пошатнувшись, схватила его за плечо и прошептала, задыхаясь:

— Пушкаря возьми, — ты не ходи одинъ! Онъ меня—въ животъ все ножищами-то... ребеночка, видно, боится...

— Ну, пусть и меня бьетъ,—пробормоталъ Матвѣй, срываясь съ мѣста.

— Мотя, Пушкаря-то!—слышалъ онъ.

Слѣпо, какъ обожженный, онъ вбѣжалъ въ горницу и, не видя отцова лица, наскакивая на его темное тѣло, развалившееся на скамьѣ у стола, замахалъ сжатыми кулаками.

— Бей и меня,—ну, бей!

И замолчалъ, какъ ушибленный по головѣ чѣмъ-то тяжелымъ: опираясь спиною о край стола, отецъ забросилъ лѣвую руку назадъ и царапалъ столъ ногтями, показывая сыну толстый, темный языкъ. Лѣвая нога шаркала по полу, какъ бы ища опоры, рука тяжело повисла, пальцы ея жалобно сложились горсточкой, точно у нищаго, правый глазъ, мутно-красный и словно мертвый, полно налился слезой, а въ лѣвомъ горѣлъ зеленый огонь. Судорожно дергая угломъ рта, старикъ надувалъ щеку и пыхтѣлъ:

— Са-ппа... ппо... ппа...

Матвѣй выскочилъ изъ горницы и наткнулся на Власьевну.

— Экъ тебя!—услышалъ онъ ея крикъ и тотчасъ же она завизжала высоко и звонко:

— Ба-атюшки! Уби-или! Отца-а...

Съ этой минуты, не торопясь, тихонько, но неустанно вымотывая душу, пошли часы безтолковаго хаоса и тупой тоски.

Точно головня на пожарѣ въ сѣрой тучѣ дыма, леталъ Пушкарь, трясъ Власьевну, схвативъ ее за горло, и оралъ:

— Я те дамъ убійство!

— Кровь, миленькій, на полу...

— Палагина, а не его! Васъ, вѣдьмовъ, въ омута бросать надо!

Палага, держась одной рукой за косякъ, говорила:

— Брось ее! Попа-то, лѣкаря-то бы...

— Замой полъ, толстый бѣсъ!—командовалъ солдатъ.

Отецъ, лежа на постели, мигалъ лѣвымъ глазомъ, въ его расширенномъ зрачкѣ неугасимо мерцала острая искра ужаса, а пальцы руки все время хватали воздухъ, ловя что-то невидимое, не дающееся.

По двору, въ кухнѣ и по всѣмъ горницамъ неуклюже метались рабочіе. Матвѣй совался изъ угла въ уголъ съ какими-то тряпками и бутылками въ рукахъ, скользя по мокрому полу, потомъ помогалъ Палагѣ раздѣвать отца, но, увидавъ половину его тѣла неподвижною, синею и дряблой на ощупь, испугался и убѣжалъ.

Въ темномъ небѣ спѣшно мелькали блѣдныя окуровскія молніи, пытаясь разорвать толстый слой плотныхъ, какъ войлокъ, тучъ; торопливо сыпался на деревья, крыши и на землю крупный и шумный лѣтній дождь — казалось, онъ спѣшитъ какъ можно скорѣе окропить это безнадежное мѣсто и унести свою живительную влагу въ иные, любезные ему края. Рокоталъ громъ, шумѣли деревья, съ крышъ лились свѣтлыя ленты воды, по двору къ воротамъ мчался грязный потокъ, въ немъ, кувыркаясь, проплыла бобина, ткнулась въ подворотню и настойчиво застучала въ нее, словно просясь выпустить ее на улицу.

Вышла Палага, положила подбородокъ свой на плечо Матвѣя, какъ лошадь, и печально шептала въ ухо ему:

— Миленькій, видно, и мнѣ въ монастырь итти, какъ матушкѣ твоей..

Стучали въ ворота, Матвѣй слышалъ стукъ, но не отпиралъ и никого не позвалъ. Выскочилъ изъ амбара веселый Михайла и, словно козелъ, прыгая по лужамъ, впустилъ во

дворъ маленькаго чернаго попа и высокаго, рыжаго дьячка; попъ, подбирая рясу, какъ баба сарафанъ, громко ворчалъ:

— Священно-церковно-служителя зовутъ, а воротъ не отпираютъ! Дикость какая!

Когда онъ вошелъ въ домъ, Михайла, сладостно покрякивая, развязалъ поясъ рубахи, обнажая спину, и ухалъ:

— Уухх-ты-ты! Уухх! А-а!

Это было такъ вкусно, что Матвѣю тоже захотѣлось выскочить на дождь, но Михайла замѣтилъ его и тотчасъ же степенно ушелъ въ амбаръ.

— Отецъ помираетъ! — напомнилъ себѣ юноша, но, прислушавшись къ своимъ чувствамъ, не нашелъ въ нихъ ничего яснѣе желанія быть около Палаги.

Дождь переставалъ, тучи остановились надъ городомъ и, озаряемыя голубоватымъ блескомъ отдаленныхъ молній, вздрагивали, отряхая на грязную землю послѣднія скупыя капли. Каркала ворона, похваливая дождь.

Снова долго стучали желѣзной щеколдой и пинками въ калитку, а въ амбарѣ глухо спорили:

— Иди, отпирай!

— Я попу отпиралъ.

— Попу-то и я бы отперъ...

— Иди, Ванъ!

— Якимъ, иди ты!

Сухой, угловатый Якимъ вылѣзъ изъ амбара, поглядѣлъ на лужи, обошелъ одну, другую и попалъ въ самую середину третьей, да такъ ужъ прямо, не спѣша и не обходя грязи, и дошелъ до воротъ.

Высокій человѣкъ въ картузѣ съ кокардой, въ сѣромъ смѣшномъ казакинѣ и полосатыхъ штанахъ на выпускъ, спросилъ:

— Здѣсь больной?

Якимъ подумалъ, потрогалъ свой пупокъ и отвѣтилъ.

— Хозяинъ-отъ? Куда жъ ему дѣваться? Ту-утъ онъ, въ горницахъ.

— Болванъ!—просто сказалъ человѣкъ съ кокардой.

Матвѣй тоскливо вздохнулъ, чувствуя, что сѣрыя, тѣсныя облака всасываютъ его въ свою гущу.

— Что?—неожиданно спросилъ Пушкарь, подходя сзади, и, ударивъ Матвѣя по плечу, утѣшительно объяснилъ:—Ничего! Это—параличъ. У насъ былъ капитанъ Земель-Луковъ, такъ его на парадѣ вотъ этакъ-то хватило. Чебурахъ на земь—и въ чистую!

— Умеръ?—спросилъ Матвѣй.

— А какъ же? Обязательно умеръ!

— Тятя тоже умеръ?

— Чудакъ!—усмѣхнулся солдатъ, поглядывая въ сторону.— И онъ, и я, и ты — на то живемъ! Дѣло сдѣлалъ и — вытягивай ходилки!

Помолчавъ, Матвѣй сказалъ укоризненно и тихо:

— Избилъ онъ Палагу-то.

— Н-да, видать, попало ей!—согласился Пушкарь.—Нельзя, жалко ему! Ревностный онъ, старый бѣсъ, до бабъ! Обидно рыжему козлу! Пакостникъ!

Солдатъ непріятно сморщился, плюнулъ и старательно растеръ плевокъ ногой, а потомъ ласково добавилъ:

— Ничего, она хрюшка здоровенная!

Оглянувшись, Матвѣй шопотомъ спросилъ о томъ что̀ было самымъ важнымъ для него въ эту минуту.

— Тебѣ жалко тятю-то?

— Привыкъ я!—сказалъ Пушкарь, вздыхая.—Мы съ нимъ ничего, дружно жили. Уважались оба. Дружба съ человѣкомъ— это, братъ, не грибъ, въ лѣсу не найдешь, это, братъ, въ сердцѣ растетъ!

И ушелъ, поднимая ноги высоко, какъ журавль, ставя ихъ въ грязь твердо и шумно.

Матвѣй остался въ сѣняхъ, соображая:

— Говоритъ нехорошо про отца, плюетъ. А жалѣетъ...

Снова явилась Палага и, виновато улыбаясь, сказала:

— Не могу больше стоять на ногахъ...

Онъ отвелъ ее въ свою горницу и, когда она легла на постель, заведя глаза подъ лобъ, уныло отошелъ отъ нея, отодвинутый знакомымъ ему, солоноватымъ, теплымъ запахомъ—такъ пахло отъ избитаго Савки.

— Не надо бы мнѣ ложиться у тебя,—бормотала она.—Растопталъ онъ, раздавилъ, видно, внутри-то у меня. Хитрый какой...

Матвѣй взглянулъ на нее и вдругъ со страшной ясностью понялъ, что она умретъ. Ея лицо, не по-человѣчески блѣдное, ввалившіеся глаза и синія, точно оклеенныя чѣмъ-то губы напомнили ему гробъ Валентина, покорно сложенныя на груди руки и такое же, словно изъ кости вырѣзанное лицо.

Онъ подошелъ, молча ткнулся головой въ грудь ей. Палага застонала и, облизывая губы сухимъ языкомъ, едва слышно попросила:

— Сними головку-то,—дышать мнѣ тяжко...

Потомъ сынъ стоялъ рядомъ съ Пушкаремъ у постели отца, больной дергалъ его за руку и, сверкая зеленымъ глазомъ, силился сказать какія-то слова.

— Ну... нуш...

Солдатъ тыкалъ себя пальцемъ въ грудь, спрашивая:

— Я, что ли? Пушкаревъ?

— Ма..

— Матвѣй? Чтобы мнѣ его наблюдать—такъ, что ли? Ну, это я знаю! Ты, Савелъ, объ этомъ—ни-ни...

Но старикъ махалъ рукою и шипѣлъ:

— Ах-хи-и... Наш... аш... мон...

— Ну да, конечно!—сказалъ Пушкарь.—Ужъ я знаю! Монастырь.

Старикъ отталкивалъ руку сына, хватался за сердце, мычалъ и шипѣлъ, тяжко ворочая языкомъ, хлопалъ себя по бедру, по лбу и снова цапалъ сына потными, толстыми пальцами.

Вся лѣвая половина его тѣла точно стремилась оторваться отъ правой, спокойно смотрѣвшей мертвымъ глазомъ куда-то сквозь потолокъ. Матвѣю было страшно, но не жалко отца; передъ нимъ въ воздухѣ плавало бѣлое, тающее лицо женщины, а голосъ старика напоминалъ ему шипѣніе грибовъ, когда ихъ жарятъ на сковородѣ.

У окна стоялъ попъ и говорилъ лѣкарю

— Болѣе же всего я люблю сомовъ, даже во снахъ, знаете, вижу ихъ нерѣдко...

Лѣкарь, барабаня пальцами по серебряной табакеркѣ, лѣниво отзывался:

— Со-омъ...

Высокій дьячокъ, стоя передъ часами, скоблилъ пальцемъ желтый циферблатъ, густо заснженный мухами; эти мухи, болтушція, синія, наполняли воздухъ горницы непрерывнымъ гудѣніемъ. Все вокругъ было крѣпко оклеено вязкою тоскою, все какъ бы остановилось, подчиняясь чьей-то невѣдомой власти.

Такъ прошло четыре темныхъ, дождливыхъ дня, на третій—ударъ повторился, а раннимъ утромъ пятаго дня грузный, рыжій Савелій Кожемякинъ померъ, и минуту смерти его никто не видалъ. Монахиня, сидѣвшая у постели, вышла въ кухню пить чай, пришелъ Пушкарь смѣнить ее; старикъ лежалъ, спрятавъ голову подъ подушку.

— Я говорю,—разсказывалъ солдатъ,—ты чего спрятался? Это я, будто, шутю! Ты, говорю, не прячься! Пріоткрылъ, а онъ тово,—весь туть, окромя души...

Матвѣй рыдалъ отъ невыносимаго страха предъ смертью, проснувшейся жалостью къ отцу и боязни за Палагу.

Она не вставала, металась въ жару и бредила. Власьевна

и старуха Тіунова дали ей выпить деревяннаго масла изъ лампады съ четверговою солью и бодягой, растертой въ пыль, дали голландской сажи съ ромомъ, но ее только тошнило отъ этого, а животъ ея все вздувался и синѣлъ. Не разъ Матвѣй видѣлъ въ углу комнаты тряпки, испачканныя густой, темной кровью, и всѣ дни его преслѣдовалъ ея тяжелый, пьяный запахъ.

Тіунова таинственно утѣшала:

— Ты, Матвѣюшка, помалкивай! Послала я тутъ къ одному человѣчку, есть у него пузыречекъ живого серебреца—ужъ это средство опробованное! Тяжеленькое оно, серебрецо-то, а жидкое, и какъ дать его въ нутро человѣку—оно наскрозь пройдетъ, ужъ ты не сомнѣвайся!

Рѣдко приходя въ сознаніе, Палага виновато смотрѣла въ лицо Матвѣя и шептала:

— Ой, какъ я расхворалася! Горницу отбила у тебя. Гдѣ ты спишь-то,—хорошо ли тебѣ спать-то?

Гладя ея тающее лицо, онъ старался не смотрѣть въ глаза ей—тамъ, въ глубинѣ ихъ, горѣло что-то нечеловѣческое.

Хоронили отца пышно, со всѣми попами города и хоромъ пѣвчихъ, одинъ изъ нихъ, пожарный Ключаревъ, съ огромною, гладко остриженною головою и острой, изсиня-черной бородой, пѣлъ громче всѣхъ и всю дорогу оглядывался на Матвѣя, съ непріятнымъ, подавляющимъ любопытствомъ.

Прислушиваясь къ мирному, глухому говору людей, молодой Кожемякинъ съ удивленіемъ слышалъ немало добрыхъ рѣчей объ отцѣ.

— Что гордіонъ и буесловъ былъ покойникъ—это съ нимъ!—говорилъ старикъ Хряповъ, идя сзади Матвѣя.—Ну, и добръ былъ: арестантамъ ежесубботне—колачи...

— Арестанты—это вѣрно! Они ему того, близки были..

— На Пасху—яйца, творогъ, на Рождество—мясо..

И, перечисливъ подробно всѣ дѣянія усопшаго, Хряповъ покаянно сказалъ:

— А не уважалъ людей—такъ вѣдь и то сказать надобно: за какія дѣла уважать насъ? Живемъ, конечно, ну, ловкости особенной отъ насъ для этого не требуется...

Кто-то другой, соболѣзнуя, ворчалъ:

— Изувѣръ былъ, нечестивецъ..

Но ему возражали:

— Кто честенъ-то?

— Это на послѣдній день обнаружится..

— Невѣдомо намъ, сколько демоновъ обступятъ смертные одры наши въ часъ остатній...

Рядомъ съ Матвѣемъ шагалъ длинный и похожій на скворечницу Пушкарь въ невиданномъ темно-зеленомъ мундирѣ съ позументами на воротникѣ и на рукавахъ, съ мѣдными пуговицами на груди и большой черной заплатой подъ мышкой. Иногда онъ, оборачиваясь назадъ, поднималъ руку вверхъ и строго командовалъ:

— Тиш-ша!

Слушались.

Когда стали погружать въ сѣрую окуровскую супесь тяжелый гробъ, и чернобородый пожарный, открывъ глубочайшую красную пасть, заревѣлъ, точно выстрѣтилъ: — „Вѣ-ѣч...“ — Матвѣй свалился на землю, рыдая и бiясь головою о чью-то жесткую, плѣшивую могилу, скупо одѣтую дерномъ. Его обняли цѣпкія руки Пушкаря, прижали щекой къ мѣднымъ пуговицамъ. Горячо всхлипывая, солдатъ вдувалъ ему въ ухо отрывистыя слова:

— Ничего! Держись! Слушай команду, мотыль! Я, братъ,— вотъ онъ я!

И всю дорогу, вплоть до двора, солдатъ бормоталъ, храбро попирая липкую окуровскую грязь:

— Командиръ былъ своей жизни, да! Онъ? Кабы въ другомъ мѣстѣ, онъ бы дѣлоръ надѣлалъ! Мигомъ! Лютъ былъ на работу! Домъ этотъ купивъ, что̀ дѣлалъ, супостатъ рыжій! Прости Господи,—теперь не нашъ, а Боговъ. И печникъ онъ, и кровельщикъ, и маляръ, и плотникъ—куда хошь! А гляди какой садъ развелъ: дерева—красавцы, червя—нѣтъ, кора чистая, ни лишайнки! Къ нему монахини ходили садовому дѣлу учиться—мастеръ, вѣдунъ! Это, братъ, дорогого стоитъ, когда можешь людей чему доброму научить! Бывало, говоритъ: не одни цвѣты да травы, а и человѣкъ долженъ землю украшать—да! Желѣзо ковать, жену цѣловать—вездѣ поспѣлъ! Я, бывало, шутю: Савелій, вонъ тамъ лѣсъ стоитъ, подь, выкоси его къ вечеру! Жили, братъ, какъ надо, правильно! И ты такъ живи: съ человѣкомъ и подерись, а сердцемъ подѣлись...

Придя домой, юноша со стыдомъ почувствовалъ, что ему нестерпимо хочется ѣсть: онъ видѣлъ, что поминки начнутся не скоро: рабочіе остались врывать крестъ на кладбищѣ, и нищихъ собралось мало. Тогда онъ тихонько стащилъ со стола кусокъ ситнаго хлѣба, ушелъ въ садъ, тамъ, спрятавшись въ предбанникѣ, быстро съѣлъ его и, чувствуя себя виноватымъ, вышелъ на дворъ.

Онъ впервые увидалъ такъ много людей, обратившихъ на него вниманіе. Девять столовъ было накрыто на дворѣ; въ кухнѣ Власьевна, Живая-вода и Наталья пекли блины, изъ

окна густо текло жирное шипѣніе масла, нищіе, заглядывая въ окно, нетерпѣливо и жадно потягивали носами. Ихъ было нѣсколько десятковъ, здоровыхъ и калѣкъ, и всѣ они, сѣрые, тихіе, лѣниво топтавшіеся по двору, заползая во всѣ углы, показались Матвѣю противными, какъ вши. Дворъ былъ натисканъ лохмотьями и налитъ шорохомъ голосовъ, подобнымъ мурлыканью множества кошекъ. Отовсюду на лицо Матвѣя падали слащавыя улыбки, въ уши вторгался приторный шопотъ сочувствія, восхищенія молодостью, красотой и одеждой, вздохи, тихія слова молитвъ. Онъ замѣчалъ, какъ злые и жадные глаза, ощупывая его, становились покорны, печальны и ласковы—и, обижаясь этой, слишкомъ явною ложью, опускалъ голову.

Сѣдые, грязные волосы всклоченныхъ бородъ, опухшія, желтыя и красныя лица, ловкія, настороженныя руки, на пальцахъ которыхъ, казалось, были невидимые глаза,—все это напоминало странныя видѣнія Божьяго крестника, когда онъ проѣзжалъ по полямъ мученій человѣческихъ. Какъ будто на дворъ съ улицъ города смели всѣ отрепья, среди нихъ тускло сверкали осколки бутылокъ, и вѣтеръ брезгливо шевелилъ эту кучу гнилого сора. Только двѣ-три фигуры, затертыя въ углахъ двора, смотрѣли на все вокругъ равнодушными глазами, какъ бы крѣпко связанныя безконечной, неразрѣшимой думой о чемъ-то важномъ.

Къ Матвѣю подкатился пузатый человѣчекъ съ бритымъ лицомъ, вытаращилъ круглые, точно копейки, стертые глаза, изорванные сѣтью красныхъ трещинъ. Размахивая короткой рукой, онъ началъ кричать:

Вотще и втунѣ наши пени,
Пріидетъ смерть съ косой своей
И въ ярый холодъ смертной сѣни
Повергнетъ радость нашихъ дней!..

А сзади кто-то торопливо совалъ въ ухо Матвѣя сухія слова:

— Не вѣрь ему, родимый! Онъ не юродивый, а чиновникъ,—чиновникъ онъ, за воровство прогнанъ, гляди-ка ты клопъ какой,—у насъ тутъ настоященькій есть юродивый...

— Государь мой,—говорилъ чиновникъ жалобно и громко,—прошу послушать превосходныя и утѣшительныя стихиры, сочиненныя дядей моимъ, знаменитымъ піитой и надворнымъ...

Но его оттерли прочь, поставивъ передъ Матвѣемъ длиннаго человѣка, несуразно сложеннаго изъ острыхъ костей, наскоро обшитыхъ старой, вытертой, коричневой кожей. Го-

— Родимый,— шелестѣлъ ея голосъ,—ахъ, останешься ты одинъ круглымъ сиротиной на землѣ! Ужъ ты держись за Пушкарева-то, Христа ради, онъ хошь слободской, да святъ человѣкъ! И не знаю лучше его... Охъ, поговорить бы мнѣ съ нимъ про тебя... коротенькую минутку бы...

Онъ былъ радъ предлогу уйти отъ нея и ушелъ, сказавъ, что пришлетъ солдата.

А пославъ его къ Палагѣ, забрался въ баню, влѣзъ тамъ на полокъ, въ темный уголъ, въ сырой запахъ гніющаго дерева и распаренпаго листа березы. Баню не топили всего съ недѣлю времени, и пауки уже заткали сѣрыми сѣтями все окно, развѣсили петли свои по угламъ. Кожемякинъ смотрѣлъ на ихъ работу и чувствовалъ, что его сердце такъ же крѣпко оплетено тонкими нитями нѣмыхъ думъ.

Слышалъ, какъ Власьевна и Наталья звали его, слышалъ густое урчаніе многихъ голосовъ на дворѣ, оно напоминало ему жирныя пятна въ ушатѣ съ помоями. Хотѣлось выйти на пустырь, лечь въ бурьянъ вверхъ лицомъ и смотрѣть на быстрый бѣгъ сизыхъ тучъ, предвѣстницъ осени, рожденныхъ Ляховскимъ болотомъ. Когда на дворѣ стало тихо и сгустившійся въ банѣ сумракъ возвѣстилъ приближеніе вечера, онъ слѣзъ съ полка, вышелъ въ садъ и увидалъ Пушкаря на скамьѣ подъ яблоней: солдатъ, вытянувъ длинныя ноги, упираясь руками о колѣни, громко икалъ, наклоня голову.

— Н-на, ты таки-сбѣжалъ отъ нищей-то братіи!—заговорилъ онъ, прищуривъ глаза.—Пренебрегъ,—ну, ладно! А Палага эта—меня не обманешь, нѣтъ!—она не жилица,—забилъ ее, бѣсъ... покойникъ! Онъ все понималъ,—какъ собака, примѣрно. Рѣдкій онъ былъ! Онъ-то? Упокой, Господи, душу эту! Главное ему, чтобы баба. Я, братъ, старый пѣтухъ, завелъ себѣ тоже курочку,—а онъ: покажи! Показалъ. Разъ, два и—готово! Рыжій.

Матвѣй дотронулся до него и убѣдительно попросилъ:

— Давай схоронимъ ее хорошенько,—безъ людей какъ-нибудь!

— Палагу? — воскликнулъ солдатъ, снова прищуривъ глаза. — Мы ее самолучше схоронимъ! Рядышкомъ съ нимъ...

— Не надо бы рядомъ-то...

— Рядомъ! — оралъ солдатъ, очерчивая рукою широкій кругъ.—Пускай она его догонитъ на кругахъ загробныхъ, вмѣстѣ станетъ съ нимъ предъ Господомъ! Онъ ему задастъ, красному бѣсу!..

— Не ругайся, нехорошо!—сказалъ Матвѣй.

лова у него была маленькая, лобъ выдвинулся впередъ и нависъ надъ глазами: они смотрѣли въ лицо юноши, не мигая и словно не видя ничего.

— Спой, Алеша, спой пѣсенку!—говорили ему.

Онъ затопалъ ногой о землю и сталъ ворчать, неясно и съ трудомъ выговаривая слова:

Жилъ Пыръ Растопыръ,
Обѣжалъ онъ цѣлый міръ
Копеечекъ наловилъ —
Смерть себѣ купилъ...

И снова въ ухо юноши кто-то быстро сыпалъ:

— Объ этомъ тебѣ бы подумать: онъ ничего зря не говоритъ, а все съ намѣреніемъ, великаго подвига человѣкъ, тоже купеческій сынъ, чу...

Матвѣй задыхался въ тѣсномъ, зловонномъ плѣну, но вдругъ нищіе закачались, ихъ плотная груда порѣдѣла.

— Живо за столы, мизгирье!—кричалъ солдатъ.—Это они чего жмутъ тебя?

Матвѣю хотѣлось сказать, что онъ боится нищихъ и не сядетъ за столъ съ ними, противны они ему, но вмѣсто этого онъ спросилъ Пушкаря:

— Что ты какъ толкаешь ихъ?

— Они за толчкомъ не гонятся...

— Они за насъ Бога молятъ..

— Въ кабакахъ больше...

Кожемякинъ спросилъ:

— Ты чего-нибудь боишься?

— Я?

Солдатъ потеръ чисто выбритый подбородокъ и нерѣшительно отвѣтилъ:

— Не знаю. Не приходилось мнѣ думать объ этомъ...

Тогда Матвѣй сказалъ о нищихъ то, что хотѣлось, но Пушкарь, наморщивъ лобъ, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ты перемогись! Обычай надо исполнить. Нехорошо!

Юноша съежился, ему стало неловко передъ солдатомъ и жаль сказаннаго.

Зашелъ къ Палагѣ, она была въ памяти, только ноги у нея совсѣмъ отнялись.

— Некрасивая, чай, стала?—виновато спросила она

— Красивая... еще лучше...

За сутки она истаяла страшно: носъ обострился, желтыя щеки опали, обнаживъ широкія кости скулъ, темныя губы нехорошо растянулись, приклеившись къ зубамъ.

Солдатъ посмотрѣлъ на него, покачалъ головой и пробормоталъ:

— Вя-вя-вя—вякаютъ всѣ, будто умные, а сами—дураки! Ну васъ къ бѣсамъ!

Пьянѣя все болѣе, онъ качался, и казалось, что вотъ сейчасъ ткнется головой въ землю и сломаетъ свою тонкую шею. Но онъ вдругъ легко и сразу поднялъ ноги, поглядѣлъ на нихъ, засмѣялся, положилъ на скамью и, вытянувшись, сказалъ:

— Болѣ ничего...

„Съ нимъ мнѣ жить!"—подумалъ юноша, оглядываясь.

Къ вечеру Палага лишилась памяти и на пятыя сутки послѣ похоронъ старика Кожемякина тихонько умерла.

Матвѣй уговорилъ солдата хоронить ее безъ поминокъ. Пушкарь долго не соглашался на это, наконецъ уступилъ, пославъ въ тюрьму три пуда мяса, три—кренделей и триста яицъ.

Зарыли ее, такъ хотѣлось Матвѣю, далеко отъ могилы стараго Кожемякина, въ пустынномъ углу кладбища, около ограды, гдѣ густо росла жимолость, побѣгушка и темно-зеленый лопухъ. На девятый день Матвѣй самъ выкосилъ вокругъ могилы сорныя травы, вырубилъ цѣпкіе кусты и посадилъ на расчищенномъ мѣстѣ пять молодыхъ березъ: двѣ въ головахъ, за крестомъ, по одной съ боковъ могилы и одну въ ногахъ.

— Ну, братъ, — говорилъ солдатъ Матвѣю, ласково и строго,—вотъ и ты полный командиръ твоей судьбы! Гляди въ оба! Вотъ, примѣрно, новый дворникъ у насъ—эй, Шакиръ!

Откуда-то изъ-за угла степенно вышелъ молодой татаринъ, снялъ съ головы подбитую лисьимъ мѣхомъ шапку, оскалилъ зубы и молча поклонился.

— Вотъ онъ, бѣсъ!—кричалъ солдатъ, одобрительно хлопая татарина по спинѣ и повертывая его передъ хозяиномъ, точно новаго коня.—Литой. Чугунный. Ого-го!

Дворникъ ловко вертѣлся подъ его толчками, не сводя съ Матвѣя сѣрыхъ, косо поставленныхъ глазъ, и посмѣивался добродушнымъ, умнымъ смѣшкомъ. Въ синей посконной рубахѣ ниже колѣнъ, бѣломъ фартукѣ, въ чистыхъ онучахъ и новыхъ лаптяхъ, въ лиловой тюбетейкѣ на круглой бритой головѣ, онъ вызывалъ впечатлѣніе чего-то новаго, прочнаго и чистаго. Его глаза смотрѣли серьезно и весело, скуластое лицо красиво удлинялось темной рамой мягкихъ волосъ, они росли отъ ушей къ подбородку и соединялись на немъ въ курчавую, раздвоенную бороду, открывая твердо очерченныя губы съ подстриженными усами.

— Бульна хороша золдатъ!—говорилъ онъ, подмигивая на Пушкаря.

Матвѣй смущенно усмѣхнулся, не зная, что̀ сказать. Но Шакиръ, видимо понявъ его смущеніе, протянулъ руку, говоря:

— Давай рука, хозяинъ! Будемъ довольна, ты—мине, я—тибяй...

И вдругъ, облапивъ Пушкаря, поднялъ его на воздухъ и куда-то понесъ, крича:

— Айда, абзей! Кажи—какой доска? Кажи шерхебель, всю худра-мудра кажи своя!

Матвѣй засмѣялся, легко вздохнулъ и пошелъ въ городъ.

При жизни отца онъ много думалъ о городѣ и, обижаясь, что его не пускаютъ на улицу, представлялъ себѣ городскую жизнь полной какихъ-то тайныхъ соблазновъ и веселыхъ затѣй. И хотя отецъ внушилъ ему свое брезгливо-недовѣрчивое отношеніе къ людямъ, но это чувство не глубоко легло въ душу юноши и не ослабило его интереса къ людямъ. Онъ ходилъ по улицамъ съ открытой душой, зорко и дружественно наблюдая за всѣмъ, что̀ ставила на пути его окуровская жизнь.

Прежде всего бросилось въ глаза, что въ Окуровѣ всѣ живутъ не спѣша, ходятъ вразвалку, вальяжно, при встрѣчахъ останавливаются и подолгу, добродушно бесѣдуютъ

Выйдя изъ воротъ, онъ видитъ: впереди, домовъ за десятокъ, на пустынной улицѣ стоятъ двѣ женщины, одна—съ ведрами воды на плечахъ, другая—съ узломъ подъ мышкой; поровнявшись съ ними, онъ слышитъ ихъ мирную бесѣду: баба съ ведрами, изгибая шею, переводитъ коромысло съ плеча на плечо и, вздохнувъ, говоритъ:

— Вотъ ужъ опять четвергъ

— Бѣжитъ время-то, милая!

— Черезъ день и тѣсто ставить..

— Съ чѣмъ печешь?

— По времени-то съ капустой надо, а либо съ морковью, да мой-отъ не любитъ...

Онѣ косятся на Кожемякина, и баба съ узломъ говоритъ:

— А сходи-ка ты, мать моя, ко Хряповымъ, у нихъ, чу, бычка зарѣзали, не продадутъ ли тебѣ ливеръ! Больно я до пироговъ съ ливеромъ охотница!

Баба съ ведрами, не сводя глазъ съ прохожаго, отвѣчаетъ медленно, думая какъ бы о другомъ о чемъ-то:

— Хряповы—они и дѣтей родныхъ продадутъ, люди безвавѣтные, а бычокъ-отъ у нихъ чахлый былъ, оттого, видно, и прирѣзали...

Сдвинувшись ближе, онѣ бесѣдуютъ шопотомъ, осѣненныя пестрою гривою осенней листвы, поднявшейся надъ заборомъ. Съ крыши скучно смотритъ на нихъ однимъ глазомъ толстая ворона: въ пыли дорожной хозяйственно возятся куры, переваливаясь съ бока на бокъ, лѣниво ходитъ жирные голуби и поглядываютъ въ подворотни—не притаилась ли тамъ кошка? Чувствуя, что рѣчь идетъ о немъ, Матвѣй Кожемякинъ невольно ускоряетъ шаги и, дойдя до конца улицы, все еще видитъ женщинъ—покачивая головами, онѣ смотрятъ вслѣдъ ему.

Тихо плыветъ возъ сѣна, отъ него пахнетъ прѣлью; усталая лошадь идетъ нога за ногу, голова ея понуро опущена, умные глаза внимательно глядятъ на дорогу, густо засѣянную говяжьими костями, яичной скорлупой, перьями лука и обрывками грязныхъ тряпокъ.

Межколесица щедро оплескана помоями, усѣяна сорьемъ, тутъ валяются всѣ остатки окуровской жизни, только клочья бумаги рѣдки; и когда вѣтеръ гонитъ по улицѣ бѣдый измятый листокъ, воробьи, галки и куры пугаются,—непривыченъ имъ этотъ, куда-то бѣгущій, странный предметъ. Идетъ унылый песъ, изъ подворотни вылѣзъ другой, они не торопясь обнюхиваются, и одинъ уходитъ дальше, а другой сѣлъ у воротъ и, вздернувъ голову къ небу, тихонько завылъ.

На сизой каланчѣ мотается фигура доглядчика въ розовой рубахѣ безъ пояса, слышно, какъ онъ, позѣвывая, мычитъ, а высоко въ небѣ надъ каланчой рѣетъ коршунъ—падаетъ на землю голодный клекотъ. Звенятъ стрижи, въ полѣ играетъ на свирѣли дурачливый пастухъ Никодимъ. Въ монастырѣ благовѣстятъ къ вечерней службѣ—изъ воротъ домовъ согнувшись выходятъ сѣрыя старушки, крестятся и, качаясь, идутъ вдоль заборовъ.

Кажется, что вся эта тихая жизнь нарисована на землѣ линючими, тающими красками и еще недостаточно воодушевлена, не хочетъ двигаться рѣшительно и быстро, не умѣетъ смѣяться, не знаетъ никакихъ веселыхъ словъ и не чувствуетъ радости жить въ прозрачномъ воздухѣ осени, подъ яснымъ небомъ, на землѣ, богато вышитой шелковыми травами.

На Стрѣлецкой жили и встрѣчались первые люди города: Сухобаевы, Толоконниковы, братья Хряповы, Маклаковы, первые бойцы и гуляки Шихана, высокій, кудрявый дѣдъ Базуновъ,—они осматривали молодого Кожемякина недружелюбно, едва отвѣчая на его поклоны. И ходили по узкимъ улицамъ еще вальяжнѣе, чѣмъ всѣ остальные горожане, говорили громко, властно, а по праздникамъ, сидя въ палисадникахъ

или у воротъ на лавочкахъ, перекидывались рѣчами черезъ улицу.

— У меня—бардадымъ, фалька и осьмерка козырей...

— Н-ну? Подтасовалъ?

— А у него, лѣшаго, хлюстъ козырей: тузъ, король, валетъ.

— Подтасовалъ!

— Стало-быть—у меня двадцать девять съ половиной, а у него тридцать одинъ...

Въ другомъ мѣстѣ кричали:

— Василь Петровъ, ты давеча за что Мишку поролъ?

— Хвостъ кошкѣ насмолилъ сапожнымъ варомъ, бѣсенышъ! Хохочутъ.

Въ праздничные вечера въ домахъ и палисадникахъ шипѣли самовары, и, тѣсно окружая столы, нарядно одѣтыя семьи солидныхъ людей пили чай со свѣжимъ вареньемъ, молодымъ медомъ. Весело побрякивали оловянныя ложки, пѣли птицы на косякахъ оконъ, шумѣлъ неторопливый говоръ, плавалъ запахъ горящихъ углей, жирныхъ пироговъ, помады, лампаднаго масла и дегтя, а въ сѣтяхъ бузины и акаціи мелькали, любопытно поглядывая на улицу, бойкіе глаза дѣвицъ.

— Иду я вчера отъ всенощной,—медленно течетъ праздничная рѣчь,—а на площади лежитъ пожарный этотъ, въ самой-то грязи...

— То-то не пѣлъ онъ вчера!

— Лежитъ это онъ растерзанный, срамотный весь... Лизавета, отойди-ка въ сторонку...

А отцы семействъ ведутъ разговоры солидные:

— Какъ прекратили откупа, куда больше сталъ мужикъ пить.

— Это онъ отъ воли.

— И отъ боли тоже.

— Раньше-то помѣщикъ всыпалъ ему, сколько въ кожу влѣзетъ.

Старый красавецъ Базуновъ, сидя на лавкѣ у воротъ, плавною, искусною рѣчью говоритъ о новыхъ временахъ:

— Понадѣлали денегъ невѣдомо сколь, и стали оттого деньги дешевы! Бывало-то, фунтъ мяса—полушка шелъ, а теперь, на-ка, выложи алтынъ серебра!

Базуновъ славенъ въ городѣ, какъ знатокъ старины, и знаменитъ своимъ умѣніемъ строить рѣчь во всѣхъ ладахъ: подъ сказку, по-житійному и подъ стихъ.

Говорятъ о божественномъ, ругаютъ потихоньку чиновниковъ, разсказываютъ другъ другу дневные и ночные сны.

— Легъ я вчерась послѣ обѣда вздремнуть и—навалился на меня дѣдушка.

— А я, сударь мой, седни ночью такое видѣлъ, что не знаю чему и приписать: иду будто мимо храма какого-то бѣлаго и хотѣлъ снять шапку, да вмѣстѣ съ ней и сними голову съ плечъ! Стою это, держу голову въ рукахъ и не знаю—чего дѣлать мнѣ?

По дорогѣ храбро прыгаютъ лощеныя галки, не боясь человѣчьихъ голосовъ, влетаютъ на заборы и кричатъ о чемъ-то. Далеко въ полѣ бьетъ коростель, въ слободѣ играютъ на гармоникѣ, гдѣ-то плачетъ ребенокъ, идетъ пьяный слесарь Коптевъ, шаркая плечомъ о заборы, горестно всхлипываетъ и бормочетъ:

— Ну, вино-оватъ! На̀те, винова-атъ я! На̀те, бейте,—потрудитесь!

На западѣ красно горитъ старое окуровское солнце, лишенное лучей.

Медленно проходя мимо этой мирной жизни, молодой Кожемякинъ ощущалъ зависть къ ея тихому теченію, ему хотѣлось подойти къ людямъ, сидѣть за столомъ съ ними и слушать обстоятельныя рѣчи,—рѣчи, въ которыхъ всегда такъ много отмѣчалось подробностей, что трудно было поймать ихъ общій смыслъ.

Но какъ-то разъ, когда онъ задумчиво шагалъ мимо палисадника Маклаковыхъ, къ рѣшеткѣ прильнуло дѣвичье лицо съ черными глазами, и прямо въ ухо прожужжали два слова:

— Мачехинъ мужъ—у-у!

Онъ вздрогнулъ, дѣвица показала ему языкъ и исчезла.

Въ другой разъ кто-то весело крикнулъ изъ окна:

— Припадочный идетъ!

— Это почему же?—удивился Матвѣй и, добросовѣстно подумавъ, вспомнилъ свой обморокъ.

— Все знаютъ!

Онъ не обижался, но, удивляясь недружелюбному отношенію, невольно задумывался.

Однажды за окнами базуновскаго дома онъ услыхалъ такія рѣчи:

— Опять Савелки Кожемякина сынъ шагаетъ..

— Чего это онъ ходитъ?

— Пускай. У насъ и свиньи невозбранно по улицѣ гуляютъ...

— Охъ, ужъ не люблю я ходебщиковъ этихъ! Да еще такой когда...

Матвѣй не пожелалъ слышать, какой онъ.

Въ этой улицѣ его смущалъ больше всѣхъ исправникъ: въ праздники онъ съ полудня до вечера сидѣлъ у окна, курилъ трубку на длиннѣйшемъ чубукѣ, грозно отхаркивался и плевалъ за окно. Борода у него была обрита, отъ висковъ къ усамъ росли сѣдыя баки—сливаясь съ желтыми волосами усовъ, онѣ дѣлали лицо исправника похожимъ на собачье. Матвѣй снималъ картузъ и почтительно кланялся.

— Арр-тьфу!—отвѣчалъ исправникъ.

Однажды плевокъ попалъ въ полу поддевки Матвѣя, онъ обиженно поднялъ голову. Исправникъ высунулся изъ окна и, размахивая трубкой, прокричалъ:

— Эт-то штоу? Заглядывать въ ок-кна? Разглядывать?

Матвѣй испугался и убѣжалъ.

На Порѣчной гуляли попы, чиновники и пышно разодѣтыя дамы; тамъ молодого парня тоже встрѣчалъ слишкомъ острый интересъ къ его особѣ.

— Ахъ, какой!—воскликнула однажды немолодая дама въ розовомъ платьѣ и зеленой шляпкѣ съ перьями и цвѣтами. Господинъ въ сѣрой шляпѣ и клѣтчатыхъ брюкахъ громко сказалъ:

— Хотите поцѣловать? Отъ него лукомъ пахнетъ.

— Ахъ, насмѣшникъ!

— Онъ толокно ѣстъ съ коноплянымъ масломъ.

И клѣтчатый человѣкъ сталъ кричать, постукивая тростью о заборъ:

— Эй, парень! Поддевка! Эй...

Кожемякинъ торопливо повернулъ на пустырь, гдѣ строили соборъ, и спрятался въ грудахъ кирпича, испуганный и обиженный.

Ему захотѣлось отличить себя отъ горожанъ, возвыситься въ ихъ глазахъ—онъ началъ носить щегольскіе сапоги, велѣлъ перешить на себя нарядныя рубахи отца. И однажды, идя отъ обѣдни, услыхалъ насмѣшливый дѣвичій возгласъ:

— Мамочки, какъ выпялился!

— Ровно пыринъ,—пояснила другая дѣвица.

Ему казалось, что всѣ окна домовъ смотрятъ на него насмѣшливо, всѣ человѣчьи глаза подозрительно и хмуро. Иногда короткою искрою мелькалъ болѣе мягкій взглядъ, это бывало рѣдко, и онъ замѣтилъ, что дружелюбно смотрятъ только глаза старухъ.

Онъ полюбилъ ходить на Пѣтухову горку—это было пріятное мѣсто: маленькіе домики, дружно связанные плетнями, стоятъ смиренно и смотрятъ задумчиво въ тихое поле, на холмы, весною позолоченные цвѣтами лютиковъ и одуванчи-

кокъ, лѣтомъ—буро-зеленые, словно они покрыты старинным, выцвѣтшимъ штофомъ, а въ тусклые дни долгой зимы—серебристо-бѣлые, привѣтно-мягкіе. Тамъ, далеко за холмами стоитъ синяя стѣна Черной рамени, упираясь вершинами мачтовыхъ сосенъ въ мякоть сѣрыхъ тучъ. Въ полѣ весело играютъ ребятишки, со дворовъ несутся гулкіе звуки работы бондарей.

Здѣсь онъ нашелъ недруга въ лицѣ сапожника Сѣтунова: сидя подъ окнами или на завалинкѣ своей ветхой избы, съ красными облупленными ставнями въ одинъ створъ, сапожникъ сучилъ дратву, стучалъ молоткомъ, загоняя въ каблуки вершковые гвозди, кашлялъ, хрипѣлъ и всѣхъ прохожихъ встрѣчалъ и провожалъ прибаутками. Самъ онъ былъ человѣкъ измятый, изжеванный, а домишко его съ косыми окнами, провисшей крышей и красными пятнами ставень, казалось, только что выскочилъ изъ жестокой драки и отдыхаетъ, сидя на землѣ. Еще издали замѣтивъ нарядно одѣтаго парня, сапожникъ складывалъ руки на груди и начиналъ пронзительно свистѣть, якобы отдыхая и любуясь синими далями, а когда Матвѣй ровнялся съ нимъ, онъ испуганно вскакивалъ на ноги, низко кланялся и нарочито тонкимъ голосомъ говорилъ:

— Ахъ, простите, извините, не звоните...

Или любезно спрашивалъ:

— Чего кочетъ хочетъ, о чемъ онъ хлопочетъ?

Это смѣшило Матвѣя, но скоро словечки Сѣтунова стали вызывать у него смутное ощущеніе неловкости передъ чахлымъ человѣкомъ.

— Опять пошелъ Савось на авось!—сказалъ однажды сапожникъ.

„Вѣрно вѣдь! — подумалъ Кожемякинъ. — Что̀ я хожу?“

И ушелъ на кладбище посмотрѣть, цѣлы ли березы надъ могилой Палаги. Двѣ изъ нихъ черезъ нѣсколько дней послѣ посадки кто-то сломалъ, а одну вырвалъ съ корнемъ и утащилъ. Матвѣй посадилъ новыя деревья, прибавивъ къ нимъ молодую сосну, обнесъ могилу широкой оградой и поставилъ въ ней скамью.

Все чаще заходилъ онъ въ этотъ тихій уголокъ, закрытый кустами бузины, боярышника и заросшій лопухомъ, и, сидя тамъ, вспоминалъ все, что̀ видѣлъ на улицахъ города. Вокругъ него въ кустахъ шумѣли воробьи, качались красные гроздья ягодъ, тихо осыпался желтый листъ, иногда прилетала суетливая стайка щеглятъ клевать вкусныя зерна рѣпья. Хорошо было сидѣть тутъ, глядя, какъ большое красное солнце важно опускается въ болото, щедро обливая темно

синюю щетину ельника золотомъ и багрецомъ. Ярко рдѣетъ бѣлесое окуровское небо; огромные комья сизыхъ тучъ разорваны огненными ручьями желтыхъ и пурпуровыхъ красокъ, въ густомъ дымѣ вспыхиваетъ и гаснетъ кровавое пламя, струится-сверкаетъ расплавленное золото. Живая ткань облаковъ рождаетъ чудовищъ, лучи солнца вонзаются въ ихъ мохнатыя тѣла подобно окровавленнымъ мечамъ; вотъ всталъ въ небесахъ темный исполинъ, протягивая къ землѣ красныя руки, а на него обрушилась снѣжно-бѣлая гора, и онъ безмолвно погибъ; тяжело изгибая тучное тѣло, возникаетъ въ облакахъ синій змій и тонетъ, сгораетъ въ рѣкѣ пламени; выросли сумрачныя горы, поглощая свѣтъ и бросивъ на холмы тяжкія тѣни; вспыхнулъ въ облакахъ чей-то огненный перстъ и любовно указуетъ на скудную землю, точно говоря:

— Пожалѣй. Полюби.

Живетъ въ небесахъ запада чудесная огненная сказка о борьбѣ и побѣдѣ, горитъ ярый бой свѣта и тьмы, а на востокѣ, за Окуровымъ, холмы, окованные черною цѣпью лѣса, холодны и темны, изрѣзали ихъ стальные изгибы и петли рѣки Путаницы, курится надъ нею лиловый туманъ осени, на городъ идутъ сѣрыя тѣни, онъ сжимается въ ихъ тѣсномъ кольцѣ, становясь какъ будто все меньше, испуганно молчитъ, затаивъ дыханіе, и—вотъ онъ словно стертъ съ земли, сброшенъ въ омутъ холодной, жуткой тьмы.

Смотрѣлъ юноша, какъ хвастается осень богатствами своихъ красокъ, и думалъ о жизни, мечталъ встрѣтить какого-то умнаго, сердечнаго человѣка, похожаго на дьячка Коренева, и каждый вечеръ откровенно, не скрывая ни одной мысли, говорить съ нимъ о людяхъ, объ отцѣ, Палагѣ и о себѣ самомъ.

„И пусть бы у этого человѣка дочь была, а онъ выдалъ бы ее замужъ за меня“,—думалъ юноша.

Онъ началъ засматриваться на дѣвушекъ. Это было сразу замѣчено, и городскіе женихи не однажды обидно и зло смѣялись надъ нимъ. Почти каждый разъ, когда онъ выходилъ въ поле, гдѣ молодежь играла въ лапту, горѣлки и шаръ-базло, его награждали насмѣшливыми совѣтами:

— Эй, ты! Не свихни глазъ-то, а то поправлять ихъ мнѣ придется!

— Ты бы, парень, сначала у Сомихи побывалъ.

— На что ему? Онъ ученый!

Отъ Пушкаря и рабочихъ Матвѣй зналъ, что Сомиха, покилая, грязная и толстая баба, учитъ молодежь дѣламъ любви за косушку водки и фунтъ кренделей.

Мальчишки, наученные взрослыми, кричали ему:

— Вдовецъ! Мачехинъ мужъ!..

Блѣднѣя и смущенно улыбаясь, онъ молча уходилъ прочь и думалъ безъ обиды, но съ великимъ удивленіемъ:

„Вамъ-то что̀? Если я виноватъ — такъ противъ отца, противъ Бога,—а вы-то что̀?“

Онъ не отвѣчалъ на обиды и насмѣшки и не замѣтилъ, что его скромность, смущенныя улыбки, безцѣльная ходьба по городу и неумѣніе подойти къ людямъ, познакомиться съ ними вызываютъ у нихъ то снисходительное, небрежное отношеніе къ нему, которое падаетъ на долю идіотовъ, убогихъ и Христа ради юродивыхъ.

А въ немъ незамѣтно, но все настойчивѣе укрѣплялось желаніе понять эти мирные дни, полные лѣнивой скуки и необъяснимой жестокости, тоже какъ будто насквозь пропитанной тоскою о чемъ-то. Ему казалось, что если все, что̀ онъ видитъ и слышитъ, разложить въ какомъ-то особомъ порядкѣ, разобрать и внимательно обдумать—найдется доброе объясненіе и оправданіе всему недоброму, должно родиться въ душѣ нѣкое ёмкое слово, которое сразу и объяснитъ ему людей и соединитъ его съ ними.

Приходилось разбираться въ явленіяхъ почти кошмарныхъ: вотъ рано утромъ онъ стоитъ на постройкѣ у собора и видитъ—каменщики бросили въ творило извести черную собаку. Известь только еще гасится, она кипитъ и булькаетъ, собака горитъ, ей уже выжгло глаза, захлебываясь, она взвизгиваетъ, судорожно старается выплыть, а рабочіе, стоя вокругъ творила въ бѣломъ пару и пыли, смѣются и длинными мѣшалками стукаютъ по головѣ собаки, погружая искаженную морду въ густую, жгучую, молочно-бѣлую массу.

— Почто вы ее?—спросилъ онъ.

Молодой малый, съ круглымъ, румянымъ лицомъ и опушенными известью усами, отвѣтилъ вопросомъ:

— Твоя, что ли?

— Нѣтъ.

— Та̀къ это мы,—сказалъ парень, добродушно ухмыляясь,—смѣшно больно полощется она!

А другой рабочій объяснилъ:

— Бѣгала она тутъ,—бѣгаетъ, значитъ, ну — животна, все-таки глупая — сорвалась! Мы было-хотѣли вытащить ее, да куда она? Ослѣпла, чай. Пускай ужъ...

Матвѣй, наклонивъ голову, сконфуженно отошелъ прочь; онъ видѣлъ, что именно этотъ человѣкъ, русый и курносый, подманилъ собаку, приласкалъ ее и сшибъ въ творило пинкомъ ноги, крикнувъ товарищамъ:

— Топи ее!

Вотъ, посреди улицы, перебирая короткими ногами и широко разгоняя грязь, бѣжитъ, точно бочка катится—юродствующій чиновникъ Черноласкинъ, а за нимъ шумной стаей молодыхъ собаченокъ, съ гикомъ и свистомъ мчатся мальчишки, забѣгаютъ впередъ и, хватая грязь, швыряютъ ею въ дряблыя, дрожащія щеки чиновника, стараясь попасть въ его затравленные, безсильно-злые глаза. Онъ уже весь обрызганъ, грязь течетъ у него по животу, который начинается у подбородка, безобразно свисаетъ до колѣнъ, человѣкъ прыгаетъ по лужамъ, открывъ круглый, какъ у сома, ротъ, и одной рукой машетъ передъ лицомъ, защищая глаза, а другой подхватываетъ снизу животъ свой, точно боясь потерять его. Его коротенькое тѣло неизъяснимо быстро вертится во всѣ стороны, онъ усталъ, изъ маленькихъ глазъ текутъ грязныя слезы.

Мальчишки прыгаютъ вокругъ него и хоромъ кричатъ, размахивая руками:

— Петька Черноласкинъ, оритая губа! Соль воровалъ, жену барамъ продавалъ! Кабацкая затычка, острожный клопъ!

Изъ оконъ домовъ высунулись какія-то однообразно мутныя лица, слышенъ одобрительный говорокъ:

— Ужъ эти ребятишки, гляди-тка, опять чиновника опѣваютъ...

И сердитый бабій голосъ кричитъ, угрожая:

— Коська! Опять ты, подлецъ, сапоги надѣлъ?

— За что вы его?—спрашиваетъ Матвѣй кудряваго мальчугана съ пестрымъ отъ веснушекъ лицомъ, и запыхавшійся человѣчекъ удало отвѣчаетъ:

— Отъ самаго отъ монастыря гонимъ—эко мѣсто!

— За что?

— Та-акъ!

— Ты бы его пожалѣлъ!—тихонько и оглядываясь, совѣтуетъ Кожемякинъ.—Гляди, какъ онъ усталъ...

— Я самъ усталъ!—правдиво отвѣчаетъ юный гонитель, отирая потное лицо рукавомъ рубахи.

Мальчикъ постарше, съ маленькими, точно у мышенка, ушами и острымъ носомъ, говоритъ, нахмурясь:

— Кабы онъ настоящій юродъ былъ—тогда надо пожалѣть...

Еще два-три голоса спѣшно объясняютъ:

— Алешу мы не трогаемъ...

— Мы только его да Собачью-матку...

Остроносый мальчикъ отодвинулся въ сторону, приложилъ локти къ бокамъ и спросилъ:

— Ты Кожемякинъ будешь? Мачехинъ мужъ?

И стремглавъ бросился прочь.

На углу Напольной стоитъ двухъэтажный, обгорѣвшій домъ. Сгорѣлъ онъ, видимо, уже давно: дожди и снѣгъ почти смыли уголь съ выпуклостей его бревенъ, только въ щеляхъ да въ пазахъ остались, какъ сгнившіе зубы, черные, отшлифованные вѣтромъ куски и, словно бороды, болтаются сѣдые клочья пакли.

Сквозь пустыя окна верхняго этажа видно небо, внутри дома хаотически торчатъ обугленныя стропила, балки, искалѣченныя колоды дверей; на гніющемъ деревѣ зеленыя пятна плѣсени, въ мусорѣ густо разросся бурьянъ—изъ оконъ сонно киваетъ чернобыльникъ, крапива и пырей. Съ одной стороны дома—садъ, въ немъ обгорѣвшія ветлы, съ другой—дворъ съ проваленными крышами построекъ.

Въ солнечные дни тусклый блескъ угля въ пазахъ испещряетъ домъ черными гримасами, въ дожди—по гладкимъ бревнамъ обильно текутъ ржавыя, рыжія слезы. Окна нижняго этажа наглухо забиты досками, сквозь щели угрюмо сверкаютъ радужныя стекла, за стеклами—густая тьма, и въ ней живетъ Собачья-матка.

Высокая, прямая и плотная, она ходила по городу босикомъ, повязывала голову и плечи теплою сѣрою шалью, лохмотья кофты и юбокъ облекали ея тѣло плотно и ловко, какъ сосну кора. Изъ-подъ шали, приспущенной на лобъ и закрывавшей подбородокъ, сердито смотрѣли круглые совиные глаза и неподвижно торчалъ большой, словно желѣзный носъ. Она шагала твердо и отмѣривала пройденный путь широкими взмахами толстой орѣховой палки, стучала подъ окнами властной рукою и, когда обыватель высовывалъ голову, говорила ему сиплымъ, непріятнымъ голосомъ:

— Милостыню подай!

За нею всегда бѣжала стая собакъ, старыя солидныя дворняги съ вытертою шерстью и сѣдымъ волосомъ на равнодушныхъ мордахъ, унылые псы съ поджатыми хвостами въ рѣпьяхъ и комьяхъ грязи, видимо уже потерявшіе уваженіе къ себѣ, бѣжали поджарыя сучки, суетливо тыкая всюду любопытные носы и осматривая каждый уголокъ хитрымъ взглядомъ раскосыхъ глазъ, катились несокрушимо-веселые щенята, высунувъ розовые языки и удивленно вытаращивъ наивные глаза. Всѣ они были дружно объединены тѣмъ чувствомъ независимости отъ людей, которое всегда наиболѣе свойственно паразитамъ, всѣ жили и ходили по міру всегда вмѣстѣ со своей кормилицей, и часто она отдавала имъ все тутъ же, на глазахъ милосерднаго обывателя.

Ея боялись; говорили, что она знакома съ нечистой силой, что ей послушны домовые—стòитъ захотѣть ей, и корова потеряетъ удой, лошадь начнетъ гонять по ночамъ дѣдушка, а куры забьютъ себѣ зоба. Предполагалось, что она можетъ и на людей пускать по вѣтру килы, лихорадки, черную немочь, сухоту.

Милостыню ей давали обильно и молча, не изъясняя, для какой цѣли даютъ, если же кто-нибудь по забывчивости говорилъ: „Прими Христа ради за упокой раба... за здравіе рабыни...“—Собачья матка глухо ворчала:—„Больно нужно...“—и бросала кусокъ своимъ собакамъ.

Ея исторія была знакома Матвѣю: онъ слышалъ, какъ Власьевна разсказывала Палагѣ, что давно когда-то одинъ изъ господъ Воеводиныхъ привезъ ее, Собачью-матку, барышнею въ Окуровъ, купилъ домъ ей и нѣкоторое время жилъ съ нею, а потомъ бросилъ. Оставшись одна, дѣвушка служила развлеченіемъ уѣздныхъ чиновниковъ, потомъ заболѣла, состарилась и вотъ выдумала сама себѣ наказаніе за грѣхи: до конца дней жить со псами.

Матвѣй помнилъ, какъ Палага задумчиво и тихонько спросила:

— А можетъ, это она оттого, что ужъ очень обрыдли люди-то ей!

— Чтò ты это, мать моя, чай, людей-то Богъ сотворилъ!

— А ее?—спросила Палага, подумавъ.

— Кого?

— Эту, барышню-то?

Власьевна начала поучительно объяснять Палагѣ разницу между собаками, людьми и Собачьей-маткой, а Матвѣй, слушая, еще лишній разъ вспомнилъ брезгливо оттопыренную губу отца.

Мальчишки слѣдили за Собачьей маткой, издали лукая камнями въ ея свиту, но гдѣ-нибудь въ глухомъ тупикѣ, на пустырѣ, за угломъ, вдругъ окружали ее, крича:

— Собачья-мать, покажи пачпортъ! Покажь пачпортъ, Собачья-мать...

Она останавливалась и, высоко вздернувъ юбку, показывала имъ желтыя ноги, животъ и глухо, въ тактъ ихъ крикамъ, говорила три слова:

— Вотъ—вамъ—пачпортъ!

Ребятишки визжали, хохотали, кидая въ нее камнями и грязью; а она повертывалась къ нимъ лицомъ и, не мигая совиными глазами, повторяла:

— Вотъ— вамъ — пачпортъ!

Иногда взрослые, видя это, стыдили ребятъ:

— Что? Видѣли? Такъ-то васъ и надо, охальники!

Когда она безстыдно и зло обнажалась, Кожемякинъ въ тоскѣ и страхѣ закрывалъ глаза: ему казалось, что всѣ мальчишки и собаки были выношены въ этомъ сѣро-желтомъ и мохнатомъ животѣ, похожемъ на унылые древніе холмы вокругъ города.

Изо дня въ день онъ встрѣчалъ на улицахъ Алешу, въ длинной холщевой рубахѣ, съ раскрытою грудью и большимъ мѣднымъ крестомъ на ней. Наклоняя тонкое тѣло и вытянувъ впередъ сухую, черную шею, юродивый поспѣшно обѣгалъ улицы, держась правою рукою за поясъ, а между пальцами лѣвой неустанно крутя чурочку, отлаженную до блеска—казалось, что онъ преслѣдуетъ нѣчто невидимое никому и постоянно ускользающее отъ него. Тонкія, слабыя ноги четко топали по доскамъ тротуаровъ, и сухой языкъ бормоталъ:

— Ныръ, растопыръ, берегись, Божій міръ...

Взрослые, уступая ему дорогу, крестились, а мальчишки, натыкаясь на него, пугливо отскакивали въ сторону, если же онъ шелъ на нихъ—молча разбѣгались. И даже храбрый будочникъ Анкудинъ Черемисъ, единолично убивающій сразу нѣсколько человѣкъ мастеровыхъ, когда они буянили или колотили женъ, играли въ орлянку, или когда ему было скучно, — даже Анкудинъ сторонился Алеши и, тревожно мигая косыми глазами, пряталъ кулаки за спину.

...Въ базарные дни Кожемякинъ ходилъ по торговой площади, прислушиваясь къ спорамъ горожанъ съ деревенскими. Мужики были коренастые, бородатые, точно пенья, обросшіе мохомъ; мѣщанство рядомъ съ ними казалось мелкимъ и суетливымъ, подобно крысамъ у конуры цѣпного пса. Большинство мѣщанъ не скрывало своего пренебреженія къ деревенскимъ, и лишь немногіе разговаривали съ ними притворно-ласково. Часто говорилось:

— На погибель вашу воля дана вамъ, обломы!

— Почемъ рѣпа?—спрашивалъ Базуновъ.

— Алтынъ мѣра.

— Ты самъ нѣкоторое время назадъ со всей семьей, съ отцомъ-матерью, за алтынъ продавался, да не купленъ остался!

— Ахъ, ужъ этотъ Еремѣй Петровъ! — хохотали мѣщане.

А старуха Хрянова, торгуя липовую опарницу, отчитываетъ мужика на весь базаръ:

— Побойся Бога-то, чай, крещеный ты, а грабителемъ высту-

паешь! Гривенникъ — понимаешь ли ты слово-то — гривенникъ, а?

Всѣ горожане возмущались жадностью мужиковъ, много говорили о томъ, что воля все больше портитъ ихъ, обращаясь къ старымъ крестьянамъ, часто называли ихъ снохачами; въ воздухѣ, точно летучія мыши, трепетали бранныя, ехидныя слова, и пестрыя краски базара словно линяли въ ѣдкомъ туманѣ общаго раздраженія.

Въ началѣ базара крестьяне держались тихо, почти не отвѣчая на ругательства, лицемѣрныя ласки и насмѣшки горожанъ; они скучно и лѣниво поглядывали вокругъ, будто ожидая иныхъ людей, другого отношенія, и молча отмахивались отъ покупателя, какъ отъ назойливаго овода.

Но, сбѣгавъ раза два въ трактиръ, и мужики становились бойчѣе, на ругань отвѣчали руганью, на шутки — шутками; къ полудню почти всѣ они были выпивши, и споры ихъ съ покупателями нерѣдко разрѣшались боемъ. Являлся базарный староста Лѣсновъ, приходилъ Анкудинъ и другой будочникъ, Мохоѣдовъ; пьяныхъ и буяновъ отправляли въ пожарную. Солидные люди, внушительно крякая, говорили мужикамъ:

— У насъ немного навоюешь: здѣсь городъ, а не лѣсъ!

Матвѣя поражало обиліе поганыхъ словъ въ рѣчахъ людей, поражала легкость, съ которой они старались обидѣть другъ друга, и малая воспріимчивость ихъ къ этимъ обидамъ. Ему казалось, что весь воздухъ базара пропитанъ сухой злостью, люди пьянѣютъ отъ нея и остраго недовѣрія другъ къ другу, всѣ полны страха быть обманутыми, и каждый хочетъ обмануть—словно здѣсь, на маленькой площади между пожарною каланчою и церковною колокольнею, въ полукругѣ низенькихъ торговыхъ рядовъ, сошлись чуждыя другъ другу, враждебныя племена. Между ними, точно черви, ползаютъ нищіе, одинаково равнодушные и прилипчивые ко всѣмъ; въ шумѣ торговаго крика лицемѣрными змѣйками извиваются мольбы:

— Благодѣтели и кормильцы...

Въ горячемъ волненіи спора и брани часто раздается имя Христа, оно звучитъ бездушно, какъ привычное слово, смыслъ котораго всѣми забытъ.

У лавокъ съ краснымъ товаромъ на землѣ сидятъ слѣпцы— три пыльныя фигуры: ихъ мертвыя лица словно вырублены изъ пористаго камня, беззубые рты, шамкая, выговариваютъ пыльныя слова:

Ой, истомились наши костыньки,
А и пора бы-ть намъ въ могилки лечь,
А грѣхи-те не пущаютъ насъ...

Молодой, скуластый Петръ Толоконниковъ щипаетъ рыжій волосъ на верхней губѣ и говоритъ басомъ:

— Смерти просятъ, а гроши все собираютъ!

Вася Хряповъ, похожій на хорька, пристально смотритъ въ лица слѣпыхъ, соображая вслухъ:

— Чай, поди, обманываютъ?

Тогда длинный, неуклюжій Маклаковъ, торговецъ иконами, посудой и гармоніями, предлагаетъ:

— А ты кинь имъ въ зѣнки-то пыли горсть!

Вася подкрался и осыпалъ лица слѣпцовъ сѣрой дорожной пылью. Они перестали пѣть и, должно-быть, не впервые испытывая такую пробу ихъ зрѣнія, начали спокойно и аккуратно вытирать каменныя лица сухими ладонями сморщенныхъ рукъ.

Старикъ Хряповъ трясетъ сына за волосы, приговаривая:

— Не дури, не озорничай, не безобразь.

А Толоконниковъ, подмигивая Маклакову, говоритъ:

— Нисколько жалости нѣтъ у Василія этого!

Эти трое — первѣйшіе забавники на базарѣ: они ловили собакъ, навязывали имъ на хвосты разбитыя желѣзныя ведра и смотрѣли, смѣясь, какъ испуганное животное съ громомъ и трескомъ мечется по площади, лая и визжа. Въ сырые дни натирали доски тротуара мыломъ, любуясь, какъ прохожій, ступивъ въ натертое мѣсто, скользилъ и падалъ; связывали узелки и тюрички, наполняя ихъ всякой дрянью, бросали на дорогу, — ихъ веселило, когда кто-нибудь поднималъ потерянную покупку и пачкалъ ею руки или одежду.

Они любили вырывать съ корнями молодыя деревья, отламывать скамьи у воротъ, разбивать скворечни мѣткими ударами камней, бросать въ дома обывателей черезъ окна тухлыя яйца.

И не только этимъ тремъ нравились подобныя забавы — Матвѣй зналъ, что вся городская молодежь болѣетъ страстью къ разрушенію. Весною обламывали сирень, акацію и вѣтви цвѣтущихъ яблонь; поспѣвала вишня, малина, овощи — начиналось опустошеніе садовъ, оно шло все лѣто, вплоть до второго Спаса, когда хозяева снимали съ обломанныхъ деревьевъ остатки яблокъ, проклиная озорниковъ и забывъ, что въ юности они сами дѣлали то же.

Каждый день, въ хлопотливой суетѣ утра, въ жаркой тишинѣ полудня, въ тихомъ шумѣ вечера раздавался визгъ и плачъ—это били дѣтей. Имъ давали таски, потасовки, трепки, выволочки, подзатыльники, плюхи и шлепки, сѣкли березовыми прутьями, пороли ремнями — Кожемякинъ, не испыта-

вній ничего подобнаго, вспоминалъ отца съ теплой благодарностью и чувствомъ уваженія къ нему.

Избитые мальчишки смѣялись другъ надъ другомъ и тоже дрались; въ нихъ не замѣтно было жалости къ животнымъ; осенью, во время перелета, они ловили множество пѣвчихъ птицъ и зря мучили ихъ въ тѣсныхъ, грязныхъ клѣткахъ; весною ставили пичужкамъ силки изъ конскаго волоса; попадая въ тонкую, крѣпкую петлю, птица билась, ломала себѣ ноги и часто умирала истерзанная.

Дѣти, какъ и взрослые, производили впечатлѣніе людей, которые поселились въ этомъ мѣстѣ временно, — они ничего не любятъ тутъ, имъ ничего не жалко. Городъ былъ застроенъ тѣсно, и было много пустырей; почти вездѣ на дворахъ густо росли сорныя травы, вѣтеръ заносилъ въ огороды ихъ сѣмена, гряды овощей приходилось полоть по два, по три раза, всѣ плодовыя деревья въ садахъ были покрыты лишаями, росли коряво, медленно и давали плохой урожай.

Но всего болѣе угнетало Кожемякина отношеніе окуровцевъ къ женщинѣ; оно казалось ему хуже скотскаго и съ печальной ясностью обличало въ темныхъ душахъ людей присутствіе чего-то страшнаго, что—онъ чувствовалъ—незамѣтно прилѣплялось и къ его душѣ грязнымъ, ядовитымъ пятномъ, вызывая соблазнительныя, тревожныя мысли и стыдное, болѣзненное напряженіе въ тѣлѣ. Наблюдая за играми молодежи въ полѣ, около монастырской ограды, онъ видѣлъ, что даже подростки любятъ обижать дѣвицъ: щиплютъ ихъ, колотятъ, бросаютъ въ косы рѣпьи; во время игры въ горѣлышки стараются загнать дѣвицъ къ самой оградѣ, гдѣ густо и высоко разрослась кропива, и тамъ повалить ихъ въ жгучую заросль. Слезы обожженныхъ дѣвушекъ почти всегда вызывали довольныя усмѣшки парней, и во всѣхъ играхъ сквозило желаніе причинить боль, грубо подчеркнуть превосходство мужской силы.

Послѣднее особенно рѣзко бросалось въ глаза: Кожемякинъ сначала оправдывалъ дикія выходки окуровскихъ жениховъ. Видя, какъ они пѣтухами ходятъ около дѣвицъ, плюютъ на подолы имъ скорлупою сѣмянъ и орѣховъ, какъ толкаются локтями, стараясь задѣть по грудямъ, Матвѣй, внутренно усмѣхаясь, не безъ зависти думалъ:

„Это они развязность свою показываютъ...“

Женщины съ великою страстью, съ поражающимъ и словно больнымъ озлобленіемъ ссорились между собою — сестры, невѣстки, сосѣдки; свекрови колотили снохъ, матери — дочерей. Ругались на огородахъ, черезъ заборы, стоя у воротъ,

на улицѣ, на базарѣ, въ церковной оградѣ. Куры, разрывшія грядки, собака, выпившая куриное яйцо, кошка, посѣтившая погребъ, зависть къ успѣху дочери сосѣда у парней, ревность къ мужу—вся жизнь выносилась на улицу въ рѣзкихъ крикахъ, въ обидныхъ словахъ и съ яростнымъ безстыдствомъ кликушъ оплевывалась желчью, обливалась грязью. Иногда юношѣ казалось, что надъ городомъ непрерывно дрожитъ болѣзненный и тоскливый вой:

— А-а-а...

Почти каждый праздникъ, подъ вечеръ или ночью, гдѣ-нибудь въ городѣ раздавался крикъ женщины, и не однажды Матвѣй видѣлъ, какъ вдоль улицы мчалась бѣлая фигура, полуголая, съ растрепанными волосами. Вздрагивая, вспоминалъ, какъ Палага навивала на пальцы вырванные волосы...

Но самое страшное Матвѣй находилъ въ дружескихъ бесѣдахъ мужчинъ о женщинахъ: все, что онъ слышалъ раньше отъ рабочихъ и помимо воли уловилъ изъ безстыдныхъ разговоровъ отца съ Пушкаревымъ и Власьевной, — все это теперь разлилось передъ нимъ до размѣровъ глубокой грязной лужи, въ которой тонула женщина, стыдно обнаженная и точно піявками густо облѣпленная клейкими, пакостными словами.

Невыразимо грубое безстыдство бесѣдъ о женщинахъ, окружая юношу душнымъ, жаркимъ облакомъ, угнетало его до отупѣнія. Ему казалось иногда, что нагая женщина брошена среди улицы, и по чреву ея — чреву матери — тяжко топаютъ грязными сапогами, растаптывая нерожденныя жизни, попирая неразсказанныя сказки. Онъ былъ увѣренъ, что всѣ женщины — кромѣ Власьевны — такія же простыя, ласковыя и радостно-покорныя ласкамъ, какою была Палага, такъ же полны жалости къ людямъ, какъ полна была ею, по разсказамъ отца, его мать; онѣ всѣ казались ему матерями, добрыми сестрами и невѣстами, которыя ожидаютъ жениха, какъ цвѣты солнца, всѣ они стояли предъ нимъ кровно родныя ему.

Но теперь онъ начиналъ чувствовать къ нимъ жадное и тайное любопытство чужого человѣка, ничѣмъ не похожаго на нихъ. Раньше онъ стыдился слушать разсказы о хитрости женщинъ, о жадной ихъ плоти, лживомъ умѣ, который всегда въ плѣну тѣла ихъ, а теперь онъ слушалъ все это внимательно и молча, смотрѣлъ въ землю, и предъ нимъ изъ нея выступали очертанія нагого тѣла.

Ночами, чувствуя, что въ сердцѣ его, уже отравленномъ,

отгниваетъ что-то дорогое и хорошее, а тѣло горитъ въ бурномъ вожделѣніи, онъ безсильно плакалъ — жалко и горько было сознавать, что каждый день не даетъ, а отнимаетъ что-то отъ души, и становится въ ней пусто, какъ въ полѣ за городомъ.

Всюду чувствовалась жестокость, и въ мутномъ потокѣ будничной жизни только она выступала яркими пятнами, неустранимо и рѣзко лѣзла въ глаза, заставляя юношу все чаще и покорнѣе вспоминать брезгливыя рѣчи отца о людяхъ города Окурова.

Та жизнь, о которой хвалебно и красочно говорилъ отецъ, обошла городъ, въ которомъ человѣкъ, по имени Самсонъ, былъ горбатъ, плѣшивъ, кривоносъ и шилъ картузы изъ старыхъ штановъ.

И не разъ Матвѣй печально думалъ:

„Лучше бы, какъ прежде, догадываться, чѣмъ вѣрно знать, какъ теперь знаешь!“

Дома тоже было тяжко: на мѣсто Власьевны Пушкарь взялъ огородницу Наталью, она принесла съ собою какой-то особенный, всѣхъ раздражавшій запахъ, рабочіе ссорились, дрались и—травили Шакира: называли его свинымъ ухомъ, спрашивали, сколько у него осталось дома женъ, и вѣрно ли, что онѣ по закону Магомета должны брить волосы на тѣлѣ.

Неистощимые въ гнусныхъ выдумкахъ, они осыпали благообразнаго татарина гнилымъ хламомъ пакостныхъ словъ, и онъ серьезно смотрѣлъ на нихъ раскосыми глазами и, щелкая языкомъ, говорилъ негромко, но убѣдительно:

— Ай-яй, не хоруша! Бульна не хоруша! На всѣмъ смѣялся! Селовѣкомъ смѣялся, Магоммедамъ смѣялся, Аллахомъ смѣялся—чито бульша остался-та? Ай-яй, русска шалтай-болтай не харуша языгъ!

Уши его, оттопыренныя, точно руки глинянаго рукомойника, краснѣли, а сѣрые, умные глаза наливались влагою.

Пошли окуровскіе дожди, вытѣснили воздухъ, завѣсили синія дали мокрыми туманами, побѣжали межъ холмовъ холодные потоки, разрывая ямы въ овраги, на улицахъ разлились мутныя лужи, усѣянныя сырыми пузырями, заплакали окна домовъ, почернѣли деревья—захлебнулась земля водой. Городъ опустѣлъ, притихъ, мокрый, озябшій, распухшій отъ дождя; галки, вороны, воробьи—все живое попряталось; звуки отсырѣли, растаяли, слышенъ былъ только жалобный плачъ дождя, и ночами казалось, что кто-то большой, утомленный, невидимый безнадежно молитъ о помощи.

— Помоги. Пожалѣй...

Однажды, темнымъ вечеромъ, Кожемякинъ вышелъ на дворъ и въ сырой тишинѣ услыхалъ странный звукъ, подобный рыданіямъ женщины, когда она устала отъ рыданій. Въ то же время звукъ этотъ напоминалъ заунывныя пѣсни Шакира, которыя онъ всегда напѣвалъ за работой, а по праздникамъ сидя на лавкѣ у воротъ.

— Это ты, Шакиръ?

Звукъ оборвался, растаялъ. Изъ тьмы выдвинулась стройная фигура дворника, онъ подошелъ къ хозяину и, разведя руками, заговорилъ такъ, точно его душила чья-то тяжелая рука:

— Бульна трудна, касяйнъ! Аххъ, рука самъ поднимаетъ—бить хочетъ морда всякая—ур-сыгимъ ананны! Нѣту бульша—не можна терпѣть моя! Давай рашетъ!

Онъ взбросилъ шапку на голову и, натягивая ее обѣими руками, залаялъ, топая ногою о землю:

— Аф-аф-аф...

Юноша стыдливо опустилъ голову, не находя словъ утѣшенія для человѣка, который былъ вдвое старше его и — плакалъ.

— Моя — терпѣлъ! — слышалъ онъ тяжелыя, ломаныя слова. — Моя — молчалъ, нисява, думалъ-та, Шакирка! Зубамъ скрыпилъ, Магоммедъ молилъ — вся дѣлалъ-та! Давай рашетъ!

Сердце Матвѣя расширилось, согрѣтое гнѣвомъ, въ глазахъ у него поплыли зеленые, дымно-свѣтлые круги, онъ кашлянулъ и твердо сказалъ:

— Погоди, не уходи! Я ихъ пугну, погоди...

Но голосъ у него сорвался, какъ у молодого пѣтуха, и онъ крикнулъ:

— Ты бы ихъ—по харямъ!

— Твоя — добра! — чмокнувъ губами, сказалъ Шакиръ.— Селовѣкомъ смѣются — нисява, Богумъ-та не хоруша, аххъ!

Придя въ кухню къ ужину, Матвѣй взглянулъ на осунувшееся, печальное лицо татарина и снова почувствовалъ въ груди тяжелый прибой злобы.

— Вы, — сказалъ онъ, вздрогнувъ, и первый разъ, безъ стыда, съ наслажденіемъ выругался скверными словами. Всѣ вытаращили на него глаза и какъ будто съежились — это ободрило его.

Передохнувъ, онъ спокойно и вѣско сказалъ:

— Кто будетъ смѣяться надъ Шакиромъ—расчетъ!

Всѣ молчали. Потомъ Пушкарь торжествующе протянулъ:

— Что-о, бѣси? Ага-а?

А молодой хозяинъ не рѣшился сѣсть за столъ съ обругапными имъ людьми, ушелъ въ садъ, уже раздѣтый холодными вѣтрами октября, и долго ходилъ по дорожкамъ, засыпаннымъ листомъ. Шуршалъ подъ ногами шелкъ, въ груди вяло шевелились какія-то сухія думы.

Наступили холода, небо окуталось могучимъ слоемъ тучъ, непроницаемый и влажный, онъ скрылъ луну, звѣзды и погасилъ багровые закаты осенняго солнца. Вѣтеръ, летая надъ городомъ, качалъ деревья, выдъ въ трубахъ, грозя близкими мятелями, рвалъ звуки и то приносилъ обрывокъ слова, то чей-то неконченный крикъ.

Каждый часъ въ затаенной тишинѣ прильнувшаго къ землѣ города вздрагивалъ и ныдъ монастырскій колоколъ; сторожъ у Николы тоже дергалъ веревку, и она всегда заставляла дважды взвизгнуть листъ желѣза на крышѣ колокольни.

Мѣдь поетъ робко и уныло, точно кто-то заплутался въ темнотѣ и устало кричитъ, уже не вѣря, что его услышатъ. Разбуженныя собаки дремотно тявкаютъ, и снова городъ утопаетъ въ глубокомъ омутѣ сырой тишины.

Вечерами по праздникамъ въ кухню являлся пѣвчій Ключаревъ — родственникъ Натальи, какъ сказалъ Пушкарь, плюнувъ при этомъ и сморщивъ носъ.

Матвѣю нравилось сидѣть въ кухнѣ за большимъ, чисто выскобленнымъ столомъ; на одномъ концѣ стола Ключаревъ съ татариномъ играли въ шашки, отъ нихъ вѣяло чѣмъ-то интереснымъ и серьезнымъ; на другомъ солдатъ раскладывалъ свою книгу, новые большіе счеты, подводя итоги работѣ недѣли; тутъ же сидѣла Наталья съ шитьемъ въ рукахъ, она стала менѣе вертлявой, и въ зеленыхъ глазахъ ея появилась добрая забота о чемъ-то. Въ трубѣ пѣлъ вѣтеръ, за печью шуршали тараканы, хозяйственно потрескивалъ морозъ на дворѣ, щелкали косточки счетъ, Шакиръ мурлыкалъ пѣсни, а Наталья дружески смѣялась надъ нимъ.

Сначала Ключаревъ видимо стѣснялся Матвѣя, вставалъ, сопѣлъ и, отводя въ сторону большіе, тяжелые глаза, глубокимъ басомъ ворчалъ:

— Здравія желаю...

И всегда послѣ этого привѣтствія откуда-то изъ-за угла, съ полатей, откликалось недовольное, сомнѣвающееся эхо:

— У-у-у...

Шакиръ шлепалъ ладонью по скамьѣ рядомъ съ собою и говорилъ хозяину:

— Сядысъ! Учись! Пожарна, ходы! Такой твой? Моя — суда, абзей!

И, подмигивая Матвѣю, легонько толкалъ его въ бокъ.

Ключаровъ игралъ хуже татарина; онъ долго думалъ, опершись локтями на столъ, запустивъ пальцы въ черные, курчавые волосы на головѣ и глядя въ середину шашечницы неуловимаго цвѣта глазами. Шакиръ, подперевъ рукою щеку, тихонько, горловымъ звукомъ пылъ:

Амди,-кайдакъ,-килаинъ?
Кунумъ,-ночукъ,-когаинъ?

— Ходы, абзей!

Ключаревъ поднималъ голову, молча смотрѣлъ на него и снова думалъ.

— Чего это ты поешь, Шакиръ? — спрашивала Наталья, усмѣхаясь.

— Русскамъ-то языкомъ будитъ: чего стану дѣлать, какъ будитъ жить? — вотъ чего поемъ!

— Смѣшныя у васъ пѣсни, у татаръ! — говорила Наталья, грустно вздохнувъ.

Матвѣй поглядывалъ на Ключарева, вспоминая, какъ страшно-спокойно онъ пѣлъ, этотъ человѣкъ, идя за гробомъ отца и надъ могилой. Лицо пѣвчаго запоминалось съ перваго взгляда: треугольникъ, основаніемъ котораго служилъ большой, смуглый лобъ, а вершиною искривленный налѣво длинный носъ. Щеки его почти сплошь заросли чернымъ, жесткимъ волосомъ, и подъ усами не было видно ни губъ ни зубовъ. Юношѣ казалось, что Ключаревъ думаетъ не объ игрѣ — оттого всегда и проигрываетъ Шакиру. Онъ ждалъ отъ чернаго человѣка какихъ-то интересныхъ разсказовъ и — дождался. Однажды пѣвчій, не отрывая глазъ отъ шашекъ, заговорилъ:

— Видѣлъ я сонъ: идетъ по землѣ большой сѣрый мужикъ, голова до облаковъ, въ ручищахъ — коса, съ полверсты, примѣрно, длиной, и коситъ онъ. Лѣса, деревни — все валитъ. Безъ шума однако.

Наталья спокойно догадалась:

— Къ мору это. Къ холерѣ...

— Къ холерѣ? — сомнѣваясь, повторилъ Ключаревъ и, подумавъ, продолжалъ: — Вдругъ бы да въявь пришелъ такой огромный человѣкъ, взялъ бы это колокольню за шпиль, да и началъ садить ею по домамъ, по крышамъ, по банкамъ...

Пушкарь, неодобрительно качая головою, сказалъ:

— Опять ты, Якимъ, завираться началъ!

А Шакиръ, качаясь, смѣялся.

— Ай-яй! Ай, какой, шалтай-балтай!

Ключаревъ посмотрѣлъ на солдата серьезнымъ взглядомъ расширенныхъ глазъ.

— Ежели снится? Сонъ — не вранье. Вотъ тоже какъ-то рыба снилась, въ родѣ сома, только зубастая. И летитъ на крыльяхъ, — саженъ полсотни крыло у нея...

— Ну? — спросилъ Матвѣй, видя, что пожарный замолчалъ, погружаясь во мракъ своихъ словъ.

— Ну, летитъ. Ничего. Тѣнь отъ нея по землѣ стелется. Только человѣкъ ступитъ въ эту тѣнь и — пропалъ! А то обернется лошадью, и если озеро по дорогѣ ей — она его однимъ копытомъ все на землю выплескиваетъ...

Слова его, проходя сквозь густую заросль черныхъ волосъ, тоже какъ будто становились черными и мохнатыми, подобно паукамъ.

— Бѣлая рыба-то? — задумчиво спрашиваетъ Наталья.

— Сѣ ая. Какъ пыль цвѣтомъ.

— Къ дождямъ это, что ли? — соображаетъ Наталья. — Бѣлая — къ снѣгу. Лошадь — оттепели не будетъ ли?

— Пушкарь! — подмигивая Матвѣю, говоритъ Шакиръ. — Какъ этотъ сухой рыба зовемъ-та?

— Сазанъ? Али вобла? Ну — судакъ?

Татаринъ хохочетъ.

— Она — судакъ! Рыба — судакъ, пожарный — чудакъ. Айяй, любятъ ваша шалтай-балтай языкъ, ахъ! Мынога выдумала русска, скушна стала — еще выдумываитъ! Языкъ — верстой, душа пустой, смѣшной чудакъ-судакъ!

Матвѣю показалось, что татаринъ сказалъ какую-то правду. Однажды онъ спросилъ Ключарева, откуда тотъ родомъ, и удивился, узнавъ, что нѣвчій — слободской.

— А я думалъ—ты дальній!—разочарованно сказалъ онъ.

Тотъ поднялъ треугольное лицо и объяснилъ, пристально глядя на Матвѣя:

— Насъ, Ключаревыхъ, двѣ семьи: Макара да Григорья. Я — Макаровъ.

— Н-ну? — сомнительно усмѣхаясь, сказалъ Пушкарь. — Это не дознано. Скорѣе ты казначею Перекопову судьбою обязанъ. У насъ по слободѣ очень трудно разобрать, отъ кого родятся. Бѣдность!

— Это ничего не означаетъ! — толковалъ Ключаревъ спокойно и густо. — Я говорю, какъ по церковнымъ записямъ числюсь. Сынъ Макара Ключарева, ну и — сынъ ему! Мнѣ отъ этого ни прибыли ни убытку.

И, обращаясь къ Матвѣю, продолжалъ:

— Я бывалъ далеко. Пять лѣтъ али шесть по кавалеріи качался. Пьянство по кавалеріи во всѣхъ городахъ. Въ Ромнахъ стояли мы — хохлы тамъ, поляки, — ничего понять не-

льзя! Потомъ — въ Пинскѣ тоже. Болотина тамъ — что чрезвычайно велики. Тоже скучно. Плохо селятся люди — почему бы? Лѣзутъ, гдѣ тѣсно, а зачѣмъ? Отслужилъ — въ пожарную нанялся, все-таки занятно будто бы.

Темныя слова расползались по кухнѣ, наводя на всѣхъ уныніе, и даже тараканы за печью тише шуршатъ.

— Я въ мальчишкахъ еще любилъ огонь гасить. Бывало, товарищи разложатъ костеръ, а я его затопчу, нескомъ закидаю.

— На что? — спросилъ Матвѣй.

— Такъ. Днемъ и безъ огня свѣтло, а ночамъ положено быть темными.

— Аллахъ дѣлалъ, — задумчиво сказалъ Шакиръ. — Люди-та не трогай!

Но посмотрѣлъ на всѣхъ и, улыбаясь, спросилъ:

— А когда лошадка пасти ночью: холодна, волка ходитъ, огонь нужна! Какъ хошь!

Иногда Пушкарь начиналъ говорить о своей службѣ, звучали знакомыя Матвѣю слова: шинъ-пр тепы, киверъ, скуси патронъ, зеленая улица, кладсь... Часто онъ спорилъ съ Ключаревымъ, замахиваясь на него книгой и счетами:

— Какой ты солдатъ, черный бѣсъ!

— А ты? — несокрушимо-спокойно спрашивалъ пѣвчій, не глядя на него. — Веревки вьешь?

— Тутъ не веревки, идолобѣсъ, тутъ работа! Каждый долженъ исполнять свою работу. Всякая работа — государева служба, она для Россеи идетъ! Что такое Россея — знаешь? Ей конца нѣтъ, Россеи: овраги, болота, степи, пески — надо все это устроить или нѣтъ, бѣсовъ кумъ? Ей все нужно, я знаю, я ее скрозь прошелъ, въ ней работы на двѣсти лѣтъ накоплено! Вотъ и работай, и приводи ее въ порядокъ! Наработай, чтобы всѣмъ хватало, и шабашъ. Вотъ она, Россея!

— Мнѣ вязать некого, веревокъ не требуется...

— Н-не надо-о? — завывалъ Пушкарь, извиваясь отъ гнѣва. — Не жел-лаешь, а-а? Скажи на милость! Стало-быть — суда безъ причала, плавай, какъ попало, а? Червякъ ты на землѣ...

— Ну, и ладно. Али я жалуюсь?

— Дар-рмоѣдъ!

— Я пожарный.

— Оттого, что лѣнтяй! Понимаю я идолобѣсіе твое: мы тутъ горимъ три, много пять разовъ въ годъ, да и то понемногу, вотъ ты и придумалъ — пойду въ пожарную, тамъ дѣлать нечего, кромѣ какъ, стоя на каланчѣ, галокъ считать...

Пока они спорили, татаринъ, прищуривая то одинъ, то другой глазъ, игралъ самъ съ собою, а Матвѣй, слушая крикъ

стараго солдата и всматриваясь въ непоколебимое лицо Ключарева, старался понять, кто изъ нихъ правъ.

— Чтобы всякъ человѣкъ дѣла своего достоинъ былъ — вотъ те законъ! Тутъ те всякой жизни оправданіе! Работай! — свирѣпствовалъ Пушкарь, гремя счетами, хлопая по столу книгой, ладонью, шаркая ногами.

А Ключаревъ, не торопясь, пропускалъ сквозь усы:

— Наплевать мнѣ на все это, было бы сердце спокойно. Всѣмъ дѣламъ одинъ конецъ: ходя — умрешь и лежа — умрешь!

— А-а, вотъ оно! Тебѣ, лѣнтяю, хоть издохнуть, да ничего бы не дѣлать! Пожралъ да померъ, тутъ и вся задача идольская твоя!

Матвѣю вспомнилась любимая пѣсня веселаго лѣкаря Маркова:

И попъ помретъ,
И солдатъ помретъ,
Только тотъ не помретъ,
Кого смерть не возьметъ!..

Тяжелая, темная скука обнимала юношу мохнатыми лапами, хотѣлось лечь въ постель и проспать недѣлю, мѣсяцъ, всю зиму.

Играли на поляхъ пѣвучія вьюги, осѣняя холмы бѣлыми крыльями, щедро кутая городокъ въ пышные сугробы снѣга, выли по ночамъ голодные, озябшіе волки, и, отвѣчая имъ, злобно лаяли трусоватыя окуровскія собаки. Рѣдко небо бывало свободно отъ сѣрыхъ облаковъ, но хороши были тѣ ночи, когда добрая синева его, до глубинъ своихъ пронизанная золотыми лучами звѣздъ, вся дрожала, горѣла и таяла, сама восхищаясь безсмертною своей красотой. Ликуя, сверкали снѣжинки, словно звѣздною пылью окропивъ землю, отдыхавшую подъ ихъ теплымъ, мягкимъ пологомъ для новыхъ весеннихъ рожденій. Покорно согнулись вѣтви деревьевъ, наклоняя пуховыя бѣлыя лапы, алмазами и смарагдами блещутъ стволы, одѣтые кружевомъ инея. Кресты церквей окованы серебромъ, а скворечни стоятъ въ пышныхъ чепчикахъ; на крыши домовъ плотно легли толстыя гривы сугробовъ, свѣсивъ края, узорно вырѣзанные вѣтромъ. Морозный воздухъ чутко-звонокъ, и степенное карканье воронъ, озабоченныхъ холодомъ, веселое треньканье синицъ, смѣшной скрипъ снѣгирей легко и живо разносились по городу изъ конца въ конецъ. А вокругъ него на холмахъ оледенѣла тишина, и Окуровъ стоитъ на блюдѣ изъ серебра, кованаго морозомъ, отчеканеннаго вьюгами.

На льду рѣки Путаницы начались бои: каждый праздникъ,

послѣ обѣда, изъ слободки, засыпанной снѣгомъ до крышъ и не видной на землѣ, сѣрыми комьями выкатывались мальчишки—точно обнаженные вѣтромъ, оживали куски земли. Перебѣжавъ рѣку, они кричали на гору:

— Давай, давай бою!

На нихъ сестрины и мамины кофты, иной просто окутанъ шалью, многіе обуты въ тяжелые отцовы сапоги, есть бойцы безъ шапокъ—головы повязаны платками; у большинства нѣтъ ни варежекъ ни рукавицъ. На горѣ ихъ ожидаетъ враждебный станъ; горожане одѣты нарядѣе, удобнѣй и теплѣй, они смѣются надъ оборвышами:

— Вылѣзли тараканы изъ-подъ маминыхъ юбокъ! Эй, бабье, лѣзь сюда, мы вамъ рожи растворожимъ... Голопузые!

Слободскіе относятся къ бою серьезно: они дѣловито, тѣсною цѣпью лѣзутъ вверхъ по остеклѣвшей горѣ, цапаясь голыми руками за куски мерзлой глины, и покрикиваютъ:

— Эй, наша сторона—не разваливайся! Не заскакивай впередъ, не наяривайся!

Сначала горожане стараются сбрасывать нападающихъ подъ гору, но это опасно: слободскіе цѣпко хватаютъ ихъ за сапоги и если кувыркомъ летятъ внизъ, такъ вмѣстѣ съ ними. Тогда городскіе отступаютъ, впуская слобожанъ на Порѣчную, и здѣсь сразу разгорается веселый бой.

— Вали, наши, вали!—кричитъ юный слободской народъ, наступая на противника плотной стѣнкой.—Бей пшенисныхъ!

Они суше горожанъ, ловчѣе и храбрѣе; ихъ отцы и матери чаще и злѣе бьютъ, поэтому они привычны къ боли и чувствительны къ ней, должно-быть, менѣе, чѣмъ мальчики города.

Городскіе ведутъ бой съ хитростями, по примѣру отцовъ: выдвинутъ изъ своей стѣнки противъ груди слобожанъ пятокъ хорошихъ воякъ и, когда слобожане, напирая на нихъ, невольно вытянутся клиномъ, городъ дружно ударитъ съ боковъ, пытаясь смять врага. Но слободскіе привыкли къ этимъ ухваткамъ: живо отступивъ, они сами охватываютъ горожанъ полукольцомъ и гонятъ ихъ, разбитыхъ, до Торговой площади, сбрасывая на землю крѣпкими ударами голыхъ кулаковъ.

На площади уже собрались подростки, ожидая своей очереди вступить въ бой; обѣ стѣнки противниковъ выравниваются, осыпая другъ друга бранью и насмѣшками.

— Сыты ли?—спрашиваютъ слобожане, гордясь побѣдой.

Городскіе нестройно поютъ:

Голопузая слободка
Продаетъ дѣвокъ за водку...

Не оставаясь въ долгу, слободка отвѣчаетъ:

А окуровски мѣщане
Мать, отца сожрутъ со щами...

Въ морозномъ воздухѣ непрерывно звучатъ дѣтскіе голоса, раздаются заборныя слова.

— Нищіе!

— Обжоры!

— Воры!

— Сами жулье!

Отдохнувъ за время словесной брани, разгорячась обидами, они снова бросаются другъ на друга, разбивая носы и губы, ухая и подвизгивая. Теперь дерутся на глазахъ старшихъ, и каждому мальчику хочется показать свою удаль, силу и ловкость возможно замѣтнѣе.

У рядовъ подъ навѣсами лавокъ стоятъ зрители, а среди нихъ знаменитые бойцы города: Толоконниковъ, оба Маклаковы, слесарь Коптевъ, толстый пожарный Сѣвачевъ. Всѣ они одѣты удобно для боя: въ короткихъ полушубкахъ легкой и дешевой ордынской овцы, туго подпоясаны яркими кушаками, на рукахъ хорошія голицы, а у старшаго Маклакова — зеленыя, сафьяновыя.

Иногда изъ стѣнки выскакиваетъ юный человѣкъ съ разбитымъ носомъ или разсѣченною губою, подходитъ къ зрителямъ, повлевывая на снѣгъ, употребляя великія усилія, чтобы сдержать слезы боли, обиды и озлобленія.

— Что̀, болванъ? — неласково встрѣчаетъ его дядя, братъ или отецъ. — Опять расквасили морду-то?

И дразнитъ, раздражаемый видомъ крови:

— А ты зареви! Ишь, сморщилъ харю-то! Ну, зареви!

Мальчикъ реветъ, а родственникъ, поймавъ его за ухо или за вихоръ, треплетъ и приговариваетъ:

— Не реви, коли дерешься, не реви, сукинъ сынъ, не реви!

Къ слободскимъ подошли подростки и, стоя за своей стѣнкой, пренебрежительно вызываютъ городъ:

— Эй, женихи, выходи, что ли!

— Мы бы вамъ мясо-то погладили...

— Около жиру вашего погрѣлись бы...

— Холостяги, не трусь...

Разорвавъ свою стѣнку, выходитъ впередъ Мишка Ключаревъ, племянникъ пѣвчаго, стройный и сухой молодецъ лѣтъ шестнадцати.

— Но, прочь! — говоритъ онъ городскимъ мальчишкамъ, махнувъ на нихъ рукою, какъ на воробьевъ; они почтительно отступаютъ, нѣкоторые бѣгутъ ко взрослымъ, тревожно извѣщая:

— Мишка Ключарь вышелъ! Мишка самъ! Айдате! Вонъ онъ растопырился, глядите-тка!

Мишка сбросилъ съ плечъ лохмотье, снялъ съ головы шапку, кинулъ ее за плечо и вызываетъ:

— Выходи, женихи! Ну, кто тамъ? Одинъ на одинъ! Эй, куроводы!

Волосы у него на круглой головѣ стоятъ ершомъ, лицо скуластое, маленькій носъ загнутъ внизъ, какъ у филина, тонкія губы презрительно искривлены, онъ широко разставилъ ноги, уперся руками въ бока и стоитъ фертомъ, поглядывая на враговъ свѣтлыми, недобрыми глазами.

Горожане долго вполголоса спорятъ — надо поставить противъ Мишки бойца-однолѣтка, а однолѣтки, зная его ловкость, неохотно идутъ.

Вышелъ коренастый, широкорожій Базуновъ — слободскіе хохочутъ и свистятъ: весной, на Алексѣя Божія человѣка Базунову минетъ девятнадцать лѣтъ.

— О-го-го! Какого старичка поставили!

— Дѣдушка, не робь!

— Не стыдись, снохачъ!

Базунову стыдно: оборотясь назадъ, онъ жалобно кричитъ:

— Васька, шелъ бы ты! Кулугуровъ?

— Я опосля тебя,—густо отвѣчаетъ Кулугуровъ, но тутъ же откровенно говоритъ:—да вѣдь ужъ бился я съ нимъ,— не сладить мнѣ.

Не глядя на Мишку, Базуновъ спрашиваетъ:

— Хошь со мной?

— Хошь съ отцомъ твоимъ!—хвастливо отвѣчаетъ Мишка и задорно кричитъ: — Эй, наши, скажите тамъ родителю, что помиралъ я, такъ кланялся ему...

Базуновъ вытянулъ впередъ сжатый кулакъ лѣвой руки, правую согнулъ въ локтѣ и, угрюмо сдвинувъ брови, готовитъ ударъ—насыкается.

Хруститъ снѣгъ подъ тяжелыми ногами, кругомъ напряженное молчаніе, обѣ стѣнки дружно обнимаютъ бойцовъ широкимъ кругомъ, покрикивая:

— Раздайсь! Не тѣсни, эй!

На кресты Варваринской церкви напизались галки и внимательно смотрятъ внизъ, изрѣдка покаркивая.

Мишка зорко слѣдитъ за противникомъ, иногда онъ быстро взмахиваетъ правой рукой — Базуновъ отскочитъ, а Мишка будто бы поднялъ руку голову почесать.

— Ты не бойся!—глумится онъ.—Я не до смерти тебя, я те носъ на ухо посажу, только и всего дѣла! Ты води руками,

будто тѣсто мѣсишь али мухъ ловишь, а я подожду, пока не озябъ. Экій у тебя кулакъ-отъ! Съ полпуда, чай, вѣсу? Каково-то будетъ женѣ твоей!

— Тебѣ вотъ плохо будетъ!—ворчитъ Базуновъ.

— Ужъ я жду!

Городской боецъ размахнулся, ударилъ — Мишка присѣлъ и ткнулъ его въ подбородокъ снизу вверхъ, спрашивая:

— Какъ здоровье-то?

Освирѣпѣлъ Базуновъ, бросился на противника, яростно махая кулаками, а ловкій подростокъ, уклоняясь отъ ударовъ, мѣтко билъ его съ размаха въ лѣвый бокъ.

— Лексѣй, не горячись! Что̀ ты, дурова голова? Стой покойно, дубина!—кричали горожане.

— Не горячись, слышь!—повторялъ слободской боецъ, прыгая, какъ мячъ, около неуклюжаго парня, и вдругъ, согнувшись, сбилъ его съ ногъ ударомъ головы въ грудь и кулака въ животъ — подъ душу. Слобода радостно воетъ и свиститъ; сконфуженные пораженіемъ, люди Шихана нехотя хвалятъ побѣдителя.

— Ловокъ шельма!

— Да-а! Туроватъ.

— Верткій...

— Сыръ Алешка-то противъ его!

— Мягокъ...

Базуновъ, задыхаясь, сидитъ на землѣ и бормочетъ:

— Ежели онъ въ родѣ комара,—вьется, вьется... этакъ-то развѣ бьются?

— Эй, Кулугуровъ!—гордо кричитъ побѣдитель.—Ну-ка, иди!

— Не люблю я по одиночкѣ...

— Не любишь?

— Я — въ стѣнкѣ...

— А на печкѣ?

Ребятишки слободы радостно поютъ во все горло:

— На печку, подъ печку, на тепленькій шестокъ залѣзъ толстенькій котокъ! Вздули, раскатали, зубы расшатали!

Среди горожанъ осторожное движеніе, глухой ропотъ.

— Эй, наши, гляди въ оба! — командуетъ Ключаревъ.— Ѳедька Ордынцевъ, иди сюда! Гришка съ Ѳомкой—становись ко мнѣ!

И вдругъ, махнувъ руками, онъ бросаетъ своихъ на кучу горожанъ, выкрикивая высокимъ альтомъ:

— Вали-и на Шиханъ! Бей жениховъ, не жалѣй кулаковъ! Вали-и...

Сшиблись ребята, бойко работаютъ кулаки, скрипятъ зубы,

глухо бухаютъ удары по грудамъ, то и дѣло въ сторону отбѣгаютъ покраснѣвшіе бойцы, оплевывая утоптанный снѣгъ красными плевками, сморкаясь алыми брызгами крови, растирая подбитыя скулы.

— Не робь, наша!—кричитъ Кулугуровъ.

— Держись, слобода!—звенитъ Мишкинъ альтъ.

Кипитъ крутой бой, бойцы сошлись и ломятъ другъ друга во всю силу, яростно оспаривая побѣду.

— Бей женишковъ, оладышниковъ!—покрикиваютъ слободскіе.

— Стой, наши, не бѣги! — командуютъ Кулугуровъ съ Базуновымъ, но городская молодежь уже отступаетъ, не выдерживая дружнаго и быстраго натиска слободскихъ, и такъ ужъ издавна повелось, что слобода гонитъ городскихъ до церковной ограды.

Зрители-горожане, видя, что дѣти ихъ сломлены, горячатся и кричатъ своимъ взрослымъ бойцамъ:

— Чего глядите? Гонятъ нашихъ-то! Вона, какъ бьютъ! Айдате вы, пора!

И вотъ, сбоку, на зарвавшихся слобожанъ бросаются Маклаковы, Коптевъ, Толоконниковъ, бьютъ подростковъ по чему попало, швыряютъ ихъ о землю, словно траву косятъ.

— Ого-го-го! Пошли наши, пошли! — радостно гогочетъ толпа зрителей, подбодряя свою сторону, и, вприпрыжку слѣдуя за боемъ, будто невзначай даютъ пинки въ бока лежащихъ на землѣ слобожанъ.

— Лежащаго не бить, дьяволы!—злобно завываютъ побѣжденные, отползая въ сторону.

Тамъ и тутъ, присѣвъ на корточки и прикрывая локтями лица свои отъ намѣренно-нечаянныхъ ударовъ горожанъ, они ждутъ удобной минуты, чтобы незамѣтно убѣжать на рѣку.

Матвѣй Кожемякинъ тоже вмѣстѣ со всѣми горожанами поддается возбужденію, празднуетъ побѣду и куда-то бѣжитъ, смѣясь. Но, увидавъ, какъ бьютъ лежачихъ, останавливается и тихонько идетъ въ сторонѣ. Ему хочется крикнуть людямъ:

— Почто нечестно бьете?

Но онъ не находитъ ни времени ни смѣлости на это и знаетъ, что его крикъ не услышали бы.

Ловко, точно ужъ, вьется межъ ногами бѣгущихъ Мишка Ключаревъ, катается по землѣ, какъ боченокъ, сынъ лучшаго бойца слободы Ордынцева Ѳедька и пыхтитъ отъ злости, умывая снѣгомъ разбитое лицо.

Растерялась слобода, разсѣялась, разнесло бойцовъ, словно вихремъ.

— Ого-го! — ревутъ побѣдители, стоя на берегу рѣки, а снизу, со льда несется:

— Держись, наши, идемъ!

Коротокъ зимній день, уже синій сумракъ окуталъ рѣку, таютъ въ немъ снѣжныя лачуги слободы; распуганныя звономъ къ вечерней службѣ, улетѣли по гнѣздамъ птицы съ колоколенъ, становится холоднѣе, въ воздухѣ тихо летаютъ острыя снѣжинки.

По льду рѣки не спѣша, темнымъ облакомъ идутъ на городъ слободскіе бойцы; горожане, стоя у обрыва, присматриваются къ нимъ, считая:

— Стрѣльцовъ идетъ, старый чортъ...

— А Квашнинъ тутъ?

— Вонъ, сбоку-то...

— И Македонка вышелъ!

— Ордынцевъ впереди...

— Многовато ихъ высыпало сегодня!

— Эй, полупочтенные! — кричитъ съ рѣки всегда пьяный слободской сапожникъ Македонъ,—пожалуйте въ поле, мы бы васъ потяпали!

Горожане, подтягивая кушаки, спускаются на ледъ, уговариваясь:

— Ты, Коптевъ, въ середину стань, а Маклаковы — съ плечъ тебѣ...

— Сѣвачева съ Ермиломъ да Толоконниковымъ на лѣвое бы крыло да еще туда которыхъ посильнѣе, да тѣмъ крыломъ и хлестнуть ихъ, когда они разойдутся.

— Пріятели! Припятили? — кричитъ слободской народъ, уставляясь стѣною. Весь онъ лохматый, одерганный, многіе бойцы уже сильно выпивши, всѣ—и пьяные и трезвые—одинаково безшабашно дерзки на языкъ, задорятъ горожанъ съ великимъ умѣніемъ, со смакомъ, во всѣхъ есть что-то волчье отчаянное и пугающее.

Македонъ, пьяненькій и весь вывихнутый, приплясывая, поетъ во всю глотку:

Окуровски воеводы —
Знамениты куроводы;
Живутъ сыто, не горюютъ;
Другъ у друга куръ воруютъ...

А чей-то развеселый голосъ вторитъ:

У нихъ жены все Матрены,
Кулакомъ рожи крещены — ихъ, ты!

— Эй, вы,—угрюмо кричитъ Толоконниковъ,—выходи, что ли, кто противъ меня, веселы воры!

— Еруланъ Лазаричъ? Здорово ли живешь? Тоскуетъ мой кулакъ по твоему боку!

— А ты выходи!

— А ты погоди!

— Трусишь?

— Трясусь. Ноги за уши заскакиваютъ!

— Вотъ я те обобью ихъ, уши-те!

— Эка хорошо будетъ! Оглохну я — никогда глупой рѣчи твоей не услышу!

— Ну-ка, ребята, съ Богомъ!—говоритъ слесарь Коптевъ, обѣими руками натягивая шапку на голову.—Вались дружно! Бей воровъ!

И свирѣпо воетъ, возбуждая себя и своихъ:

— Давай бою-у-у! Пошла, наша, пошла-а! Бей ихъ! Бей! Бей!

Хлынули горожане тяжелой волной на крѣпкую стѣнку слободскихъ, забухали кулаки, заляскали некрѣпко сжатые зубы, раздался оглушающій ревъ и вой:

— У-ухъ! Держись! А-аххъ!

— Молодчики-слобода, стой дружно!—громогласно кричитъ высокій рыжій Ордынцевъ и, точно топоромъ рубитъ, бьетъ по головамъ горожанъ. Противъ него — Коптевъ, безъ полушубка, въ разорванной рубахѣ. Они давніе пріятели, кумовья.

— Егоръ Иванычу — эхма! — здоровается Ордынцевъ, съ размаха ударяя кума по виску.

— Изотъ Кузьмичъ, получи-ка-сь! — отвѣчаетъ Коптевъ, нанося ему ударъ въ грудь.

А сапожникъ Македонъ, держа въ зубахъ шапку, быстрыми ударами хлещетъ Маклакова съ ухо на уха и мычитъ. Тяжелый Маклаковъ мотаетъ головой, ловя какую-то минуту, и вдругъ, ударивъ сапожника сверху, словно заколачиваетъ его въ ледъ.

— На-ка-сь!

Снова размахнувшись, онъ хочетъ сбить Ордынцева, но длинный шорникъ Квашнинъ бьетъ его одной рукой подъ мышку, другой по зубамъ, городской силачъ присѣдаетъ, а Квашнинъ кричитъ:

— Ты встань! Нѣтъ, ты постой! Я-те додамъ еще разокъ! Ты мнѣ за шлею не додалъ, такъ я те...

Старый, сутулый медвѣдь Стрѣльцовъ, спокойно и мѣрно разбивая лица горожанъ огромнымъ кулакомъ, сипло кричитъ:

— А ты не разговаривай! Ты—бей, знай! Счета твои въ будни сведешь!

Городскихъ тѣснятъ къ берегу, кажется, что вотъ сейчасъ ихъ прижмутъ къ обрыву и раздавятъ, размозжатъ десятками тяжелыхъ кулаковъ.

Слышны тяжкіе удары, кряканье, злобный вой и стонъ, плюются люди, ругаются сверлящей глаза, тошной и гнилой русской бранью.

Радостно хрипятъ: — „А-ахх... и все яростнѣе бьютъ въ середину стѣны городскихъ, разламывая ее, опрокидывая людей подъ ноги себѣ, словно надѣясь найти за ними коренного и страшнѣйшаго врага.

Но уже слышенъ тревожный крикъ Ѳедьки Ордынцева:

— Тятя, гляди-ка, заходятъ, тятя!

— Наза-адъ, наши, наза-адъ!—кричитъ Мишка Ключаревъ.

Поздно. Справа и сзади обрушились городскіе съ пожарнымъ Сѣвачевымъ и лучшими бойцами во главѣ: пожарный низенькій, голова у него вросла въ плечи, руки короткія,— поднявъ ихъ на уровень плечъ, онъ страшно быстро суетъ кулаками въ животы и груди людей и опрокидываетъ, расталкиваетъ, перешибаетъ ихъ на-двое. Они изгибаются, охая, присѣдаютъ и ложатся подъ ноги ему, точно бревна срубленныя.

— За-ххоД-ди!—рычитъ онъ.

Пробился къ нему слободской боецъ Стрѣльцовъ, наклонилъ голову, какъ быкъ, и опрокинулъ пожарнаго, но тутъ же самъ присѣлъ, ушибленный по виску Толоконниковымъ.

— Ломи-и!—воетъ Шиханъ.

— Отдай, наши, отдай!—кричатъ подростки слободы, видя, что отцы ихъ, братья и дядья разбиты, раскиданы по льду рѣки.

Но уже взрослые разгорячились и не могутъ вести бой правильно; противъ каждаго изъ сильныхъ людей слободы— пятеро и шестеро горожанъ; бой конченъ, началась драка— люди вспомнили взаимныя обиды и насмѣшки, старую зависть, давнія ссоры, вспомнили все темное, накопленное измала другъ противъ друга, освирѣпѣли и бьются злобно, какъ звѣрье.

— Отдай, наши, отдай! — кричатъ разсѣянные слобожане, не успѣвая собраться въ рядъ; ихъ разбиваютъ на мелкія кучки и дружно гонятъ по узкимъ улицамъ слободы, въ поле, въ сугробы рыхлаго снѣга.

Возвращаясь домой, побѣдители орутъ на улицахъ слободы пѣсни о зарѣченскихъ дѣвицахъ и женщинахъ, плюютъ въ стекла оконъ, отворяютъ ворота; встрѣтивъ бабъ и дѣвушекъ, говорятъ имъ мерзости.

Зоркій свидѣтель боя Кожемякинъ видитъ, что все было цвѣтисто и красиво, — ловкость, сила, удаль, пренебреженіе къ боли, мѣткіе удары, острыя слова, жаркое, ярое веселье— все это слиняло, погасло, исчезло, и отовсюду злою струею пробивается темная вражда чужихъ другъ другу людей, та же непонятная вражда, которая въ базарные дни разгоралась на торговой площади между мужиками и мѣщанами.

Часто бывало, что та или другая сторона, отбивъ отъ стѣнки противниковъ заранѣе намѣченнаго бойца, обыскивала его и, находя въ рукавицѣ свинчатку, гирьку или пару мѣдныхъ пятаковъ, нещадно избивала пинками нарушителя боевыхъ законовъ.

Когда оба ряда бойцовъ сшибались въ послѣдній разъ, оспаривая побѣду, и въ тѣсной кучѣ ломали ребра другъ другу, издавая ревъ, вой и свирѣпые крики, у Матвѣя замирало сердце, тѣснимое чувствомъ отчужденія отъ этихъ людей.

Иногда же онъ, ясно ощущая свое одиночество, наполнялся тоскливою завистью и, слыша хриплые, но удалые крики, чувствовалъ злое и тоскливое желаніе броситься въ свалку и безжалостно бить всѣхъ, пока хватитъ силъ.

Ему пришлось драться: онъ шелъ домой, обгоняемый усталыми бойцами города, смотрѣлъ, какъ они щупаютъ пальцами расшатанные зубы и опухоли подъ глазами, слышалъ, какъ покрякиваютъ люди, пробуя гибкость ноющихъ реберъ, стараются выкашлять боль изъ грудей и все плюютъ на дорогу красными, противными плевками.

На Порѣчной нагнали трое парней, и одинъ, схвативъ его сзади за плечо, удивленно протянулъ:

— Это какой человѣкъ?

— Кожемякинъ.

— Кож-жемякинъ? Какой такой Кожемякинъ?

Другой парень, хихикая, пояснилъ:

— Савельевъ сынъ.

— Савелья? Какого такого Савелья?

— Отстань!—угрюмо сказалъ Матвѣй, узнавъ по голосамъ, что его остановили Маклаковъ, Хряповъ и Кулугуровъ.

— Савельевъ сынъ? — продолжалъ Хряповъ. — А можетъ, ты—сукинъ сынъ, а?

Этотъ парень всегда вызывалъ у Кожемякина презрѣніе своей жестокостью и озорствомъ; его ругательство опалило юношу гнѣвомъ, онъ поднялъ ногу, съ размаха ударилъ озорника въ животъ и, видя, что онъ, охнувъ, присѣлъ, молча пошелъ прочь. Но Кулугуровъ и Маклаковъ бросились на

него сзади, ударами по уху свалили на снѣгъ и стали топтать ногами, приговаривая:

— Ты ного-ой,—ты въ брюхо-о?

Матвѣй запутался въ тулупѣ, не могъ встать, — они били его долго, стараясь разбить его лицо. Онъ пришелъ домой оборванный, въ крови, въ ссадинахъ съ подбитыми глазами, и, умываясь въ кухнѣ, слышалъ жалобный вопль Натальи:

— Ба-атюшки! Вотъ такъ избили! Кто это?

Матвѣй не отвѣчалъ, и тогда Пушкарь съ гордостью объяснилъ:

— Наши, конечно, слободскіе! Онъ—городской, стало-быть, они его и били! Ну, вотъ, братъ, и былъ ты въ первомъ сраженіи—это хорошо! Эхъ, какъ я, будучи парнишкой, бои любилъ...

Матвѣй пересталъ ходить на рѣку и старался обѣгать городскую площадь, зная, что при встрѣчѣ съ Хряповымъ и товарищами его онъ снова неизбѣжно будетъ драться. Иногда, передъ тѣмъ, какъ лечь спать, онъ опускался на колѣни и, свѣсивъ руки вдоль тѣла, наклонивъ голову, — такъ стояла Палага въ памятный день передъ отцомъ, — шепталъ всѣ молитвы и псалмы, какіе зналъ. Въ отвѣтъ имъ мигала лампада, освѣщая ликъ Богоматери, какъ всегда задумчивый и печальный. Молитва утомляла юношу и этимъ успокаивала его.

...Въ монастырѣ появилась новая клирошанка, высокая, тонкая, какъ березка. Она напоминала своимъ покорнымъ взглядомъ Палагу, глаза ея однажды остановились на лицѣ юноши и сразу поработили его. Ротъ ея—маленькій и яркій—тоже напоминалъ Палагу, а когда она высокимъ, свѣтлымъ голосомъ пѣла: — „Господи, помилуй...“ — Матвѣю казалось, что это она для него проситъ милости, и онъ вспоминалъ мать свою, которая, жалѣючи всѣхъ людей, ушла въ глухіе лѣса молиться за нихъ и, можетъ-быть, умерла уже, истощенная молитвой.

Въ черной шлычкѣ и шерстяной ряскѣ клирошанка была похожа на маленькую колоколенку, задушевнымъ серебрянымъ звономъ зовущую людей къ миру, къ жизни тихой и любовной. И стояла она впереди всѣхъ на клиросѣ, какъ на воздухѣ, благолѣпно окруженная мерцаніемъ огней и прозрачнымъ дымомъ ладана. Окованные серебромъ ризъ, озаренные тихими огнями, суровые лики иконъ смотрѣли на нее съ иконостаса такъ же внимательно и неотрывно, какъ Матвѣй смотрѣлъ.

Клирошанка, видѣлъ онъ, замѣчала этотъ взглядъ, прикованный къ ея глазамъ, и, выпрямляя тонкое тѣло, словно стремилась подняться выше, а голосъ ея звучалъ все болѣе громко и сладко, словно желая укрѣпить чью-то маленькую и какъ подспѣжникъ юную надежду.

Странныя мечты вызывало у Матвѣя ея блѣдное лицо и тѣло, непроницаемо одѣтое черной одеждой: ему казалось, что однажды женщина сброситъ съ плечъ своихъ все темное и явится передъ людьми прекрасная и чистая, какъ бѣлая лебедь сказки, явится и, простирая людямъ крѣпкія руки, скажетъ голосомъ Василисы Премудрой:

— Я мать всего сущаго!

Тогда всѣмъ станетъ стыдно передъ нею, стыдно до слезъ покаянія, и всѣ, поклонясь мудрой красотѣ ея, обновятъ жизнь свѣтлой силою любви.

Онъ не спрашивалъ, откуда явилась клирошанка, кто она, точно боялся узнать что-то ненужное. И когда монастырская привратница, добрая старушка Таисія, ласково улыбаясь, спросила его:

— Слушаешь новую-то клирошанку?

Онъ, поклонясь ей, торопливо отошелъ, говоря:

— Хорошій голосъ. Прощайте!

Вдругъ клирошанка исчезла: не было ея за всенощной, за утреней и въ обѣдни не было.

„Можетъ, захворала?“—тоскливо подумалъ онъ.

Но вечеромъ въ день Благовѣщенья онъ услыхалъ, что Наталья, которой извѣстно было все въ жизни города, разсказываетъ торжественно и подробно:

— Богачи они, Чернозубовы эти, по всему Гнилищенскому уѣзду первые; плоты гоняютъ, бѣляны, лѣсопилъ у нихъ свой. Ну вотъ, судари вы мои, какъ замѣтилъ свекоръ-то, что и младшій его сынъ на нее мѣтитъ, на Катерину эту, отправилъ онъ ее въ монастырь нашъ для сохранности. Тутъ вернулся женихъ, а онъ — кривой, мальчишкомъ будучи сыча ловилъ, а сычъ глазъ-отъ ему и выклюнь. Гдѣ, стало-быть, Катерина? А у отца, стараго лѣшаго, своя думка: дескать, сталъ ее братъ твой одолѣвать непосильно. Егоръ? Онъ самый! А кривого зовутъ—Левонъ, Левонъ Петровъ, значитъ! Вотъ и пошелъ этотъ Левонъ на лѣсопильню, да братца-то—коломъ, да и угоди, на грѣхъ, по виску—тотъ сразу душеньку свою Богу и воротилъ! Вотъ, значитъ, полиція, вотъ—чиновники-те! И взяли ее, Катерину-то, на допросъ, увезли со стражей...

— Это новая клирошанка, про нее ты?—спросилъ Матвѣй тихонько.

— Про нее про самую! И есть, милые мои, слушокъ, будто не безъ грѣха она тутъ: путалась будто съ нареченнымъ-то свекромъ. Сирота, по сиротству все можетъ быть.

Матвѣй стоялъ въ двери, держась за косяки, точно распятый, и бормоталъ:

— Это ты врешь, — все врешь!

Наталья стала горячо доказывать ему свою правоту, но онъ ушелъ къ себѣ, сталъ передъ окномъ, и ему казалось, что отовсюду поднимается душная муть—точно вновь воскресла осень — поднимается густымъ облакомъ и, закрывая свѣтлое пятно окна, гаситъ блескъ юнаго дня весны.

Въ первый день Пасхи онъ пошелъ на кладбище христосоваться съ Палагою и отцомъ. Съ тихой радостью увидѣлъ, что его посадки принялись: тонкіе сучья березъ были густо унизаны почками, на концахъ лапъ сосны дрожали желтыя свѣчи, сверкая на солнцѣ золотыми каплями смолы. Съ дерна могилы робко смотрѣли въ небо блѣдно-лиловые подснѣжники, качались атласныя звѣзды первоцвѣта, и уже набухалъ желтый вѣнецъ одуванчика.

Между крестами молча ходили люди, Кожемякинъ издали увидалъ лохматую голову Ключарева; пѣвчій безъ шапки сидѣлъ на чьей-то могилѣ и тихонько тонкимъ прутомъ раскачивалъ стебель цвѣтка, точно заставляя его кланяться солнцу и землѣ.

Похристосовались. Черный человѣкъ невнятно сказалъ что-то о ранней веснѣ.

— У тебя кто тутъ? — спросилъ Матвѣй, кивая на могилу.

Ключаревъ постучалъ о землю ногой и отвѣтилъ:

— Никого нѣтъ.

И, оглянувшись, предложилъ:

— Пойдемъ. Сыро здѣсь.

Отъ крестовъ на дорожку падали легкія тѣни, молодая зелень травы темнѣла подъ ними.

— Скучаешь? — спросилъ пѣвчій, скосивъ глаза въ бокъ.

— Н-нѣтъ! — не сразу и не твердо отвѣтилъ Кожемякинъ.

— Шакиръ — онъ вѣрно говоритъ! — продолжалъ черный мужчина. — Скучающій мы народъ, русскіе-то. И отъ скуки выдумываемъ разное. Особенно — здѣсь...

— Да вѣдь и Шакиръ здѣшній!

Ключаревъ надвинулъ картузъ на носъ и проговорилъ:

— Они съ Пушкаревымъ — особенные! Въ Бога твердо вѣрятъ, напримѣръ...

Матвѣй удивленно отшатнулся отъ него.

— А ты развѣ не вѣришь?

— Я не про себя говорю, а вообще, — неохотно сказалъ пѣвчій.

Матвѣй строго замѣтилъ:

— Всѣ вѣрятъ! Какъ это — вообще?

— Такъ ужъ! — зѣвнувъ, отозвался Ключаревъ. Но, оглянувшись вокругъ, заговорилъ таинственно и ворчливо: — Не знаю я, какъ это сказать, ну, однако, погляди: Богъ, Исусъ Христосъ, а тутъ же — Судьба! Богъ, такъ ужъ никакой Судьбы нѣтъ! Ничего нѣтъ, просто — Богъ! Вездѣ Онъ и все отъ Него! А у насъ — Богъ, Судьба, да Сатана еще, черти, домовые, водяной. Лѣшіе потомъ. Въ болотахъ — кикиморы. И всему клиру вѣра есть. Ничего нельзя понять: что Божіе и что отъ Судьбы исходитъ? Нашъ Никольскій попъ превосходно въ домоваго вѣритъ, я-те побожусь въ этомъ! И въ Судьбу твердо вѣритъ: такая — говоритъ мнѣ — твоя Судьба, Якимъ! Ничего, говоритъ, не подѣлаешь! Я говорю — какая же Судьба, если Богъ? Смѣется: это-де слово одно — Судьба...

Онъ широко повелъ рукой въ воздухѣ и сказалъ, словно угрожая кому-то:

— Знаю я, какое это слово! Это не слово, нѣтъ!..

Матвѣй вспомнилъ ту покорность, съ которою люди говорятъ о судьбѣ, безчисленныя поговорки въ честь ея, ему не хотѣлось, чтобы пожарный еще говорилъ объ этомъ, и онъ простился съ нимъ.

А черезъ нѣсколько дней послѣ этого пѣвчій вдругъ спросилъ Кожемякина, равнодушно и тупо:

— Ты къ дѣвкамъ ходишь?

— Нѣтъ! — покраснѣвъ, отвѣтилъ Матвѣй.

— Отчего?

— Не съ кѣмъ, — смущенно сказалъ Матвѣй, подумавъ.

— А-а! — протянулъ пѣвчій такимъ тономъ, какъ будто находилъ причину воздержанія юноши вполнѣ достаточной, и тотчасъ же предложилъ:

— Пойдемъ со мной. Со мной — не бойся. Завтра и пойдемъ, сегодня суббота, грѣхъ, а завтра...

Матвѣй посмотрѣлъ на его деревянное лицо и подумалъ:

„Пойду я, что ли? Какъ быка поведутъ. Какой онъ несуразный! То про судьбу, то вдругъ про это. Да сны его еще. И что онъ говоритъ о субботѣ — не все ли равно?“

Было обидно думать объ этомъ, но стыда онъ не чувствовалъ. Воздержаніе давалось ему все съ большимъ трудомъ, и за послѣднее время, видя Наталью, онъ представлялъ ее себѣ въ ту тяжелую ночь, когда она вошла къ нему въ комнату, посланная Палагой.

Воспоминаніе о Палагѣ все слабѣе мѣшало думать о другихъ женщинахъ, и часто эти думы бывали мучительны.

На другой день вечеромъ онъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ одной изъ слободскихъ хибарокъ, безуспѣшно стараясь скрыть отъ людей неодолимое волненіе, охватившее его. Передъ нимъ на столѣ стоялъ самоваръ и, то съеживаясь, то разбухая, злорадно шипѣлъ: — „И-и-и...“ — и показывалъ Матвѣю желтое, искаженное и плачевное лицо съ прикрытыми трусливо глазами. Скрипѣли половицы, скрипѣли козловые башмаки дѣвушки,—она бѣгала по комнатѣ такъ быстро, что Матвѣй видѣлъ только темную косу, бѣлыя плечи и розовую юбку.

Ключаревъ густымъ голосомъ убѣждалъ его:

— Ты—выпей! Тутъ—надо выпить

Онъ уже былъ пьянъ, держалъ на колѣняхъ у себя большую бабу и кричалъ:

— Дуняша! Угощай его!

— Да они не пьютъ никакъ!

— Старайся!

Потомъ онъ исчезъ, точно суетливая Дуняша вдругъ вымела его изъ комнаты шумящимъ подоломъ своей юбки. Улыбаясь, она сѣла рядомъ съ Матвѣемъ и спросила его:

— Можно тебя обнять?

— Можно,—бормоталъ онъ, не глядя на нее.—Можно.

Она обняла, заглянула въ лицо ему пустыми глазами и удивленно спросила:

— Что жъ ты не веселый?

Матвѣй подвинулся къ ней, безсвязно говоря:

— Боязно какъ-то,—я тебя въ первый разъ вижу.

Она безпечно засмѣялась:

— Чай, вѣдь и я тебя впервой!

Съ этого дня Ключаревъ сталъ равнодушно водить Матвѣя по всѣмъ вязкимъ мытарствамъ окуровской жизни, спокойно бралъ у него деньги, получивъ, пренебрежительно разсматривалъ ихъ на свѣтъ или подкидывалъ на ладони, и затѣмъ опускалъ въ карманъ.

Онъ не попрошайничалъ и не требовалъ, а именно бралъ, какъ нѣчто безспорно должное ему, но дѣлалъ это такъ часто, что Матвѣй не однажды замѣчалъ:

— Больно много ты берешь! Пушкарь вонъ ворчитъ на меня...

— Плюнь! Все равно, — отвѣчалъ Ключаревъ и дарилъ дѣвицамъ платки, щедро угощалъ орѣхами, пряниками и наливками.

— Все равно!—тупымъ эхомъ отдавалось въ груди юноши, и покорно, точно связанный, онъ шелъ за пожарнымъ всюду, куда тотъ звалъ его.

Кожемякинъ замѣчалъ, что пожарный становился все молчаливѣе, пилъ и не пьянѣлъ, лицо вытягивалось, глаза выцвѣтали, онъ сталъ ходить медленно, задѣвая ногами землю и спотыкаясь, какъ будто тѣнь его спустилась, отяжелѣла, и человѣку уже не по силамъ влачить ее за собою.

Наталья встрѣчала его угрюмо. Шакиръ, завидѣвъ черную бороду пѣвчаго, крѣпко сжималъ губы и куда-то не спѣша уходилъ. Пушкарь рычалъ на него:

— Опять явился! Смутьянъ, бѣсъ...

— Нездоровится тебѣ, Макарычъ? — спрашивалъ Матвѣй, чувствуя, что этому человѣку тяжко.

— Нѣтъ, ничего.

— Что же ты скучный?

Пожарный посмотрѣлъ вдаль мутнымъ взглядомъ и въ два удара сказалъ окуровское словцо:

— Скучно.

Юноша вспоминалъ отца, который тоже умѣлъ сказать это слово, круглое, пухлое и ёмкое, такъ, что земля точно вздрагивала отъ обиды.

Однажды, гуляя съ Матвѣемъ въ полѣ, за монастыремъ, Ключаревъ какъ будто немного оживился и разсказалъ одинъ изъ своихъ сѣрыхъ сновъ.

— И вотъ, вижу я— море!—вытаращивъ глаза и широко разводя руками, гудѣлъ онъ.—Океанъ! Въ одномъ мѣстѣ — гора, прямо подъ облака. Я тутъ, въ полугорѣ, притулился и сижу, съ ружьемъ своимъ, будто на охотѣ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ нѣкое человѣчище, какъ бы безъ лица, въ лохмотье одѣто, плачетъ и говоритъ: „гора эта—мои грѣхи, а Сатанѣ—тронъ!“. Уперся плечомъ въ гору, наддалъ и — опрокинулъ ее. Ну, и я полетѣлъ!

— Проснулся?

Ключаревъ не отвѣтилъ. Приставивъ ладонь ко лбу, онъ смотрѣлъ на дальніе холмы, вытянувъ шею и широко разставивъ ноги.

На другой день рано утромъ по городу закричали, что въ огородѣ полиціи кто-то „самоубійствомъ застрѣлился изъ ружья“.

Ключаревъ прервалъ свои сны за пожарнымъ сараемъ, подъ старой уродливой ветлой. Онъ нагнулъ толстый сукъ, опутавъ его веревкой, привязалъ къ нему ружье, бечевку отъ собачки курка накрутилъ себѣ на палецъ и выстрѣлилъ

въ ротъ. Ему сорвало черепъ: вокругъ длиннаго тѣла лежали куски костей, обросшіе черными волосами, на стѣнѣ сарая, точно спѣлыя ягоды, застыли багровыя пятна крови, сѣрые хлопья мозга пристали ко мшистымъ доскамъ.

Суетилась строгая окуровская полиція, заставляя горбатаго Самсона собирать осколки костей; картузникъ едва держался на ногахъ съ похмелья, вставалъ на четвереньки, поднимая горбъ къ небу, складывалъ кости въ лукошко и послѣ каждаго куска помахивалъ рукой въ воздухѣ, точно онъ пальцы себѣ ожегъ.

— Это кто же?—испуганно спрашивали другъ друга окуровцы.

— Господи, да пожарный же!

— Еще у Николы пѣлъ!

— Извѣстное лицо.

— Да вѣдь головы-то нѣту, ну, и...

Люди съ торговой площади солидно говорили:

— Мастеровой народъ—онъ ужъ всегда какъ-нибудь...

— Развѣ онъ мастеровой?

— Ну, пожарный, все равно!

— Мастеровой совсѣмъ другое дѣло! Онъ въ праздникъ этакъ не рѣшится. Онъ—по вторникамъ.

— Вѣрно. Въ понедѣльникъ-то онъ еще пьетъ.

— И потомъ, мастеровые, они больше вѣшаются.

Большинство молчало, пристально глядя на землю, обрызганную кровью и мозгомъ, въ широкую спину трупа и въ лицо бесѣдовавшихъ людей. Казалось, что нѣкоторые усиленно стараются навсегда запомнить всѣ черты смерти и всѣ рѣчи, вызванныя ею.

Кто-то озабоченно и боязливо спросилъ:

— Гдѣ же его закопаютъ?

— Гдѣ подобные закопаны? Тамъ и его.

— Я потому, что какъ онъ на клиросѣ пѣлъ...

— Пѣть—пой, а все-таки...

— Пѣніе не оправдываетъ...

Маленькій старичокъ Хряповъ говорилъ:

— На моемъ вѣку семнадцатая душа этакъ-то гибнетъ.

И перечислялъ по пальцамъ удавленниковъ, опоицъ, замерзшихъ и утонувшихъ пьяницъ.

А Базуновъ, стоя безъ шапки и встряхивая сѣдыми кудрями, громко говорилъ, точно псалтырь читалъ:

— Егда же пѣсть въ сердцѣ человѣческомъ страха Божія—человѣка не бѣ, но скотъ безполезный попираетъ землю!

Былъ августъ, на ветлѣ блестѣло много желтыхъ листьевъ,

два изъ нихъ, узенькіе и острые, легли на спину Ключарева. Надъ городомъ давно поднялось солнце, но здѣсь, въ сыромъ углу огорода, земля была покрыта сѣдыми каплями росы и черной, холодной тѣнью сарая.

— Айда-ка домой! — сказалъ Пушкарь, толкнувъ Матвѣя плечомъ.

Пошли. Улица зыбко качалась подъ ногами, пестрые дома, какъ будто подпрыгивали и присѣдали, на окнахъ блестѣли гримасы испуга, недоумѣнія и лицемѣрной кротости. Въ свѣтлой, чуткой тишинѣ утра тревожно звучалъ укоризненный голосъ Шакира:

— Оттова, что выдумала русска...

— Много ты понимаешь,—ворчалъ Пушкарь.

— Зачѣмъ? Моя—понимаитъ. Мине — жалка. Ну, зачѣмъ нарочна выдумываитъ разные слова то? Нарочно выбираитъ самые страшны слова, какой есть, ай-яй не хоруша дѣла! Самъ боится, другой всѣ пугаитъ...

— Молчи!

— Зачѣмъ буду молчить? — упрямо и ласково говоритъ татаринъ.—Оттова русска скучна живетъ—выдумываетъ себѣ-та! Работа мала. Нарочно выбираетъ ваша русска, котора дума тяжела-та! Самъ знаешь ты — работа не любитъ онъ никакой...

— Отстань, молъ, бѣсъ...

Съ недѣлю времени Матвѣй не выходилъ изъ дома, чувствуя себя оглушеннымъ, какъ будто этотъ выстрѣлъ раздался въ его груди и встряхнулъ въ ней все тревожное и неясное, что почти сложилось тамъ въ жалостное равнодушіе человѣка, побѣжденнаго жизнью безъ битвы съ нею. Впечатлѣнія механически, силою тяжести своей, слагались въ душѣ помимо воли въ прочную и вязкую массу, вызывая печальное ощущеніе безсилія—въ ней легко и быстро гасла каждая мысль, которая пыталась что-то оспорить, чѣмъ-то помѣшать этому процессу поглощенія человѣка жизнью, страшной своимъ однообразіемъ, нищетою своихъ желаній и намѣреній, нудной и горестной окуровской жизнью.

Чтобы разорвать прочныя петли безысходной скуки, которая сначала раздражаетъ человѣка, будя въ немъ звѣря, потомъ, тихонько умертвивъ душу его, превращаетъ въ тупого скота; чтобы не задохнуться въ тугихъ сѣтяхъ города Окурова, потребно непрерывное напряженіе всей силы духа, необходима устойчивая вѣра въ человѣческій разумъ. Но дает только причащеніе къ великой жизни міра, и нужно, чтобы, какъ звѣзды въ небѣ, человѣку всегда были ясны

видимы огни всѣхъ надеждъ и желаній, неугасимо пылающіе на землѣ.

Изъ Окурова не видно такихъ огней.

... Медленно и скучно прошла зима, весною Кожемякина снова ударило горе. Разъ прибѣжала Наталья, тревожно крича:

— Иди-ка, Матвѣй Савельичъ, чего-то Пушкаревъ притомился у насъ!

Солдатъ сидѣлъ въ двери амбара на большомъ клубкѣ отшлихтованнаго каната и, упираясь руками въ полотнище двери, плевалъ на землю кровью, приговаривая:

— Хм-на, — н-на! Какъ будто того, Матвѣй... проштрафился я... н-на... въ грудяхъ чего-то, что ли...

Рабочіе, стоя сзади него, лѣниво попрекали:

— Надо тебѣ было экую тягу ворочать.

— Пошли прочь!—слабо сказалъ солдатъ, вытирая ладонью кровь съ губъ.—Какія дѣла, а? Текётъ, скажи на милость...

Попробовавъ встать на ноги, онъ пошатнулся, едва не упалъ и, сконфуженно качая головою, пробормоталъ:

— На-ка! Пилъ—назадъ съ годъ, а похмелье—вотъ...

Когда его подняли, канатъ оказался облитъ кровью и одежда его влажною. Въ кухнѣ, перекрестясь на образа, онъ вытянулся на лавкѣ, приказавъ рабочимъ:

— Ну, пошли отсюда! Стряпка—принеси-ка мнѣ лёду, я поглотаю малость.

И, оставшись съ глазу на глазъ съ Матвѣемъ, строго заговорилъ, глядя въ темное чело печи.

— Перво-наперво, это крышка мнѣ! Теперь — держись татарина, онъ все понимаетъ, Шакирка! Я те говорю: во звѣряхъ—собаки, въ людяхъ—татаре самое надежное! Береги его, прибавь ему... Охъ, молодъ ты больно! Я было-думалъ, еще годовъ съ пятокъ побѣгаю,—анъ нѣтъ,—вотъ она!

Онъ наморщилъ брови и замигалъ глазами. Съ лавки на полъ тяжко падали капли крови. Наталья принесла ледъ и стала у двери, пригорюнясь.

— Ну,—чего тебѣ? Иди, иди,—ишь ты!

И, когда она ушла, хозяйственно сказалъ:

— Ты ея не тронь, она — ничего баба! Шакиръ ее вышколилъ. Съ бабами—осторожно! Шутки шутками, а тоже онѣ своей цѣны стоятъ! Жениться захочешь, гляди невѣстъ въ слободѣ у насъ, наши хоть и нищія голодныя, а умнѣе здѣшнихъ,—это вѣрно!

Онъ устало завелъ глаза. Лицо его морщилось и чернѣло, словно онъ обугливался, сжигаемый невидимымъ огнемъ.

Крючковатые пальцы шевелились, лежа на колѣнѣ Матвѣя, ихъ движенія вводили въ тѣло юноши холодныя струйки тоски.

— Въ головѣ шумъ,—говорилъ Пушкаревъ,—словно тараканы шуршатъ, н-на... Жениться не торопись: отъ судьбы и на четвереньках не уйдешь...

Матвѣю хотѣлось утѣшать его, но стыдно было говорить неправду передъ этимъ человѣкомъ. Юноша тяжко молчалъ.

— Какъ помру,—сипло и вяло говорилъ Пушкарь,—позови цырюльника, побрилъ бы меня! Поминокъ не дѣлай, не любишь ты нищихъ. Конечно—дармоѣды. Ты вотъ что: останутся у меня племянники—Саватейка съ Зосимой—ты имъ помоги когда! Имъ.

— Ладно ужъ,—съ трудомъ сказалъ Матвѣй.

— Больно-то добръ не будь—сожрутъ до костей! Одѣньте въ мундиръ меня,—какъ надо! Ты не реви...

— Жалко тебя!—всхлипывая, сказалъ Матвѣй.

— Ничего, — сипѣлъ Пушкаревъ, не открывая глазъ.— Мнѣ тоже жалко умирать-то... Про мундиръ не забудь, — въ порядкѣ чтобы мнѣ! Государь Николай Павлыча, можетъ-быть, стрѣчу.

Онъ вдругъ какъ будто вспыхнулъ и отчетливо выговорилъ:

— Семьдесятъ два года безпорочно служилъ,—вездѣ дѣла честно велъ... это у Господа записано! Онъ, Батюшка, превыше царей справедливостью...

Легонько оттолкнувъ Матвѣя, онъ снова ослабѣлъ.

— Что же попа-то нѣтъ? Плохо мнѣ,—иди-ка, пошли Шакира... скорѣе!

Матвѣй выбѣжалъ въ сѣни — въ углу стоялъ татаринъ, закрывъ лицо руками, и бормоталъ. По двору металась Наталья, изъ ея безтолковыхъ криковъ Матвѣй узналъ, что лѣкарь спитъ пьяный, и его не могутъ разбудить. Никольскій попъ уѣхалъ на мельницу, сомовъ ловить, а Варваринскій боленъ—пчелы его искусали такъ, что глаза не глядятъ.

Юноша стоялъ на крыльцѣ и, видя сквозь открытыя двери амбара сѣрыя нити, скучно вытянутыя по пустырю, думалъ: „Теперь мнѣ около этого ходить“.

Ему хотѣлось итти къ Пушкарю, окно кухни было открыто, онъ слышалъ шопотъ солдата и короткія, ноющія восклицанія Шакира:

— Будь покойна, бачка! Моя—вѣрна—аххъ!

Потомъ татаринъ высунулъ изъ окна голову, крикнувъ:

— Касяйнъ!

Солдатъ еще болѣе обуглился, сѣдые волосы на щекахъ и подбородкѣ торчали, какъ иглы ежа, и лицо стало сумрачно-строгимъ. Едва мерцали маленькіе глаза, залитые смертною слезою, пальцы правой руки, сложенные въ крестное знаменіе, неподвижно легли на сердце.

— Не слышитъ!—говорилъ Шакиръ, передвигая тюбетейку съ уха на ухо.—Не двигаитъ рука...

— Матвѣй, ты здѣсь?—спросилъ солдатъ.—Пальцы мнѣ... сложи крестомъ...

— Я сложилъ,—сказалъ Шакиръ.

— Руки на груди... Что же вы попа-то... бѣси...

По полу медленно, темной лентой текла кровь.

„Въ подпечекъ нальется, будетъ пахнуть“, — вздрогнувъ, подумалъ Матвѣй.

Челюсть солдата отваливалась, а губы его все еще шелестѣли, чуть слышно выговаривая послѣднія слова:

— Въ руцѣ Твои... Саватейку съ Зосимой не забудь... Матвѣй... Прощай... Шакиръ-то здѣсь?..

— Тута, бачка, тута!

Татаринъ стоялъ и, глядя на свои ладони, тоже шепталъ что-то, какъ бы читая невидимую книгу.

— Скажи дядѣ, Рахметуллѣ... Спасибо ему за дружбу! Ежели что не ладно—зови его... Матвѣй... Рахметулла — все можетъ, герой... Благодарствую за дружбу! Скажи...

Пришелъ высокій и сѣдой монастырскій батюшка, взглянулъ на умирающаго и ласково сказалъ:

— Ну-те-съ, оставьте насъ...

— Ухъ, какой! — тихонько говорилъ татаринъ Матвѣю, сидя съ нимъ на завалинкѣ. — Сколько есть кровь-та, — до послѣдній капля жилъ...

— Жалко мнѣ его, — сердечно отозвался Матвѣй,—такъ жалко! Отца я не жалѣлъ этакъ-то...

— Я ему мальчишкамъ зналъ-та... теперь такой большой татаринъ—вотъ плачитъ! Онъ моя колѣнкамъ диржалъ, трубамъ игралъ, барабанамъ билъ—бульша двасать лѣтъ прошелъ! Абзей моя, Рахметулла говорилъ: ты русска, крѣпка сердца твоя — татарска сердца, кругла голова —татарска голова—вѣрна! Одинъ Богъ!

Матвѣй взглянулъ на дворника и съ легкой обидой спросилъ:

— Не любите вы русскихъ-то?

— Хоруша—всѣ любитъ, нехоруша—никакой ни любитъ, татаръ прямой! Это—русска никого не любитъ, ни хоруша ни плохой — врать любитъ русска! Пушкарь — прямой, ухъ! Наша народъ простая; она прямой любитъ...

Татаринъ говорилъ долго, но Кожемякинъ не слушалъ его — изъ окна доносился тихій голосъ священника, читавшаго отходную. На крышѣ бубновскаго дома сидѣли, нахохлившись, вороны, грѣясь на солнцѣ.

Потомъ попъ вышелъ на крыльцо, говоря хозяйственно:

— Ну-те-съ, пожалуйте проститься съ отходящимъ въ путь безвозвратный...

Шакиръ крикнулъ рабочимъ; вороны встрепенулись и, наклоняя головы, подозрительно осмотрѣли дворъ. Отовсюду въ кухню собирался народъ, мужики шли, оправляя рубахи, выбирая изъ бородъ кострику и сосредоточенно глядя подъ ноги себѣ.

Войдя въ кухню, Кожемякинъ услыхалъ сдержанныя говоръ Натальи:

— Копеечки бы сейчасъ же на глаза-то наложить, а то — остеклѣютъ, не закроются, другого звать будутъ...

Взглянувъ черезъ плечи людей въ темное лицо усопшаго, молодой хозяинъ тупо прибавилъ:

— Челюсть подвяжите...

Онъ ушелъ на заводъ и долго сидѣлъ тамъ, глядя, какъ бородатый Михайла, пятясь задомъ, шлихтуетъ веревку, протирая ее поочередно то конскимъ волосомъ, то мокрой тряпицей. Мужикъ размахивалъ руками такъ, какъ будто ему хотѣлось итти впередъ, а кто-то толкаетъ его въ грудь и онъ невольно пятится назадъ. Подъ ноги ему подвернулась бобина, онъ оттолкнулъ ее, ударивъ пяткой. Конусъ дерева откатился и, сдѣлавъ полукругъ, снова легъ подъ ноги, и снова Михайла, не оглядываясь отшвырнулъ его, а онъ опять подкатился подъ ноги.

„Дуракъ какой!—подумалъ Матвѣй.—Отшвырнулъ бы въ сторону сильнѣе“.

Назойливо лѣзли въ глаза струны пеньки, изъ нихъ торчала серебряными иглами перебитая кострика. Рабочіе, привязанные къ этимъ сѣрымъ, дрожащимъ линіямъ, обманно уходившимъ въ даль, изрѣдка и нехотя говорили что-то другъ другу, а хозяинъ думалъ:

„Къ чему это мнѣ? Бросить бы да уѣхать куда-нибудь...“

Кроткій весенній день таялъ въ блѣдномъ небѣ, тихо качался прошлогодній жухлый бурьянъ, съ поля гнали стадо, сонно и сыто мычали коровы. Недавно оттаявшая земля дышала сыростью, обѣщая густыя травы и много цвѣтовъ. Билъ бондарь, скучно звонили къ вечерней великопостной службѣ въ маленькій, неубѣдительный, но крикливый колоколъ. Въ монастырскомъ саду копали гряды, былъ слышенъ

молодой смѣхъ и говоръ огородницъ; трещали воробьи, пѣлъ жаворонокъ, а отъ холмовъ за городомъ поднимался легкій голубой парокъ.

Подъ звуками и движеніями жизни явной, чуть слышно, непрерывно трепетало тихое дыханіе мая—шелковый шелестъ молодыхъ травъ, шорохъ свѣжей, клейкой листвы, щелканье почекъ на деревьяхъ, и всюду невидимо играло крѣпкое вино весны, насыщая воздухъ своимъ прянымъ запахомъ. Словно туго натянутыя струны гудѣли въ воздухѣ, повинуясь ласковымъ прикосновеніямъ чьихъ-то легкихъ рукъ, — трепетала надъ землею пѣвучая музыка, вызывая къ жизни первые цвѣты на землѣ, новыя надежды въ сердцѣ.

Юношѣ стало до слезъ грустно за себя и жалко все это скучное, неохотное, мягко разлитое вокругъ и потомъ исчезавшее въ невеселомъ небѣ, низко спустившемся на землю.

„Всѣ уходятъ, — думалось ему съ легкой, какъ туманъ, обидой, вдругъ коснувшейся сердца.—Чуть кто получше—то умретъ, то убѣжитъ, какъ Созонтъ и Марковъ, а то прогонятъ, какъ дьячка...“

Пришелъ Шакиръ и, снявъ шапку, сталъ просить денегъ.

— Ты шапку-то надѣнь!—сердито и сконфуженно сказалъ Матвѣй.—Чего это ты?

Татаринъ слабо усмѣхнулся.

— Не снай. Мѣшать боялся моя—думаитъ ты!..

— Нѣтъ, ужъ ты не бойся! — негромко и дружески сказалъ юноша.—Я самъ всего боюсь тутъ...

— Нисява!—бодро тряхнулъ головою татаринъ.—Не нада скушна думать—все хоруша будитъ! Весна пришелъ... Давай дѣламъ говорить; могилъ копать надо, старикъ землямъ хоронить нада...

... Въ день похоронъ Пушкарева шелъ дождь, и народа собралось немного, даже нищіе полѣнились—не всѣ пришли.

Шакиръ шагалъ стороной, безъ шапки, въ тюбетейкѣ одной, она взмокла, лоснилась подъ дождемъ, и по смуглому лицу татарина текли струи воды. Иногда онъ, поднявъ руки къ лицу, наклонялъ голову, мокрыя ладони блестѣли и дрожали; ничего не видя передъ собою, Шакиръ оступался въ лужи, и это вызывало у людей, провожавшихъ гробъ, непріятныя усмѣшки. Кожемякинъ видѣлъ, что горожане смотрятъ на татарина косо, и слышалъ сзади себя осуждающее ворчаніе:

— Какъ будто не рука это, нехристь, а тоже провожаетъ...

— На кладбище-то. чай, не пустятъ его...

Матвѣй самъ не зналъ, можно ли татарину войти на кладбище, онъ смотрѣлъ на Шакира, обильно поливаемаго теплымъ весеннимъ дождемъ, и думалъ:

„Трудно придется ему...“

А дождь усиливался, оживленнѣе застучалъ по крышамъ, зашелестѣлъ вѣтвями деревьевъ, по дорогѣ еще веселѣе побѣжали ручьи, и громче захлюпала грязь подъ ногами рабочихъ, быстро шагавшихъ, неся легкій, длинный гробъ. Горожане растаяли въ дождѣ, около солдата остались только нищіе да свои.

Положили храбраго солдата Степана Пушкарева въ одной оградѣ съ Палагой. Мокрый угреватый Никольскій попъ наскоро пропѣлъ вѣчную память, дьячокъ погремѣлъ погаснимъ кадиломъ, и оба, подобравъ полы, спѣшно убѣжали въ караулку сторожа. Михайла, Иванъ и Якимъ, торопливо опустивъ гробъ въ яму, начали сбрасывать на него мокрую землю, они сталкивали ее ногами и лопатами, крышка гроба звучала глухо, какъ отсырѣвшій барабанъ. Вмѣстѣ съ землею въ могилу бойко стекали желтые ручьи воды и падали свѣтлыя, крупныя капли съ тонкихъ вѣтокъ березы, съ широкихъ лапъ празднично-нарядной, чисто омытой сосны.

Кожемякинъ плакалъ, ткнувшись головой въ дубовый Палагинъ крестъ.

— Ну, айда домой, Матвѣй Савельичъ! — глухо сказалъ Михайла.—Что̀ ужъ?!

Сквозь слезы и сѣрую сѣть дождя Матвѣй видѣлъ татарина, онъ стоялъ у ограды лицомъ на востокъ, его шапка лежала у ногъ, на травѣ, дождь разбилъ ее въ темный, безформенный комъ.

— Погодимъ,—сказалъ Кожемякинъ, кивнувъ на Шакира.

Всѣ поглядѣли туда, на сѣрую согнутую спину и круглую голову, осѣянную дождемъ.

— Н-да!—промолвилъ Михайла.—Вотъ и не нашей вѣры, а чувствуетъ...

Иванъ задумчиво сказалъ:

— Хорошъ человѣкъ былъ солдатъ. Строгъ, а хорошъ!

Помолчали, поежились, отряхая мокрыя бороды, потомъ Михайла спросилъ:

— Теперь кто приказчикомъ будетъ?

Матвѣй не отвѣтилъ. Тогда Иванъ, тяжело вздохнувъ, безразличнымъ голосомъ молвилъ:

— Намъ—все едино, хоша бы кто...

И всѣ поочередно высказались, не глядя на хозяина и другъ на друга:

— Дѣло зналъ бы...

— Намъ—хоть татаринъ, хоть чувашъ-мордвинъ.

— Все едино...

— Наше дѣло—работай...

Кожемякинъ, чувствуя за притворнымъ равнодушіемъ словъ неумѣло скрытыя надежды и назрѣвающую обиду, думалъ:

„Трудно будетъ Шакиру,—труднѣе, пожалуй, чѣмъ мнѣ...“

Домой онъ шелъ рядомъ съ татариномъ, а рабочіе шагали сзади. Порою кто-нибудь громко фыркалъ, сдувая капли дождя съ бороды и усовъ...

Съ этого дня Кожемякинъ зажилъ такъ, какъ будто поѣхалъ на розвальняхъ по зимней, гладко укатанной дорогѣ Далекій, однообразный путь безцѣленъ и наводитъ равнодушную дремоту, убаюкивая мысли, усыпляя рѣдкія, мимолетныя тревоги. Иногда встряхнетъ на ухабѣ, подкинетъ на раскатѣ,—вздрогнетъ человѣкъ, лѣниво подниметъ голову и, сонно осмотрѣвъ привычный путь, давно знакомыя мѣста, снова надолго задремлетъ.

Въ душѣ, какъ въ землѣ, покрытой снѣгомъ, глубоко лежатъ сѣмена недодуманныхъ мыслей и чувствъ, не успѣвшихъ расцвѣсть. Сквозь толщу лѣниваго равнодушія и печальнаго недовѣрія къ силамъ своимъ, въ тайныя глубины души незамѣтно проникаютъ новыя зерна впечатлѣнія бытія, скопляются тамъ, тяготятъ сердце и чаще всего умираютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, не дождавшись свѣта и тепла, необходимаго для роста жизни и внѣ и внутри души.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Съ недѣлю сѣялъ мелкій спорый дождь, шуршалъ по крышѣ, сѣкъ деревья, вздыхалъ и плакалъ; переставалъ на часъ, два и—снова сыпался мелкой пылью.

Городъ взмокъ, распухъ и словно таялъ, всюду лѣниво текли ручьи, захлебнувшаяся земля не могла болѣе поглощать влагу и вся въ заплатахъ лужъ, въ сѣрыхъ нарывахъ пузырей, стала подобна грязному рубищу больной нищей. А когда вѣтеръ покрывалъ лужи рябью, то казалось, что гнилыя лохмотья сами собою рвутся.

Солнце точно погасло, свѣтъ его расплылся по землѣ сѣрой, жидкой мутью, и трудно было понять, какой часъ дня проходитъ надъ пустыми улицами города, молча утопавшими въ грязи. Но порою—часъ и два, въ синевато-сѣромъ небѣ жалобно блестѣло холодное, безформенное пятно, — старухи называли его „солнышкомъ покойничковъ“

Матвѣй Кожемякинъ сидѣлъ у окна, скучно глядя, какъ въ саду дождь сбиваетъ съ деревьевъ послѣдніе листья; падая, они судорожно прыгаютъ на холодой чешуѣ ручья.

Вошелъ Шакиръ и сказалъ, оскаливъ зубы:

— Варыня съ мальчикой кухнямъ сыдитъ, мокрый оба вся.

— Кто такая?—удивленно спросилъ Матвѣй.

— Не знай. Три день квартирамъ искалъ—нѣтъ его.

— Гдѣ тутъ квартиры!

Шакиръ передвинулъ тюбетейку со лба на затылокъ, потрогалъ пальцемъ сѣдые концы усовъ и предложилъ:

— Давай ей чердакъ, пустой онъ, куда его? Мальчика бульно веселый!

— Ну что̀ жъ, давай, — не думая, согласился хозяинъ.— Годится ли для жилья-то?

— Самъ увидитъ!..

— Никогда на немъ не жили. Матушка тамъ жила, — да я этого и не помню...

— Возьмемъ рубъ! — сказалъ татаринъ и, подчигнувъ, ушелъ.

А Кожемякинъ подумалъ:

„Лишнее это...“

Мысли его, маленькія, полуживыя и робкія, всегда сопровождались какими-то тѣнями: являлась мысль и влекла за собою нѣчто, лѣниво отрицавшее ее. Кожемякинъ привыкъ къ этому и никогда не зналъ, на чемъ онъ остановится въ медленномъ ходѣ этихъ думъ, словно чужихъ ему и скользившихъ надъ поверхностью чего-то плотнаго и неподвижнаго, что̀ молча отрицало всю его жизнь, никогда и ничего не подсказывая въ замѣну. Онъ слышалъ, какъ надъ его головою топали, возились, и соображалъ:

„Постоялка, словно болѣзнь, неожиданно. Коли молодая—сплетни, конечно, пойдутъ. Мальчонка кричать будетъ, камнями лукаться и стекла побьетъ... Къ чему это?“

Снова явился Шакиръ, весело сказавъ:

— Сдалъ за рубъ!

— Только скажи—тихо жили бы, хозяинъ, молъ, шуму не любитъ...

— Они—смирны!—увѣренно воскликнулъ татаринъ и тихонько усмѣхнулся, а Кожемякинъ подумалъ:

„Чего онъ веселится?“

На другой день, за утреннимъ чаемъ, Наталья, улыбаясь, сказала:

— Ой, Матвѣй Савельичъ, и чудна, видать, стоялка-то, ужъ вотъ чудна!

Шакиръ, вскинувъ голову, дробно засмѣялся, его лицо покрылось добрыми, мелкими морщинками, онъ наклонился къ хозяину и, играя пальцами передъ своимъ носомъ, выговорилъ, захлебываясь смѣхомъ:

— Зубу щеткамъ чистилъ!

— Ну-у?—изумленно и не вѣря протянулъ Матвѣй.

— А ей-Богу!—торопливо воскликнула Наталья.—Съ мѣломъ, мѣлъ у нея въ баночкѣ!

— Болятъ зубы-то, можетъ?—заинтересовался хозяинъ.

— Не-е, не жалилась...

И, улыбаясь во всю ширину откормленнаго, плутоватаго лица, Наталья скороговоркой продолжала:

— Видать—дальняя она и обычая особаго, великатная такая, все — пожалуйста, да все на вы! Принесла я воды ведро—благодаритъ, благодарю-де васъ, я-де сама бы взяла, не безпокойтесь вдругорядь, пожалуйста!

— Красивая?—задумчиво освѣдомился Кожемякинъ.

— Ничего будто. Плечики-те кругленькія, да и грудь ровно бы у дѣвушки. Изъ лица сурьезная, а усмѣшка — пріятная, ласковенькая.

— Молодая, значитъ...

— По сыночку судя—годовъ двадцати пяти, а можетъ, и осьми. Откуда бы такая?

Вздохнувъ, Наталья добавила:

— Жалостная. А имѣнья всего на все—двѣ корзинки да сундучокъ кожаный, съ мѣдными бляшками.

Въ окно толкался вѣтеръ, брызгая дождемъ, на дворѣ плачевно булькала вода, стекая въ кадки подъ капелью; Шакиръ, довольно улыбаясь, громко схлебывалъ чай, сладкій голосъ Натальи пѣлъ какія-то необычныя слова — Кожемякинъ оглядывался вокругъ, чувствуя непонятное безпокойство.

— Богъ съ ней!—сказалъ онъ, опустивъ глаза. — Пускай живетъ, лишь бы тихо. А мальчонка что̀?

— Ласковенькой: вошла я, а онъ мыломъ намазанъ, кричитъ—здравствуйте, какъ васъ зовутъ? Право!

— Ну, коли они ласковы, и мы съ ними ласковы будемъ:— заявилъ хозяинъ съ добрымъ чувствомъ въ груди.

Шакиръ утвердительно кивнулъ головой, а Наталья, словно устыдившись чего-то, проговорила:

— Вотъ только зубы-то,—больно смѣшно! Сунула въ ротъ щеточку костяную и елозитъ, и елозитъ по зубамъ-то,—какъ щеку не прободетъ? Долго ли?

Кожемякинъ крѣпко, до слова запомнилъ весь этотъ разговоръ, тихо всколыхнувшій давній сонъ его души.

Послѣ обѣда въ небѣ явились свѣтло-синія пятна, отражаясь въ устоявшейся водѣ лужъ на дворѣ. И вотъ—передъ самой большой лужей сидитъ на корточкахъ вихрастый остроносый мальчикъ, гоняя прутомъ чурку по водѣ, и что-то кричитъ, а вода морщится, будто смѣясь въ лицо ему.

Матвѣй тихонько открылъ окно,—въ комнату влетѣлъ звонкій, срывающійся голосъ:

Не во снѣ ли вижу я,
Аль горя-чая молитва
Доле-тѣла до царя?

У крыльца, склонивъ голову на бокъ и пощипывая бороду, стоялъ Шакиръ, а въ дверяхъ амбара качалась кривобокая фигура дворника Маркуши. Прячась за косякъ, Матвѣй Савельевъ смотрѣлъ на складную фигурку мальчика и думалъ:

„Худоватъ, ножонки-то жидкія; я въ эту пору не таковъ былъ, поди-ка,—сытѣе гораздо!“

Воспоминаніе о себѣ поднялось въ груди теплой волной, приласкало и растаяло. Мальчикъ всталъ, вытеръ руки о штаны, подтянулъ ихъ и — снова запѣлъ, еще отчетливѣе разрубая слова:

Ахъ, ты, во-оля, моя во-оля...

Наскоро подсучилъ штанины, храбро шагнулъ въ лужу красными, какъ гусиныя лапы, ногами и продолжалъ глубочайшимъ басомъ:

Зо-ло-тая ты мо-оя!

Лѣвая штанина стустилась въ воду, пѣвецъ прыгнулъ изъ лужи и, поскользнувшись, сталъ на четвереньки.

— Ахъ, язва!—крикнулъ онъ, отряхая грязь съ растопыренныхъ пальцевъ.

Матвѣй Савельичъ высунулся изъ окна и сочувственно замѣтилъ:

— Заругаетъ теперь мамаша-то...

Снова присѣвъ на корточки, мальчикъ полоскалъ руки въ водѣ и, поднявъ вверхъ темнобровое, осыпанное свѣтлыми вихрами лицо, успокоительно улыбаясь, отвѣтилъ:

— Ничего!

— Тебя какъ звать?

— Боря. А васъ?

— Мотя.

Кожемякинъ поднялъ руку къ лицу, желая почему-то скрыть улыбку, нащупалъ бороду и сконфуженно поправился:

— Дядя Матвѣй,—Матвѣй Савельевъ...

Сунувъ руки въ карманы штанишекъ, мальчикъ, прищурясь, спросилъ:

— Это вы и есть хозяинъ?

— Я самый. А что?

— Такъ!—сказалъ Боря.

Но, подумавъ, добавилъ:

— Толстый вы, однако!

— Ты еще, значитъ, не видалъ настояще толстыхъ-то!

— Ну-у!—сказалъ Боря, усмѣхаясь. — Не ви-идалъ! Еще какихъ! У насъ въ Каинскѣ...

— Гдѣ это?

— Въ Каинскѣ. Вы не знаете?

— Это какой губерніи?

Мальчикъ учительски поправилъ его:

— Это не въ губерніи, а въ Сибири...

Кожемякинъ раздвинулъ банки съ цвѣтами, высунулся изъ окна до половины, оглянувъ дворъ: Шакиръ ушелъ, Маркуша, точно медвѣдь, возился въ сумракѣ амбара.

— Зачѣмъ же въ Сибири?—негромко спросилъ онъ.

Мальчикъ недоумѣнно поглядѣлъ на него и, широко улыбаясь, сказалъ:

— Смѣшной какой вы! Такъ ужъ выстроили городъ — въ Сибири. Вашъ городъ—здѣсь выстроили, а тотъ—тамъ вотъ и все!

— Это вѣрно!—торопливо согласился Кожемякинъ. — Гдѣ поставили городъ, тамъ онъ и стоитъ. Грамотный ты?

— Конечно!—отвѣтилъ Боря, пожимая плечами.

— И я вотъ тоже! — сообщилъ Кожемякинъ, а его собесѣдникъ поднялъ прутъ съ земли и взглянулъ въ небо, откуда снова сѣялась мокрая пыль

— Борисъ!—крикнулъ свѣтлый и холодный голосъ. — Ты бы шелъ въ комнату,—дождь!

— Ну, какой это дождикъ!

На крыльцѣ стояла высокая женщина въ темномъ платьѣ, гладко причесанная, блѣдная и строгая, точно монахиня. Было въ ней также что-то общее съ ненастнымъ днемъ — печальное и настойчивое. Она видѣла Кожемякина въ окнѣ и, навѣрное, догадалась, что онъ хозяинъ дома, но—не поклонилась ему.

— Иди, не спорь, пожалуйста!—сказала она.

„Пожалуйста!—подумалъ Кожемякинъ, закрывая окно.— Сыну-то,—пожалуйста?..“

Короткій день осени быстро таялъ въ сырой мглѣ. Въ переплетѣ оконной рамы стучалась голая вѣтка рябины; вѣтеръ взмывалъ, кропя стекла, мелкими слезами, сквозь стѣны просачивался плачевный шопотъ.

Тринадцать разъ послѣ смерти храбраго солдата Пушкарева плакала осень; ничѣмъ не отмѣченные другъ отъ друга, пустые годы прошли мимо Кожемякина тихонько одинъ за другимъ, точно темные странники на богомолье, не оставивъ ничего за собою, кромѣ спокойной, привычной скуки — такъ привычной, что она уже не чувствовалась въ душѣ, словно хорошо разношенный сапогъ на ногѣ.

А сегодня скука стала безпокойна. Точно сѣрые пузыри на лужахъ, въ головѣ являлись неожиданныя и сердитыя мысли: хотѣлось пойти на чердакъ и спросить эту женщину:

— Ты—кто такая? Почему изъ Сибири? Зачѣмъ говоришь сыну-ребенку пожалуйста? А зубы мѣломъ чистишь—зачѣмъ?

Матвѣй ходилъ въ сумеркахъ по комнатѣ и какимъ-то маленькимъ, внезапно проснувшимся кусочкомъ души понималъ, что все это вопросы глупые и даже обидные для человѣка. Охотнѣе и легче думалось о мальчикѣ.

— Боекъ! Я въ его годы,—такой ли я былъ?

Этотъ мальчикъ какъ будто толкнулъ красной отъ холода, мокрой рукой застоявшееся колесо воспоминаній, оно нехотя повернулось и вотъ—медленно кружится, разматывая сѣрую ленту прожитаго. Мягко шаркая по полу войлочными туфлями, онъ дошелъ въ воспоминаніяхъ до Палаги, и мысль снова обратилась къ постоялкѣ.

— Чиновница, видно, гордая, не поклонилась...

Вошла Наталья, тихо спрашивая:

— Засвѣтить огонь-отъ?

— Погоди. Самъ засвѣчу.

Вздохнувъ, она разсказала, что, когда на чердакѣ затопили печь,—весь дымъ повалилъ въ горницу, такъ что постоялка съ сыномъ на полъ легли, чтобы не задохнуться.

— Сошли бы сюда!—хмуро сказалъ хозяинъ.—Не укушу, можетъ.

— Шакиръ полѣзъ на крышу, а въ трубѣ-то воронье гнѣздо...

— Что̀ мудренаго? Чай, тамъ не топили печку-то...

Наталья снова вздохнула и, опустивъ голову, виновато сказала:

— Будочникъ пришелъ...

— Почто?

— Не знаю. А въ родѣ какъ насчетъ стоялки...

— Ну вотъ,—заворчалъ Кожемякинъ, — выдумали вы съ Шакиромъ, тоже...

Онъ, не торопясь, вышелъ на кухню, но будочника уже не было. На столѣ горѣла лампа, стоялъ деревянный ковшъ,

отъ него пахло пивомъ. Шакиръ сидѣлъ у стола и щелкалъ пальцами по ручкѣ ковша, а Наталья, спрятавъ руки подъ фартукъ, стояла у печи, — было сразу видно, что оба они чѣмъ-то испуганы. И Матвѣй испугался, когда они, торопливо и тихо, разсказали ему, что полиція приказываетъ смотрѣть за постоялкой въ оба глаза,—женщина эта не можетъ отлучаться изъ города, а тѣ, у кого она живетъ, должны доносить полиціи обо всемъ, что̀ она дѣлаетъ и что̀ говоритъ.

Это грозило какими-то невѣдомыми тревогами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждало любопытство, а оно, обтачиваясь съ каждымъ словомъ, становилось все требовательнѣе и острѣе. Всѣ трое смотрѣли другъ на друга, недоумѣнно мигая, и говорили вполголоса, а Шакиръ даже огня въ лампѣ убавилъ.

„За что ее?“—напряженно соображалъ Матвѣй.

Шакиръ догадывался:

— Деньга фальшивы?

Но Наталья сказала:

— Не похоже, будто...

— Почемъ намъ знать, кто на что похожъ? — тихо замѣтилъ Кожемякинъ.

— Можетъ, съ мужемъ сдѣлала чего?—вслухъ думала Наталья.—Лицо у ней строговато,—пирожокъ, можетъ, спекла?

— Молчай!—приказалъ Шакиръ.

Полиція у всѣхъ окуровцевъ вызывала одинаково сложное чувство, передающееся наслѣдственно отъ поколѣнія къ поколѣнію: ее ненавидѣли, боялись и—подобострастно льстили ей, не понимали, зачѣмъ она нужна, и назойливо лѣзли къ ней во всѣхъ случаяхъ жизни. И теперь, говоря о постоялкѣ, всѣ думали о полиціи

— Сказали ей про будочника?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ.

— Надобно сказать.

— Вѣрно!—согласился Шакиръ.—Мы ее какъ знаемъ? А полицію ай-яй хорошо знаемъ!

Наталья засуетилась:

— Бабочка одинокая, безъ мужа, кто ихъ разберетъ, чего имъ отъ ней надо? Женщинка молодая. Инъ, пойду, скажу...

Кожемякинъ задумался.

— Погоди! Ставь-ка самоваръ скорѣй! Подь со мной, Шакиръ...

Придя въ горницу, онъ зажегъ лампу и, чувствуя себя рѣшающимъ важное дѣло, впушалъ татарину:

— Намъ—одинаково, что̀ полиція, что̀ неизвѣстный человѣкъ. Мы желаемъ жить, какъ жили—тихо! Вотъ я позову ее

и спрошу: что̀ такое? И ежели окажется, что что-нибудь, ну,—тогда пускай очиститъ насъ...

— Ну да!—скучно сказалъ Шакиръ, оправляя половики, а потомъ выпрямился и, вздохнувъ, ушелъ.

Кожемякинъ сталъ передъ зеркаломъ, въ мертвомъ стеклѣ отражалось большелобое, пухлое лицо; русая борода, сжимая, удлиняла его правильный кругъ, голубые, немного мутные глаза освѣщали разсѣяннымъ, невеселымъ свѣтомъ. Ему не нравилось это лицо, онъ всегда находилъ его пустымъ и, несмотря на бороду,—бабьимъ. Сегодня на немъ—въ глазахъ и на распустившихся губахъ—появилось что-то новое и тоже непріятное.

„Она, поди-ка, не на много моложе меня?“ — вдругъ и опасливо подумалъ онъ.

Наталья внесла самоваръ.

— Поди,—приказалъ онъ негромко,—скажи ей—хозяинъ, молъ, проситъ, — вѣжливо, гляди, скажи! Проситъ, молъ, сойдите... пожалуйста! Да. Будто ничего не знаешь, ласковенько такъ! Намъ обижать людей не къ чему...

Наталья ушла, онъ одернулъ рубаху, огладилъ руками жилетъ и, стоя среди комнаты, сталъ прислушиваться: вотъ по лѣстницѣ четко стучатъ каблуки, отворилась дверь, и вошла женщина въ темной юбкѣ, клѣтчатой шали, гладко причесанная, высокая и стройная. Лобъ и щеки у нея были точно вылѣплены изъ снѣга, брови нахмурены, между глазъ сердитая складка, а подъ глазами тѣни утомленія или печали. Смотрѣть въ лицо ей—неловко, Кожемякинъ поклонился и, не поднимая глазъ, сталъ двигать стулъ, нерѣшительно, почти виновато говоря:

— Здравствуйте, сударыня! Пожалуйста, вотъ — чайку не угодно ли, не сочтите за обиду, чашечку!

— Благодарю васъ...

Теперь голосъ ея звучалъ теплѣе и мягче, чѣмъ тогда, на дворѣ. Онъ взглянулъ на нее, — и лицо у нея было другое, нѣтъ складки между бровей, темные глаза улыбаются.

„Вотъ она, баба, — мелькомъ подумалъ онъ, — разбери, какая она!“—И, смущенно покашливая, спросилъ ея имя.

— Евгенія Петровна Мансурова, — раздѣльно выговорила постоялка и вдругъ сама, первая, сказала, улыбаясь:

— Паспорта у меня нѣтъ, но — вы не безпокойтесь, я — подъ надзоромъ полиціи, и начальство уже знаетъ, что я буду жить у васъ.

Эти ясно сказанныя слова ошеломили Кожемякина, онъ даже вспотѣлъ и не сразу, растерянно молвилъ:

— Ничего-съ...

Въ головѣ у него прыгали и стучали въ виски пугливыя мысли:

„Будетъ у меня жить — приказано ей, что ли, отъ начальства? Можетъ, на зло мнѣ, али на смѣхъ? А будочникъ какъ же?“

Она еще говорила о чемъ-то, но слова ея звучали незнакомо, и вся она съ каждой минутой становилась непонятнѣе, смущая одичавшаго человѣка свободою своихъ движеній и беззаботностью, съ которой относилась къ полиціи.

— Тепло какъ у васъ! — слышалъ онъ и, чтобы не ошибиться въ смыслѣ ея словъ, повторялъ ихъ про себя.

— Я люблю, чтобы тепло было...

— А чѣмъ это такъ славно пахнетъ?

— Медомъ-съ,—липовый медъ, соты!—тыкая пальцемъ въ столъ, говорилъ Кожемякинъ, упорно разсматривая самоваръ, окутанный паромъ. И неожиданно для себя предложилъ: — Вы бы медку-то взяли,—для сына?

— Спасибо!—сказала женщина какъ-то особенно звонко.— Къ нему пришелъ этотъ вашъ татаринъ — славный онъ у васъ, должно-быть?

Это было понятно ему.

— Четырнадцать лѣтъ живетъ, — облегченно вздохнувъ, сообщилъ онъ. — Очень честный! Татары очень честные, — будто и не наемный, а свой...

Шаль спустилась съ круглыхъ плечъ женщины, и стало видно, что гладкіе волосы ея заплетены въ толстую косу, а въ конецъ косы вплетена черная лента.

„Не дѣвица, а съ косой“, — мимолетно подумалъ онъ, наливая чай

Улыбка женщины была какая-то медленная и скользящая: вспыхнувъ въ глубинѣ глазъ, она красиво расширяла ихъ, вздрагивали, выпрямляясь, сведенныя морщиною брови, потомъ изъ-подъ чуть приподнятыхъ губъ весело блестѣли мелкіе бѣлые зубы; все лицо ласково свѣтлѣло, на щекахъ появлялись славныя ямки, и тогда эта женщина напоминала Матвѣю когда-то знакомый, но стертый временемъ образъ.

„На Палагу никакъ не похожа, — думалъ онъ, — а на кого-то похожа?“

Но вотъ улыбка скользнула съ лица, снова морщина свела брови, губы плотно сжались, и передъ нимъ сидитъ чужой, какъ-то даже не напоминающій женщину, строгій человѣкъ, вызывая смутную тревогу.

„Чего бы ей сказать? — соображалъ Кожемякинъ, двигая

по столу тарелку съ лепешками и пряниками.—Улыбнулась бы еще...“

И предлагалъ глухимъ голосомъ:

— Вотъ, откушайте домашняго печенья...

— Спасибо!—ласково кивнувъ головой, молвила она, взявъ лепешку. Кисти рукъ у нея были узенькія, лодочкой, и, когда она брала что-нибудь, тонкіе пальцы обнимали вещь дружно, ласково и крѣпко.

— Итакъ, — снова заговорила она, — васъ все это не касается, бѣжать я не собираюсь...

„Это о чемъ же она? — безцеремонно уставивъ на нее глаза, догадывался Матвѣй.—Вотъ опять улыбается!“

— Бѣжать — зачѣмъ?—сказалъ онъ, словно упрашивая.— Бѣжать тутъ некуда, болота, лѣса все. У насъ — хорошо. Весной, конечно, хорошо-то. Лѣтомъ тоже. Мальчику вашему понравится. Рыба въ рѣчкѣ есть. Птицъ ловить будетъ. Грибовъ—числа нѣтъ! На телѣгахъ ѣздятъ по грибы-то...

— А гимназіи у васъ нѣтъ вѣдь?

— Это — училище?

— Да.

— Училище — есть.

— Сколько классовъ?

— Три... кажись.

— Это не гимназія...

Матвѣй вздохнулъ, стало немного досадно, что въ Окуровѣ нѣтъ гимназіи.

— Глухо у васъ! — молвила женщина, тоже вздыхая, и начала разсказывать, какъ она, остановясь на постояломъ дворѣ, четыре дня ходила по городу въ поискахъ квартиры и не могла найти ни одной. Вездѣ ее встрѣчали обидно-грубо и подозрительно, разспрашивали, кто она, откуда, зачѣмъ пріѣхала, что̀ хочетъ дѣлать, гдѣ мужъ?

— Такъ страшно, точно я не русская или попала въ чужую страну, говорю непонятнымъ языкомъ, и всѣ меня боятся!

Это было понятно ему, сближало съ нею, будило сочувствіе.

„Какъ разно улыбается!“ — отмѣтилъ онъ и, опустивъ глаза, спросилъ:

— А гдѣ у васъ супругъ-то?

Окинувъ его внимательнымъ взглядомъ, она кратко отвѣтила:

— Умеръ.

И ему показалось, что это слово, всегда печальное, сегодня лишено своего тяжелаго смысла.

— Простудился и умеръ, — внятно повторила она.—Тамъ очень холодно, въ Сибири...

— Онъ тамъ должность имѣлъ?

Приподнявъ плечи, женщина просто сказала:

— Да нѣтъ же! Я вамъ говорю,—мы сосланы были, понимаете? Въ ссылкѣ...

И прибавила еще какое-то, никогда не слыханное слово. Матвѣй сѣлъ на стулѣ плотнѣе.

— За что же-съ?

Кусая губы, она накинула на плечи шаль, оглянула комнату и тоже спросила строго и вѣско:

— Вы знаете, что̀ такое политика? Политическое преступленіе?

— Н-нѣтъ,—сказалъ Кожемякинъ, съежившись и опуская глаза подъ ея взглядомъ, тяжелымъ, точно отталкивавшимъ его.

— Ну, это я вамъ въ другой разъ объясню! — слышалъ онъ. Снова ея рѣчь звучала ласковѣе и мягче.—А теперь— до свиданья! Спасибо вамъ. Право, не знаю, что̀ стала бы я дѣлать, если бы вы не сдали мнѣ уютный вашъ чердачокъ!

Уходя, она еще улыбнулась, и это нѣсколько успокоило тревогу, снова поднятую въ немъ пугающими словами—Сибирь, ссылка, политическое преступленіе. Особенно многозначительно было слово „политика", онъ слышалъ его въ связи съ чѣмъ-то страшнымъ и теперь напряженно вспоминалъ,— когда и какъ это было?

Онъ чувствовалъ себя усталымъ, какъ будто бесѣда съ постоялкой длилась цѣлые часы, сидѣлъ у стола, вскинувъ руки и крѣпко сжимая ладонями затылокъ, а въ памяти назойливо и зловѣще, точно осенній вѣтеръ, свистѣли слова: Сибирь, ссылка. Но гдѣ-то подъ ними тихо росла ласковая дума:

„Подбородокъ у ней — будто просфора. И ямка на немъ дѣтская, куда ангелы дѣтей во снѣ цѣлуютъ. А зубы бѣлые какіе,—на что она ихъ мѣломъ-то?"

Вдругъ его тяжко толкнуло въ грудь и голову темное воспоминаніе: нѣсколько лѣтъ назадъ, вечеромъ, въ понедѣльникъ, день будній, на колокольняхъ города вдругъ загудѣли большіе колокола. Въ монастырѣ колоколъ кричалъ торопливо, точно кликуша, и казалось, что бьютъ набатъ, а у Николы звонарь билъ неровно: то съ большою силой, то едва касаясь языкомъ мѣди; мѣдь всхлипывала, кричала.

Матвѣй выбѣжалъ за ворота, а Шакиръ и рабочіе бросились кто куда, влѣзли на крышу смотрѣть, гдѣ пожаръ, но зарева не было и дымомъ не пахло, городъ же былъ охваченъ вихремъ тревоги: отовсюду выскакивали люди, бросались

другъ ко другу, кричали, стремглавъ бѣжали куда-то, пропадая въ густыхъ хлопьяхъ весенняго снѣга.

Кто-то скакалъ на черномъ конѣ къ монастырю и, протянувъ впередъ руку, неистово оралъ:

— Пере-еста-ать! Не зво-они-и!

А у Николы звонили все гуще и мрачнѣе.

На бѣгу люди догадывались о причинѣ набата: одни говорили, что ограблена церковь, кто-то крикнулъ, что отецъ Виталій померъ въ одночасье, а старикъ Чапаковъ, отставной унтеръ, разсказывалъ, что Наполеоновъ внукъ снова собралъ дванадесять языкъ, перешелъ границы и Петербургъ окружаетъ. Было страшно слушать эти крики людей, невидимыхъ въ густомъ мѣсивѣ снѣга, и всѣ слова звучали правдоподобно.

— Рѣки-чу вскрылись не во-время! — говорилъ кто-то позади Матвѣя, безнадежно и густо. — Потопъ наступаетъ, слышь...

— Кто говоритъ?

— Депеша пришла!

— Намъ потопъ не тревога—мы высоко живемъ...

Въ сумракѣ вечера, въ мутной мглѣ падающаго снѣга голоса звучали глухо, слова падали на голову точно камни; появлялись и исчезали дома, люди; казалось, что городъ сорвался съ мѣста и поплылъ куда-то, покачиваясь и воя.

Вотъ старикъ Базуновъ, его вели подъ руки сынъ и зять; безъ шапки, въ неподпоясанной рубахѣ и черномъ чапанѣ поверхъ нея, онъ сталъ какъ-то сразу всѣмъ поперекъ дороги и хриплымъ голосомъ объявилъ на весь городъ:

— Чего зря лаете? Али не слышите по звону-то—государь Александра Миколаичъ душу Богу отдалъ? Сымай шапки!

Всѣ вдругъ замолчали, и стало менѣе страшно итти по улицамъ среди темныхъ и нѣмыхъ людей.

Потомъ Кожемякинъ стоялъ въ церкви, слушалъ, какъ священникъ, всхлипывая, читалъ бумагу про убійство царя, и навсегда запомнилъ важныя, печальныя слова:

— „Неисповѣдимыя велѣнія Промысла—свершились...“

Было въ этихъ словахъ что-то отдаленно-знакомое, многообразно связанное со всею жизнью.

Его очень безпокоилъ Шакиръ, онъ тоже стоялъ въ церкви, трясъ головой и мычалъ, точно у него болѣли зубы—Матвѣй боялся, какъ бы окуровцы не замѣтили и не побили татарина.

Но церковь была почти не освѣщена, только въ алтарѣ да предъ иконами особо чтимыми разсѣянно мерцали свѣчи и лампады, жалобно бросая желтыя пятна на черные лики. Сырой мракъ давилъ людей, лицъ ихъ не было видно, они

плотно набили храмъ огромнымъ, безглавнымъ, сопящимъ тѣломъ, а надъ ними, на амвонѣ, точно въ воздухѣ, слѣпо качалась темная фигура священника.

Изъ церкви Матвѣй вынесъ тупое недоумѣніе и боль въ головѣ, точно онъ угорѣлъ. Стояли безъ шапокъ въ оградѣ церкви, Шакиръ чесалъ грудь, чмокалъ и нылъ.

— Засѣмъ эта? Ай-яй, какой людя, озорства всегда...

— Молчи-ка! — сказалъ Кожемякинъ.—Слушай, чего говорятъ...

Говорили многіе и разно, но всѣ одинаково угрюмо, негромко и неувѣренно.

— Поди—англичанка подкупила...

— Турки тоже...

— И турки! Они — могутъ.

— Побилъ онъ ихъ!

— Обижены, нехристи!

— Ой, Шакиръ, гляди, привяжутся къ тебѣ! — шепнулъ Кожемякинъ татарину.

А тотъ разсердился:

— Я—турка? Мы Россіямъ живемъ, мы—своя люди, что ты?

И все плылъ, понижаясь, тихій, задумчивый гулъ:

— Не впервой вѣдь насыкались они на него...

— Кто?

— А эти...

— Кто—эти?

— Ну, а я почемъ знаю? Спроси полицію, это ей знать!

— Достигли!

Вдругъ чей-то высокій голосъ крикнулъ, бодро и звонко:

— Теперь, обыватели, перемѣны надо ждать!

И тотчасъ многіе голоса подхватили съ надеждой:

— Конечно ужъ...

— Перемѣны... н-да-а...

— Послѣ Николай Павлыча были перемѣны...

— Какъ же! Откупа, первое...

— Н-да-а...

— Не дай Богъ!

— Мужиковъ изъ крѣпости вывелъ...

— Рекрутчина общая...

— Н-да! Рекрутчина...

— Это тоже многихъ подшибло!

— А на фитанцахъ какъ нажились иные?

— Не дай Господи, какъ пойдетъ ломка опять!

Гдѣ-то сзади Матвѣя гулко и злорадно взревѣли:

— Господишки это, дворянишки все, политика это, тѣсно,

вишь, имъ: Политика, говорю, сдѣлана! Изъ-за мужиковъ они, чтобъ опять крѣпость установить...

— Вѣр-рно!—хрипло закричалъ Базуновъ.—Дворяне! Политика сдѣлана-а!

И человѣкъ двадцать именитыхъ гражданъ, столкнувшись въ кучу, галдѣли вперебой о дворянахъ, о жадности ихъ, мотовствѣ и жестокости, о гордости и всѣхъ порокахъ нелюбимаго, издревле враждебнаго сословія господъ.

— А самъ—какой?—ворчалъ Шакиръ.

— Праведники! — тихо отозвался Кожемякинъ. — Айда домой!

И пора было уходить: уже кто-то высокій, въ лохматой шапкѣ, размахивалъ рукою надъ головами людей и оралъ:

— Стой, мерзавецъ! Ты кто? Городовой!.. Я тебѣ покажу, крамольникъ! Возьми его, Захаръ! Ты кто, старякъ, а? Б-базуновъ? Ага!

Кожемякинъ съ Шакиромъ отошли шаговъ на десять, и густой снѣгъ погасилъ воющіе голоса людей; на улицѣ стало тихо, а все, что̀ слышали они, точно скользнуло прочь изъ города въ молчаніе бѣлыхъ полей.

Но сегодня, сейчасъ вотъ, все это вновь возвратилось, памятное и сжатое, стало передъ глазами сохранно, какъ написанное пылающими красками на стѣнѣ церкви, грозило и наполняло страхомъ, внушая противорѣчивыя мысли.

„Пусть уѣдетъ, Богъ съ ней! Надо, чтобы она не говорила никому про это. На что она мнѣ то сказала? Полиція знаетъ,—а мнѣ что̀? Сынъ про царя поетъ—родимый, голубчикъ—про царя! А мать—вонъ оно что̀! Куда теперь ѣхать ей? Нѣту здѣсь квартиръ, и были бы, не пустятъ ее,—побить даже могутъ. Это—какъ разъ! Господи...“

Вошла Наталья, весело спрашивая:

— Убирать самоваръ-отъ?

— Пошли Шакира скорѣе!..

И Шакиръ пришелъ веселый.

— Чего скалишь зубы-то? Сядь-ка...

Татаринъ сѣлъ, потряхивая головою и улыбаясь.

— Знаешь,—тихо заговорилъ Кожемякинъ,—за что она въ Сибири-то была? Помнишь — царя убили? Она изъ этихъ людей...

Шакиръ отрицательно потрясъ головой.

— Нѣтъ, она четыръ годы раньше Сибирямъ ѣхалъ...

И, не ожидая возраженій хозяина, оживленно продолжалъ:

— Борка все знайтъ, ухъ, какой мальчика! Хорошій людя, — ухъ!

— Чѣмъ?—спросилъ Матвѣй, и не вѣря и радуясь.

— Ухъ, все, оченъ!

— Да ты не ухай,—ты толкомъ скажи!

Татаринъ махнулъ рукой и засмѣялся, восклицая:

— Айда вездѣ! Ему всѣ люди хороша — ты, я — ему все равной! Веселый! Я говорю: барына, она говоритъ: нѣтъ барына, Евгень Петровна я! Я говорю—Евгень всегда барына будитъ, а она говоритъ: а Наталья когда будитъ барына? Всѣ барини, вотъ какъ она! Смѣялъ я и Борка тоже и она,— заплакалъ потомъ, вотъ какой смѣшной!

— Смѣется она?—сомнѣваясь, освѣдомился Матвѣй.

— Скольки хошь! Голова дернулъ вверхъ, катай—айда!

Онъ шумно схлебывалъ чай, обжигался, перехватывалъ блюдце съ руки на руку, фыркалъ и все говорилъ. Его оживленіе и ласковый блескъ радостно удивленныхъ глазъ спугнули страхъ Матвѣя.

— Что жъ она говорила?—допытывался онъ.

— Все! Ухъ, такой простой...

— Ну, Богъ съ ней! — рѣшилъ Кожемякинъ, облегченно вздыхая.—Ты, однако, не говори, что она изъ этихъ!

— Зачѣмъ буду говорить? Кто мнѣ вѣритъ?

— Дурному всякъ повѣритъ! Народъ у насъ злой, все можетъ быть. А кто она — это дѣло не наше. Намъ — одно: живи незамѣтно, какъ мы живемъ, вотъ вся задача!

Онъ долго внушалъ Шакиру нѣчто неясное и для самого себя; татаринъ сидѣлъ весь потный и хлопалъ вѣками, сгоняя сонъ съ глазъ своихъ. А въ кухнѣ, за ужиномъ о постоялкѣ неустанно говорила Наталья, тоже довольная и заинтересованная ею и мальчикомъ.

— Такая умильная, такая ли ужъ великатная, ну — настоящая госпожа!

Матвѣй, все болѣе успокаиваясь, замѣтилъ:

— Экъ вы, братцы, наголодались по человѣкѣ-то! Ничего не видя, а ужъ и то и се! Однако ты, Наталья, не больно распускай языкъ на базарѣ-то и вездѣ, — тутъ все-таки полиція причастна...

И замолчали, вопросительно поглядывая другъ на друга. Дробно барабаня пальцами по столу, Кожемякинъ чувствовалъ, что въ жизнь его вошло нѣчто загадочное, и отстраниться отъ загадки этой некуда.

„Да и охоты нѣтъ отстраняться-то, — покорно подумалъ онъ.—Пускай будетъ, что будетъ,—али не все равно?“

И вспомнилъ, что Шакиръ въ первый годъ жизни въ домѣ у него умѣлъ смѣяться легко и весело, какъ ребенокъ, а

потомъ разучился: смѣхъ его сталъ звучать подавленно и непріятно, точно вой. А вотъ теперь—татаринъ снова смѣется какъ прежде.

„Дѣтей онъ любитъ, когда они свинымъ ухомъ не дразнятся и камнями не лукаютъ...“

Ночью, лежа въ постели, онъ слышалъ надъ головой мягкій шорохъ, тихіе шаги, и это было пріятно: раньше, бывало, на чердакѣ шуршали только мыши, да вѣтеръ, влетая въ разбитое слуховое окно, хлопалъ чѣмъ то, чего-то искалъ. А зимою, тихими морозными ночами, когда въ полѣ, глядя на городъ, завистливо и жалобно выли волки, чердакъ отзывался волчьему вою жуткимъ сочувственнымъ гудѣніемъ, и подъ этотъ непонятный звукъ вспоминалось страшное: истекающая кровью Палага, разбитый параличомъ отецъ, Сазанъ, тихонько ушедшій куда-то, сѣрый мозгъ Ключарева и сѣрые его сны; вспоминалась Собачья-матка, юродивый Алеша, и настойчиво хотѣлось представить себѣ—каковъ былъ видомъ Пыръ Растопыръ?

Когда надъ городомъ пѣла и металась вьюга, забрасывая снѣгомъ дома до крышъ, шаркая сухими мохнатыми крыльями по ставнямъ и по стѣнамъ,—мерещился кто-то огромный, тихонькій и мягкій: онъ покорно свернулся въ шаръ отребьевъ и катится по землѣ изъ края въ край, приминая на пути своемъ лѣса, заполняя овраги, давитъ и ломаетъ города и села, загоняя мягкою тяжестью своею обломки въ землю и въ безобразное, безглавое тѣло свое. Незамѣтно, безшумно исчезаютъ подъ нимъ люди, растетъ оно и катится, а позади него—только гладкая пустыня, и плыветъ надъ нею скорбный стонъ:

— Помоги!

Первый мѣсяцъ жизни постоялки прошелъ незамѣтно-быстро, полный новыхъ маленькихъ заботъ: Шакиръ уговорилъ хозяина переложить на чердакѣ печь, перестлать разсохшійся полъ, сдѣлать еще цѣлую кучу маленькихъ поправокъ,—хозяинъ морщился и жаловался:

— Тутъ на починку столько денегъ уйдетъ, что и въ два года она мнѣ не покроетъ, постоялка-то!

— Нисяво!—весело утѣшалъ татаринъ.—Наша говоритъ—„хороша людя дороже деньга“!

— Да я не столь о деньгахъ а возня это,—стучатъ, скрипятъ!

На время, пока чердакъ устраивали, постоялка съ сыномъ переселилась внизъ, въ ту комнату, гдѣ умерла Палага; Кожемякинъ самъ предложилъ ей это, но, какъ только она очу-

тилась на одномъ полу съ нимъ,—почувствовалъ себя стѣсненнымъ этой близостью, чего-то испугался и поѣхалъ за пенькой.

Ѣздилъ и все думалъ о ней однѣ и тѣ же двуличныя, вялыя думы, отягощавшія голову, ничего не давая сердцу.

Ясно было только одно:

— Она тоже всѣмъ тутъ чужая, въ родѣ какъ я...

Эта грустная мысль была пріятна и торопила домой.

Воротясь и увидавъ комнату Палаги пустой уже, Матвѣй вздохнулъ, жалѣя о чемъ-то, и еще болѣе стало грустно ему, когда онъ замѣтилъ, что Шакиръ и Наталья, видимо, вошли съ постоялкой въ близкую дружбу.

„Какъ псы, — обиженно и завистливо подумалъ онъ, — кто болѣ приласкаетъ, тотъ и хозяинъ...“

Подходила зима. По утрамъ кочки грязи, голые сучья деревьевъ, желѣзныя крыши домовъ и церквей покрывались синеватымъ инеемъ; холодный вѣтеръ разогналъ осенніе туманы, воздухъ, еще недавно влажный и мутный, сталъ безпокойно-прозрачнымъ. Открылись глубокія пустынныя дали, почернѣли лѣса, стало видно, какъ на раздѣтыхъ холмахъ вокругъ города непріятно качаются тонкія, сѣрыя былинки.

Уже отгуляли рекрута—въ этомъ году не очень буйно: вырвали три фонаря на базарной площади, выбили стекла въ домѣ земской управы и, когда дрались со слободскими, сломали часть церковной ограды у Миколы—палки понадобились.

А въ Балымерахъ племянникъ кулака Мокѣя Чапунова въ петлю полѣзъ со страха передъ солдатчиной, но это не помогло: вынули изъ петли и забрали.

Вечера становились неизсякаемо-длинными. Въ прошлые годы Матвѣй проводилъ ихъ въ кухнѣ, читая вслухъ Прологъ или Минеи, въ то время, какъ Наталья что-нибудь шила, Шакиръ занимался дѣломъ Пушкаря, а кособокій, безродный человѣкъ Маркуша, дворникъ, сидя на полу, строгалъ палочки и планки для птичьихъ клѣтокъ, которыя дѣлалъ ловко, щеголевато и прочно. Иногда играли въ карты—въ дураки и свои козыри, а то разговаривали о городскихъ новостяхъ или слушали разсказы Маркуши о разныхъ повѣрьяхъ, о мудрости колдуній и колдуновъ, поискахъ кладовъ, шуткахъ домовыхъ и всякой нечистой силы.

Но теперь въ кухнѣ сталъ первымъ человѣкомъ сынъ постоялки. Вихрастый, горбоносый, неутомимо подвижной, съ бойкими, все замѣчавшими глазами на кругломъ лицѣ, онъ рано утромъ дѣловито сбѣгалъ съ верха и здоровался, протягивая руку со сломанными ногтями.

— Я буду вамъ помогать, Наташа!

Въ коротенькой рыжей курточкѣ, видимо перешитой изъ мужского пиджака, въ толстыхъ штанахъ и валенкахъ, обшитыхъ кожей, въ котиковой, всегда сдвинутой на затылокъ шапочкѣ, онъ усаживался около Натальи чистить овощи и на разспросы ея отвѣчалъ тономъ зрѣлаго, бывалаго человѣка.

— Какъ же вы, миленькій, ѣхали-то?

— Очень просто,—на лошадяхъ!

— Чай, городовъ то сколько видѣли?

Прищуривъ глаза, онъ перечислялъ:

— Екатеринбургъ, Пермь, Сарапулъ, лучше всѣхъ—Казань! Тамъ циркъ, и одна лошадь была—какъ тигръ!

— Ой, Господи!—вздыхала Наталья

— Полосатая, а ноги длинныя, и отъ нея ничего нельзя спрятать...

Шакиръ смотрѣлъ на мальчика, влюбленно улыбаясь, и порою останавливалъ Наталью:

— Довольна!

Подробно разсказавъ о лошади, подобной тигру, или еще о какомъ-нибудь чудѣ, онъ стряхивалъ съ колѣнъ облупки картофеля, оглядывался и говорилъ:

— Шакиръ, давайте чего-нибудь дѣлать!

— Айда, заводъ глядимъ!

На пустырѣ Борю встрѣчали широкими улыбками, любопытными взглядами.

— Борисъ Якимычу! Съ добренькимъ утречкомъ!

Взмахивая шапкой, Борисъ Акимовичъ солидно отвѣчалъ:

— Здравствуйте, господа! Богъ на помощь!

— Благодаримъ!—отвѣчали господа, шлепая лаптями по чатоптанной землѣ.

— Маркуша! Давайте мнѣ работу!

— На-ка, миляга, на!—сиповато говорилъ Маркуша, скуластый, обросшій рыжей шерстью, съ узенькими невидными глазками. Его большой ротъ раздвигался до мохнатыхъ, острыхъ, какъ у звѣря, ушей, сторожко прижавшихся къ черепу, и обнажались широкіе, желтые зубы.

— Ты, Якимычъ, бойся его!—предупредили однажды Борю мужики:—онъ у насъ колдунъ, околдуетъ тебя, гляди!

Человѣкъ семи лѣтъ отроду пренебрежительно отвѣтилъ:

— Колдуны—это только въ сказкахъ, а на землѣ нѣтъ ихъ!

Въ сыромъ воздухѣ, полномъ сладковатаго запаха увядшихъ травъ, разсыпался хохотъ.

— Ахъ, мать честная, а?

— Маркухъ—слыхалъ?

— Нѣту, братъ тебя...

Полуслѣпой Иванъ гладилъ мальчика по спинѣ, причитая:

— Ой, ты, забава,—ой, ты, малая Божья косточка!

Маркуша трясъ животомъ, а Шакиръ смотрѣлъ на всѣхъ тревожно, прищуривъ глаза.

Кожемякинъ, съ удивленіемъ слѣдя за мальчикомъ, избѣгалъ бесѣдъ съ нимъ: нѣсколько попытокъ разговориться съ Борей кончились неудачно, отвѣты и вопросы маленькаго постояльца были невразумительны и часто казались дерзкими.

— Нравится тебѣ у меня?—спросилъ онъ однажды.

Мальчикъ взмахнулъ рѣсницами, сдвинулъ шапку на затылокъ.

— Развѣ я у васъ?

— А какъ? Домъ-отъ чей? Мой! И дворъ и заводъ...

— А городъ?

— Городъ—царевъ.

Боря подумалъ.

— Вы что̀ дѣлаете?

— Я? Веревку, канатъ...

— Нѣтъ,—топнувъ ногой, повторилъ Боря,—что̀ дѣлаете вы, самъ?

— Я? Я—хозяинъ, слѣжу за всѣми...

— Васъ вовсе и не видно!

— А твой тятя что̀ дѣлалъ?

— Тятя, это кто?

— Отецъ, чай,—али не знаешь?

— Отецъ называется—папа.

— Ну, инъ папа! У насъ папой ребятенки бѣлый хлѣбъ зовутъ. Такъ онъ чѣмъ занимался, папа-то?

— Онъ?

Боря нахмурился, подумалъ.

— Книги читалъ. Потомъ—писалъ письма. Потомъ карты рисовалъ. И мама тоже умѣетъ карты рисовать. Онъ сильно хворалъ, кашлялъ все, даже и ночью. Потомъ—умеръ.

И, оглянувъ дворъ, накрытый сѣрымъ небомъ, мальчикъ ушелъ, а тридцатилѣтній человѣкъ, глядя вслѣдъ ему, думалъ:

„Вретъ чего-то! Развѣ карты рисуютъ?“

Въ другой разъ онъ освѣдомился:

— Какъ мамаша—здорова?

Боря, поклонясь, отвѣтилъ:

— Благодарю васъ, да, здорова.

„Ишь ты!“—пріятно удивленный вѣжливостью, воскликнулъ Матвѣй про себя.

— Не скучаетъ она?

— Она—большая! — вразумительно отвѣтилъ мальчикъ.— Это только маленькимъ бываетъ скучно.

— Ну,—я вотъ тоже большой, а скучаю!

Тогда Борисъ посовѣтовалъ ему:

— А вы возьмите книжку и почитайте. Робинзона или „Родное Слово“,—лучше Робинзона!

„Какое родное слово? О чемъ?“ — соображалъ Матвѣй.

И каждый разъ Боря оставлялъ въ головѣ взрослаго человѣка какія-то досадныя занозы. Вызывая удивленіе бойкостью своихъ рѣчей, мальчикъ будилъ почти непріязненное чувство отсутствіемъ почтенія къ старшимъ, а дружба его съ Шакиромъ задѣвала самолюбіе Кожемякина. Иногда онъ озадачивалъ нелѣпыми вопросами, на которые ничего нельзя было отвѣтить—сдвинетъ брови, точно мать, и настойчиво допытывается:

— Почему здѣсь много воронъ?

— Ну, развѣ это можно знать?

— А почему нельзя? Запрещается?

— Н-нѣтъ, чай, а просто—зачѣмъ?

— Вы ихъ любите?

— Воронъ-то? Чай, ихъ не ѣдятъ, чудакъ ты!

— Чижей тоже не ѣдятъ, а вы ихъ любите!

— Такъ они поютъ!

Казалось, что это удовлетворило Борю, но, подумавъ, онъ спросилъ:

— Развѣ любятъ за то, что можно ѣсть или что поютъ?

Кожемякина обижали подобные вопросы, ему казалось, что эта маленькая шельма нарочно говоритъ чепуху, чтобы показать себя не глупѣе взрослаго.

Однажды Маркуша, сидя въ кухнѣ, внушалъ Борису:

— Котъ—это, миляга, звѣрь умнѣющій, онъ на три локтя въ землю видитъ. У колдуновъ всегда коты-совѣтчики, и оборотни, почитай, всѣ они, коты эти. Когда котъ сдыхаетъ—дымъ у него изъ глазъ идетъ, потому въ ёмъ огонь есть, погладь его ночью—искра брызжетъ. Древній звѣрь: Богъ сдѣлалъ человѣка, а дьяволъ—кота и говоритъ ему: гляди за всѣмъ, что человѣкъ дѣлаетъ, глазъ не спускай!

— Вы видали дьяволовъ? — спросилъ Боря звонко и строго.

— Храни Богъ! На что они мнѣ надобны?

— А вы, дядя Матвѣй, видали?

— Ну вотъ,—гдѣ ихъ увидишь?

Мальчикъ, нахмурясь, солидно сказалъ:

— Это вы все смѣетесь надо мной, потому что я—еще ма-

лепькій! А дьяволовъ никто не видѣлъ, и вовсе ихъ нѣтъ, это просто глупости—дьяволы, мама говоритъ...

Онъ прищурилъ глаза, оглядывая темные углы кухни.

— Если бы они были, и домовые тоже, я ужъ нашелъ бы! Я вездѣ лазаю, а ничего нѣтъ нигдѣ—только пыль, дѣлаешься грязный и чихаешь потомъ...

Маркуша, удивленно открывъ ротъ, затрясся въ припадкѣ судорожнаго смѣха, и волосатое лицо его облилось слезами, точно вспотѣло, а Матвѣй слушалъ сиплый, рыдающій смѣхъ и поглядывалъ искоса на Борю, думая:

„Хитрюга мальчонокъ этотъ! Осторожно надо съ нимъ, а то и высмѣетъ,—никакого страха не носитъ онъ въ себѣ, суется вездѣ, словно кутенокъ...“

Было боязно видѣть, какъ цѣпкій человѣчекъ зачѣмъ-то путешествуетъ по крутой и скользкой крышѣ амбара, виситъ между голыхъ сучьевъ деревьевъ, болтая ногами, лѣзетъ на заборъ, утыканный острыми гвоздями, падаетъ и—ругается.

— Ахъ, язва, чортъ!

„Безъ отца, — безъ начала“, — думалъ Кожемякинъ, и вниманіе его къ мальчику все росло.

Задѣвала пѣсня, которую Боря неугомонно распѣвалъ—на землѣ, на крышѣ, вися въ воздухѣ.

Не съ росой ли ты спустилась,
Не во снѣ ли вижу я,
Аль горячая моли-итва
Доле-тѣла до царя?

— Это про какого царя сложено?

— Который освободилъ крестьянъ...

— Ну-ну,—про него?

Пристально глядя въ лицо ребенка, Кожемякинъ тихо сказалъ:

— Да, вотъ онъ освободилъ людей, а его убили...

Боря снялъ шапку, взмахнулъ ею и съ горячимъ интересомъ воскликнулъ:

— На войнѣ?

— Нѣтъ, просто такъ, на улицѣ, бомбой...

— Этого не бываетъ!—сказалъ мальчикъ неодобрительно и недовѣрчиво.—Царя можно убить только на войнѣ. Ужъ если бомба, то, значитъ, была война! На улицахъ не бываетъ бомбовъ.

Кожемякинъ смущенно замолчалъ, и острое чувство жалости къ сиротѣ укололо полуживое сердце окуровскаго жителя.

„А вдругъ окажется, что и родители твои къ войнѣ этой причастны?“—подумалось ему.

Отношеніе матери къ сыну казалось страннымъ,—не любитъ, что ли, она его?

Однажды Боря вдругъ исчезъ со двора. Шакиръ и Наталья забили тревогу, а постоялка сошла въ кухню и стала спокойно уговаривать ихъ:

— Ничего страшнаго нѣтъ—придетъ! Онъ привыкъ бѣгать одинъ.

— Ай, матушка!—суетясь, точно испуганная курица, кудахтала Наталья:—куда ему бѣгать? Какъ это можно! Городъ отъ великъ, и собаки въ немъ и люди пьяные, а и трезвый злой человѣкъ—диво ли?

— Ну вотъ, и пусть онъ увидитъ все это!—сказала постоялка, усмѣхаясь.

„Неужто не боится?“ — соображалъ Матвѣй, непримѣтно разглядывая ея увѣренное лицо, и напомнилъ ей:

— Семь лѣтъ ему.

— Въ январѣ восемь ужъ будетъ.

„Въ апрѣлѣ зачатъ!“—быстро сосчиталъ Матвѣй.

Шакиръ, нахлобучивъ шапку, убѣжалъ на улицу и скоро привелъ Бориса, синяго отъ холода, съ полузамерзшими лапами, но очень довольнаго прогулкой. Наталья растирала ему руки водкой, а онъ разсказывалъ:

— Хотѣли на меня напасть два большихъ мальчика, а я имъ какъ погрозилъ кулакомъ...

— Не хвастай, Борька!—сказала мать.

— Почемъ ты знаешь, что этого не было?—задумчиво спросилъ онъ

— Потому, что тебя знаю.

— Правда, не было! Ничего интереснаго не было. Просто шли люди впередъ и назадъ, немного людей,—потомъ одинъ человѣкъ кидалъ въ собаку лёдомъ, а будочникъ смѣялся. Около церкви лежитъ мертвая галка безъ головы...

Приглаживая его вихры, мать ласково молвила:

— Ну вотъ, это правда!

— Да,—сказалъ мальчикъ, вздохнувъ.

Кожемякинъ тихонько засмѣялся.

— Хотѣлъ малый придумать поинтереснѣй что, а мамаша-то и не позволила!

— Онъ у меня мечтатель, а это вредно! Надо знать жизнь, а не выдумывать.

Она точно на стѣнѣ написала эти слова крупными буквами, и Матвѣю легко было запомнить ихъ, но смыслъ этихъ словъ былъ неясенъ для него.

„Развѣ можно выдумать жизнь?“

Онъ замѣтилъ, что постоялка всегда говоритъ на два лада: или неуважительно, насмѣшливо и дерзко, или строго,— точно приказывая вѣрить ей. Часто ея темные глаза враждебно суживались подъ тяжестью опущенныхъ бровей и рѣсницъ, губы вздрагивали, а ротъ становился похожъ на злой красный цвѣтокъ, и она бросала сквозь зубы:

— Это—глупости! Это—чепуха!

Вызывающе выпрямлялась, и всѣ складки одежды ея тоже становились прямыми, точно на крещенскихъ игрушкахъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, или на иконахъ.

Она рѣдко выходила на дворъ и въ кухню—Наталья сказывала, что она цѣлые дни все пишетъ письма, а Шакиръ носилъ ихъ на почту чуть не каждый день. Однажды Кожемякинъ, взявъ конвертъ изъ рукъ татарина, съ изумленіемъ прочиталъ:

— Казань. Его превосходительству,—эгэ-э... пре-восходительству, гляди-ка ты!—Георгію Константиновичу Мансурову? И она Мансурова,—дядя, что ли, это? Неси скорѣй, Шакиръ, смотри, не потеряй!

Съ той поры онъ сталъ кланяться ей почтительнѣе, ниже и торопился поклониться первымъ.

Иногда онъ встрѣчалъ ее въ сѣняхъ или видѣлъ на крыльцѣ, зовущей сына. На ходу она почти всегда что-то пѣла, безъ словъ и не открывая губъ, брови ея чуть-чуть вздрагивали, а ноздри прямого, крупнаго носа чуть-чуть раздувались. Лицо ея часто казалось задорнымъ и какъ-то не шло къ ея крупной, стройной и сильной фигурѣ. Было замѣтно, что холода она не боится,—ожидая сына подолгу, стоитъ на морозѣ въ одной кофтѣ, щеки ея краснѣютъ, волосы покрываются инеемъ, а она не вздрагиваетъ и не ежится.

— Здоровая! — одобрялъ Матвѣй. — Привыкла въ Сибиряхъ-то...

И очень хотѣлось поговорить съ нею о чемъ-нибудь весело и просто, но—не хватало ни словъ ни рѣшимости.

Случилось, что Боря прокололъ себѣ ладонь о зубецъ гребня, когда, шаля, чесалъ пеньку. Обильно закапала на снѣгъ алая кровь, мужики, окруживъ мальчика, смотрѣли, какъ онъ сжималъ и разжималъ ярко окрашенные пальцы, и чмокали, ворчали что-то, наклоняя надъ нимъ темныя рожи, какъ большія собаки надъ маленькой чужой.

— Это вовсе не больно!—морщась и размахивая рукою, говорилъ Боря.

— Да-ка-сь, я тебѣ заговорю кровь-то,—сказалъ Маркуша, опускаясь на колѣни, перекрестился, весь ощетинился и угрожающе забормоталъ надъ рукою Бори:

— Какъ съ гуся вода, чуръ, съ бѣса руда! Вотъ идетъ мужъ старъ, вотъ бѣжитъ конь каръ—заклинаю тя, конь,—стань! Чуръ! Въ Окіанѣ морѣ синій камень латырь, я молюся камню...

— Не надо!—крикнулъ мальчикъ.—Пустите меня!

Но его не слушали,—сѣдой, полуслѣпой и красноглазый Иванъ укоризненно кричалъ:

— Это отъ поруба заговоръ, а не отъ покола!

— Подь къ домовому, не лѣзь!—возразилъ Маркуша.

Кожемякинъ видѣлъ все это изъ амбара, сначала ему не хотѣлось вмѣшиваться, но, когда Боря крикнулъ, онъ испугался и отвелъ его въ кухню. Явилась мать, на этотъ разъ взволнованная, и, промывая руку, стала журить сына, а онъ сконфуженно оправдывался:

— Да мнѣ не больно же, только испугался я!

— Чего испугался? Шалить не боишься?

— Подожди, мама! Онъ тамъ началъ говорить,—что̀ онъ говорилъ, дядя Матвѣй?

— Заговоръ на кровь,—объяснилъ Кожемякинъ.

Не взглянувъ на него, постоялка спросила:

— Вы вѣрите въ заговоръ?

— А какъ же! Вѣдь вотъ—остановилась кровь?

— Это — отъ испуга, а не отъ заговора! — сухо сказала женщина.

— Они, мама, сдѣлались совсѣмъ какъ индѣйцы, а я какъ бѣлый плѣнникъ...

— Ну, не болтай пустяковъ! Ты самъ индюшка!

И, посмотрѣвъ въ лицо Матвѣя обидно блестѣвшимъ взглядомъ, сказала, точно угрожая:

— Интересно поговорить съ этимъ заговорщикомъ!

Чувствуя себя отброшеннымъ ея словами, Кожемякинъ приподнялъ плечи и ушелъ изъ кухни, а сквозь неприкрытую дверь до него доходила торопливая, воющая рѣчь татарина.

— Сударина-мачка! Не надо туда ему пускать одному! Такой тамъ,—ахъ! Мать ругайтъ всегда, кровь любитъ смотрѣть,—не нада!

А постоялка говорила:

— Вы мнѣ избалуете, сына, Шакиръ! Ему нужно все видѣть.

Скорбный голосъ татарина убѣждалъ:

— Мачка-Евгенья! Не нужна,—ничего не нужна! Вы тутъ не нужна, и хозяинъ — добра людя не нужна, ахъ! Мы знаимъ—бояться нужна!

Постоялка звучно засмѣялась.

— Полноте, Шакиръ, не вѣрю я вамъ!

А Кожемякинъ, понимая вой Шакира, не понималъ ея хвастовства, и она раздражала его.

„Не умѣетъ Шакиръ сказать! — думалъ онъ, съ силой захлопнувъ дверь. — Погоди, барыня, — испугаешься! Горесть-то посотрется,—смирнѣй будешь!“

И, ощущая упрямое желаніе напугать ее, онъ вспоминалъ тихую кошмарную окуровскую жизнь, которую эта женщина отрицала не зная, надъ которой смѣется, не испытавъ ея власти.

Не впервые постоялка говорила такъ. Онъ мысленно считалъ ея недовѣрчивыя усмѣшки, учительныя замѣчанія, которыя она бросала мимоходомъ, и сердился. Онъ сознавалъ себя хорошо вооруженнымъ, способнымъ легко одолѣть въ ней то чужое, непонятное, что мѣшало ему подойти къ ней, создавая неощутимую, но все болѣе замѣтную преграду. Навязчиво пытался разговориться съ нею и—не могъ, смущаясь, сближаясь, а чаще не понимая ея кудреватыхъ рѣчей и стыдясь сознаться въ этомъ.

„Она—моложе меня!“

Но иногда ему становилось боязно за нее: онъ видѣлъ, что рабочіе единодушно смотрятъ на эту одинокую, всѣмъ чужую женщину сухими, недобрыми, отрицающими глазами, а Маркуша какъ-то разъ, когда она прошла мимо него по двору, погрозилъ метлой вслѣдъ ей и проворчалъ:

— Ученая, туды же, драть-те съ хвоста!

— Ты что?—спросилъ онъ его.

— А вотъ, барынька эта...

— Ну?

— Ничего.

— Чѣмъ она тебѣ помѣха?

— Мнѣ-то?—Маркуша подумалъ.—Мнѣ ея не надоть, это вѣрно!

Матвѣй нѣсколько опасался его и не сталъ больше разспрашивать. Ему часто казалось, что, когда постоялка говоритъ о чемъ-нибудь, слова ея сплетаются въ тугую сѣть и недоступно отдѣляютъ отъ него эту женщину рѣшеткой запутанныхъ петель. Хорошее лицо ея становилось неяснымъ за сѣтью этихъ словъ, они звучали странно, точно она говорила языкомъ, незнакомымъ ему.

И однажды онъ особенно ясно почувствовалъ ея отдаленность отъ жизни, знакомой ему: сидѣлъ онъ въ кухнѣ, писалъ письмо, Шакиръ сводилъ счетъ готоваго товара, Наталья шила, а Маркуша на полу у печки строгалъ свои палочки и разсказывалъ Борису о человѣческихъ доляхъ.

Дверь тихо отворилась, вошла постоялка, погрозила пальцемъ сыну, лежащему у ногъ Маркуши, и тихонько сѣла рядомъ съ Натальей—сѣла такъ, точно собиралась подстеречь и поймать кого-то.

— Ну и вотъ,—медленно и сиповато сказывалъ Маркуша,—стало-быть, родится человѣкъ, а съ нимъ и доля его родится, да всю жизнь и ходить за нимъ, какъ тѣнь бы, и ходить, братецъ ты мой. Ты бы въ праву сторону, а она те въ лѣву толканетъ, ты влѣво, а она те вправо, такъ и мотаить, такъ все и мотаить!

— Она какая?—вдумчиво спросилъ Боря.

— Она-то? Разная, кому—пить, кому—утопуть

— На кого она похожа?

Кожемякинъ пересталъ писать, наблюдая за постоялкой—наклоня голову набокъ, поджавъ губы и прищуривъ глаза, она оперлась плечомъ о стѣну и, перебирая тонкими пальцами бахрому шали, внимательно слушала.

— Видомъ какая, значить? — говорилъ Маркуша, двигая кожей на лбу. — Разно это—на Камѣ-рѣкѣ одинъ мужикъ щукой ее видѣлъ: вынулъ вентерь, анъ глядь—щука невеличка. Онъ ее — за жабры, а она ему баить человѣчьимъ голосомъ: отпусти-де меня, Иванъ, я твоя доля! Онъ—бѣжать. Ну, убѣгъ. Ему — безъ бѣды обошлось, а жена вскорѣ заболѣла да на пятый мѣсяцъ и померла...

— Отчего?—снова спросилъ Боря, заглядывая въ подпечекъ.

— Доля, значить, ей такая,—судьба!

— А щука?

— А щука — ничего, уплыла, куда ей надоть. Доля, она, милыга, разно представляется, когда надо, и заяцемъ, и собакой, и котомъ тоже—до сухого листа можетъ. Было въ Воронежѣ—идеть это женщина, а сиверко—вѣтеръ, дождь, дѣло осеннее. И вотъ нанесло ей вѣтромъ на щеку листочекъ, а онъ, слышь ты, и прилипъ къ щекѣ-то. Она его сними да и брось на земь, и слышить, въ уши-те ей шепчуть: положить бы те меня за пазуху, пригрѣть бы, вѣдь я долюшка твоя злосчастная. Сдурѣла бабочка, спужалась, да—бѣжать! Прибѣгла это домой, а мужъ да двое дѣтокъ грибамъ объѣлись, помирають. И померли, а она съ той поры такъ-те и живеть, какъ листокъ на вѣтру—куда ее понесеть, туда она и идеть!

Онъ замолчалъ и зѣвнулъ длиннымъ, воющимъ зѣвкомъ, съ колѣна его, покрытаго кускомъ кожи, непрерывно и безшумно сыпались тонкія сѣрыя стружки, а сзади, по бѣлой стѣнкѣ печи распласталась тѣнь лохматой головы.

— Это тараканы подъ печкой?—освѣдомился Боря, вздохнувъ.

Наталья отвѣтила:

— Можетъ, тараканы, а то мышата.

— И домовой тоже, — снова заговорилъ Маркуша, — онъ подпечекъ любитъ, это ему—самое мѣсто!

Постоялка пошевелилась и мягко сказала:

— Борисъ, иди спать!

— Ну, мама, рано еще!

Она вѣско повторила:

— Иди, я прошу!

Мальчикъ поднялся, тряхнулъ головой и, оглянувъ кухню такъ, точно въ первый разъ былъ здѣсь, попросилъ мать:

— Тогда и ты иди!

— Я посижу еще здѣсь...

Онъ неохотно подошелъ къ двери, отворилъ ее, выглянулъ въ сѣни и медленно переступилъ порогъ.

— Проводить пойти,—сказала Наталья, откладывая шитье,— а то ты бы, Шакиръ, пошелъ.

Татаринъ сорвался съ мѣста, но постоялка покачнулась впередъ и остановила его:

— Нѣтъ, пожалуйста, не надо!

„Что это она? Для чего?—думалъ Кожемякинъ.—Неужто не любитъ?“

И негромко замѣтилъ:

— Испугается, пожалуй...

Она взглянула такъ сердито, точно вызывала на споръ.

— Чего?

— Темна! — сказалъ Шакиръ, умыльно улыбаясь, а Маркуша зачѣмъ-то гукнулъ, точно сычъ на болотѣ, и тихонько засмѣялся, болтая тяжелой головой сверху внизъ, словно клевалъ что-то широкимъ носомъ.

Постоялка, косясь на него, громко проговорила:

— Онъ знаетъ, что ночью—темно.

Всѣ замолчали, слушая, какъ торопливо стучатъ по лѣстницѣ маленькія ноги и срываются со ступеней. Потомъ наверху заскрипѣла и хлопнула дверь.

— Дошелъ!—облегченно вздохнула Наталья. — Чай, сердчишко-то какъ билося!

Кожемякинъ видѣлъ, что двѣ пары глазъ смотрятъ на женщину порицающе, а одна—хитро и насмѣшливо. Стало жаль ея. Не одобряя ея поступка съ сыномъ, онъ любовался ею и думалъ съ чувствомъ, близкимъ зависти:

„Характерецъ, видно!“

Вотъ она снова прижалась къ стѣнѣ и какъ-то слишкомъ громко и властно проговорила:

— Разскажите, Маркъ, еще что-нибудь!

Его уши вздрогнули, онъ приподнялъ волосатое, безглазое лицо и однотонно просипѣлъ:

— Я, барынька, не Маркъ, а Елисѣй, это прозванья моя—Марковъ! Елисѣй, а по отцу—Петровъ, а по роду—Марковъ, вотъ я кто!

Кутаясь въ шаль, она усмѣхнулась.

— Ну, хорошо, буду знать. Что же, Елисѣй Петровичъ, доли эти—всегда злыя, нѣтъ?

Маркуша стряхнулъ стружки съ колѣна, посопѣлъ и, не торопясь, началъ снова вытягивать изъ себя слова, похожія на стружки.

— Ежели ты съ ей не споришь—она ничего, а кто ея не уважаетъ, тому—страдать!

— Вы вашу долю не видали?

— Нѣ-етъ! А вотъ хлѣбопекъ одинъ муромскій, такъ онъ чуть не увидалъ. Бился онъ, бился — все нѣтъ удачи! И узналъ, случаемъ, одинъ тайный стихъ изъ черной книги. Пошелъ на перекрестъ, гдѣ дороги сошлись, въ лѣсѣ, крестъ снялъ и читаетъ стихъ этотъ. Разъ читаетъ и два—ничего, а началъ въ третьи, по лѣсу-то ка-акъ гукнетъ: не могу-у-у... А онъ—храбёръ, хоть и дрожитъ весь, ажъ потомъ облился, ну — все читаетъ, и въ самомъ концѣ, въ послѣднемъ, значитъ, словѣ — чу, идетъ! Чижало таково тащится и стонетъ, ну — не сдюжѣлъ онъ — бѣжать! И съ этого дню, барынька, приключились ему въ сердцѣ корчи...

— Вы въ Бога вѣрите?—вдругъ спросила постоялка, наклоняясь впередъ.

Шакиръ и Наталья опасливо переглянулись, а Кожемякинъ вздрогнулъ, точно его укололо.

Маркуша тряхнулъ головой и дунулъ, какъ будто отгоняя шмеля.

— Звѣрь, барынька, и тотъ Богу молится! Вонъ, гляди, когда мѣсяцъ полный, собака, бываетъ, воетъ—это съ чего? А при солнышкѣ собака вверхъ не видитъ, у ней глазъ на даль поставленъ, по землѣ, земная тварь,—а при мѣсяцѣ она и вверхъ видитъ...

— Подождите, — перебила постоялка его рѣчь, — значитъ, вы вѣрите въ Бога?

Онъ тяжело приподнялъ голову, поглядѣлъ на нее чѣмъ-то изъ-подъ густыхъ бровей и спросилъ:

— Али я хуже собаки?

— Богъ всемогущъ, да?

— Ну, такъ что̀ будить?

— Что̀ же такое судьба?—строго спросила она.—Откуда же доли эти?

Маркуша усмѣхнулся, повертѣлъ головой и, снова согнувъ спину, скучно затянулъ:

— Доли-те? А отъ Бога, барынька, отъ Него все! Родилась, скажемъ, ты, Онъ тотчасъ архангеламъ приказываетъ—дать ей долю, этой! Дадуть и запишуть,—съ того и говорится: „такъ на роду написано“ — ничего, значить, не подѣлаешь!

„Нарочно онъ говоритъ нудно такъ, — думалъ Матвѣй, — озлить ее хочетъ,—отступилась бы лучше!“

— Вотъ-те и доли! А есть еще прадоли — онѣ на города даются, на села: этому городу — подъ горой стоять, тому селу—въ лѣсѣ!

— Но послушайте,—мягче спросила она, — зачѣмъ же Богъ...

Теперь Маркуша не далъ ей кончить вопроса:

— А зачѣмъ — дѣло не наше! Дано намъ что̀ дано, и—ладно! А зачѣмъ—помрешь—узна̀ешь...

Наклонясь къ нему и говоря какъ бы въ темя мужику, она снова настойчиво спросила:

— Вы знаете ангеловъ-хранителей?

— Ангели—какъ же!—отозвался онъ, качнувъ головой.—Ангелъ—это для Богу угодныхъ, на рѣдкихъ это,—на дурачковъ, блаженныхъ, юродивыхъ, ангелы—чтобы ихъ охранять, оттого они и зимой босы ходять и все сносять. Ангелъ, сказано, хранитель, значить—ужъ рѣшено: этого—хранить, онъ Богу угоденъ, нуженъ.

— А доли?

— А онѣ—на испытаніе. Родилась ты, а какова будешь? Вотъ-те долю и дають—покажи себя, значить, какого ты смиренія!

Кожемякинъ видѣлъ, что постоялка сердится — брови ея сошлись въ одну черту, а по лицу пробѣгаютъ тѣни, и казалось, что ей трудно сидѣть, какая-то сила приподнимаетъ ее. Онъ кашлянулъ и примирительно замѣтилъ:

— Чудно вамъ думы наши слушать.

— А вы такъ же думаете? — быстро и внятно спросила она его.

Онъ не зналъ, такъ ли думаетъ, но, застигнутый врасплохъ, отвѣтилъ:

— Да вѣдь какъ же?

— И въ долю вѣрите?

— въ долю всѣ вѣрятъ!—сказала Наталья, мелькомъ взглянувъ на Шакира.—Про нее и въ пѣсняхъ поется...

Постоялка положила ей на плечо руку, видимо желая что-то сказать, но настойчиво, какъ сама она, и какъ бы новымъ голосомъ заговорилъ Маркуша:

— Тутъ, барынька, въ словѣ этомъ задача задана: Богъ говоритъ—доля, а дьяволъ—воля, это онъ, чтобы спутать насъ, подсказываетъ! И кто какъ слышитъ. Въ иную душу обманное это слово западетъ, дьяволово-то, и почнетъ человѣкъ думать про себя: я во всемъ волѣнъ, и станетъ съ этого либо глупымъ, либо въ разбойники попадетъ,—вотъ оно!

Лицо Маркуши покривилось, волосы на немъ ощетинились, а отъ угловъ губъ къ ушамъ вползли двѣ рѣзкія морщины. Тряхнувъ головой, онъ согналъ ихъ, а Матвѣй, замѣтивъ это, непріязненно подумалъ:

„Смѣется онъ, лѣшій!“

— Ухъ!—тяжко вздохнулъ Шакиръ.

— Я те скажу,—ползли по кухнѣ лохматыя слова,—былъ у насъ въ Кулигахъ—это Рязанскаго краю—парень, Ѳедосъ Натрускинъ прозваніемъ, числилъ себя умнымъ,—въ Москвѣ живалъ, и запретили ему въ Москвѣ жить—сталъ, вишь, новую вѣру выдумывать. Ну, прибылъ въ Кулиги и все говоритъ: это—не такъ, этого—не надоть, а это—не по-Божьи. И попу этакъ говорить, всѣмъ! А кто знаетъ, какъ по-Божьи-то? Это надобно догадаться. Мужики до времени слушали его, ухмылялись. Только—пымали они конограда и бьютъ, а Натрускинъ прибѣгъ о то мѣсто, давай кричать: не надо! Тутъ его заодно и уложили, коломъ ли, чѣмъ ли—ухлопали, значитъ! Вотъ—онъ думалъ — воля, а доля-то его и прижала къ землѣ. Это, барынька, всегда такъ: вольные-то коротко живутъ. А живи въ ладу со своей долей—ну, проживешь незамѣтно, въ спокоѣ. Противъ вѣтра — не стой, мало ли что̀ по вѣтру пущено. Этакъ-то было съ купцомъ однимъ весьегоньскимъ...

Вдругъ женщина посунулась впередъ, точно бросаясь на Маркушу, и, протянувъ къ нему руку, ласково, густо заговорила:

— Послушайте, вѣдь все это пагубно для васъ, вѣдь вы умнѣе этого, это—цѣпи для живой вашей души и страшная путаница—страшная!

Кожемякинъ тоже подался къ ней, вытянулъ руку вдоль стола и, крѣпко вцѣпившись пальцами въ край доски, прикрылъ глаза, улыбаясь напряженно-ожидающей улыбкой.

Ему давно не нравился многорѣчивый, все знающій человѣкъ, похожій на колдуна, не нравился и возбуждалъ почте-

ніе, близкое страху. Скуластое лицо, спрятанное въ шерстяной массѣ волосъ, широконосое и улыбающееся темной улыбкой до ушей, казалось хитрымъ, невѣрнымъ и нечестнымъ, но было въ немъ—въ его едва видныхъ медвѣжьихъ глазахъ—что-то устойчивое и подчинявшее Матвѣя. Работалъ Маркуша плохо, лѣниво; только клѣтки дѣлалъ съ любовью, продавалъ монахинямъ и на базарѣ, а деньги куда-то пряталъ.

Шакиръ не однажды предлагалъ разсчитать его, какъ человѣка нерабочаго, но хозяинъ не рѣшался.

— Оставь, ну его! Не объѣстъ. А прогонимъ — навредитъ еще чѣмъ-нибудь!

И была другая причина, заставлявшая держать Маркушу: его рѣчи о тайныхъ, необоримыхъ силахъ, которыя управляютъ жизнью людей, легко и плотно сливались со всѣмъ, о чемъ думалось по ночамъ, что̀ было пережито и узнано; они склеивали все прошлое въ одно крѣпкое цѣлое, въ сѣрый кругъ высокихъ стѣнъ, каждый новый день влагался въ эти стѣны, словно новый кирпичикъ, —эти рѣчи усыпляли душу, пытавшуюся порою приподняться, заглянуть дальше завтрашняго дня съ его клейкой, привычной скукой.

И вотъ теперь онъ видѣлъ, какъ постоялка, плавно и красиво помахивая рукой, точно стираетъ, уничтожаетъ черную тѣнь Маркушиной головы, неподвижно прильнувшую къ стѣнѣ печи.

Не мигая, онъ слѣдилъ за игрою ея лица, освѣщеннаго добрымъ сіяніемъ глазъ, за живымъ трепетомъ губъ и ласковымъ пѣніемъ голоса, свободно и обильно истекавшаго изъ груди, въ словахъ, новыхъ для него и полныхъ стойкой вѣры. Сначала она говорила просто и понятно: о Христѣ, единомъ Богѣ, о томъ, что̀ написано въ Евангеліи и что̀ знакомо Матвѣю.

Но вотъ все чаще въ рѣчь ея стали вмѣшиваться темныя пятна какихъ-то незнакомыхъ словъ, они раздѣляли, разрывали понятное, и прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ догадаться, что̀ значило то или другое слово, рѣчь ея уходила куда-то далеко, и неясно было: какая связь между тѣмъ, что̀ она говоритъ сейчасъ, съ тѣмъ, что̀ говорила минутою раньше?

„Не торопись!“ — мысленно просилъ онъ ее, стыдясь попросить вслухъ.

— Все это—древнее, не христіанское, — внушала она горячо и ласково, точно мать сыну: — дѣло въ томъ, что мы, славяне...

„Почему—славяне?“—спрашивалъ себя Кожемякинъ.

— И въ нашъ религіозный культъ...

„Культъ?“ — повторялъ Матвѣй смѣшное слово съ недоумѣніемъ и досадой, а въ уши ему назойливо садились все новыя слова: культура, легенда, мистика. Ихъ становилось все больше, они окружали разсказчицу скучнымъ облакомъ, затемняли лицо ея и, точно отодвигая куда-то въ сторону, дѣлали странной и чужой.

Вздохнувъ, онъ оглянулся: Наталья, видимо задремавшая, ткнула себѣ иглою въ палецъ и теперь, безобразно вытаращивъ мутные глаза, высасывала кровь, чмокала и плевала на полъ; Шакиръ, согнувъ спину, скрипѣлъ по бумагѣ ржавымъ перомъ, а Маркуша, поблескивая лезвеемъ ножа, неутомимо сѣялъ тонкіе серпики и кольца стружекъ.

Голосъ постоялки порвался, словно непосильно-туго натянутая струна, она встала, оглянула всѣхъ спросивъ негромко и какъ бы виновато:

— Не интересно вамъ?

Матвѣй Савельевъ конфузливо опустилъ глаза, собираясь сказать, что слишкомъ торопится она, трудно слушать а Наталья поспѣшно и милостиво молвила:

— Какъ же, Евгенья Петровна, не интересно? О-очинь интересно!

Помахивая въ воздухѣ затекшими пальцами, Шакиръ серьезно и одобрительно говорилъ:

— Нашимъ книгамъ Коранъ маленьки слова твои есть, мачка, есть!

— Спасибо, Шакиръ!—сказала она, смѣясь, ловкимъ движеніемъ накинула на плечи спустившуюся шаль и, вздохнувъ, пошла къ двери.

— Ну, въ другой разъ,—спокойной ночи!

Кожемякину показалось, что въ голосѣ ея звучитъ обида. Маркуша осторожно разогнулъ спину, приподнялъ голову и, раздвинувъ ротъ до ушей, захихикалъ:

— Ни зерна не поняла, хи! Навѣшивалъ, навѣшивалъ я ей въ уши те—не пониматъ, вижу! Ай, Ты, Господи-Богородице-Никола, скольки народу на землѣ, а все толку нѣту!

Кожемякинъ поднялся, грубовато говоря:

— Никто, видно не понимаетъ того, что̀ надобно, не одна она

— Во-отъ! А я про что баю?

Шакиръ глядѣлъ на Маркушу, оскаливъ зубы,

— Ты пугаишь всѣ людя, а она про самъ Богъ говоритъ— не страшно!

— Молода! — отвѣтилъ Маркуша. Смолоду — всѣ храбрятся, а поживетъ, гляди—испугается!

Матвѣй тоже вспомнилъ, какъ она въ началѣ рѣчи говорила о Христѣ: слушалъ онъ, и казалось, что женщина эта знала Христа живымъ, видѣла Его на землѣ—такъ необычно простъ и близокъ людямъ былъ Онъ въ ея разсказѣ.

Онъ ушелъ къ себѣ, взялъ Евангеліе и долго читалъ тѣ мѣста, о которыхъ она упоминала, читалъ и съ великимъ удивленіемъ видѣлъ, что дѣйствительно Христосъ проще и понятнѣе, чѣмъ Онъ раньше казался ему, но въ то же время Онъ еще дальше отошелъ отъ жизни, точно между живымъ Богомъ и Окуровымъ выросла скучная, непроходимая пустыня, облеченная туманомъ.

„И такъ со всѣмъ, что̀ она говоритъ, — печально думалъ онъ,—все какъ будто яснѣе, а уходитъ дальше!“

Не спалось ему въ эту ночь: звучали въ памяти незнакомыя слова, стучась въ сердце, какъ озябшія птицы въ стекло окна, четко и ясно стояло передъ нимъ доброе лицо женщины, а за стѣною вздыхалъ влажный вѣтеръ, тяжелыми шматками падалъ снѣгъ съ крыши и деревьевъ, словно считая минуты, шлепались капли воды — оттепель была въ ту ночь.

Задремавъ, онъ видѣлъ непонятные сны: летаютъ въ полѣ надъ лысыми холмами сѣрыя тѣни и безотвѣтно стонутъ:

— Славяне, славяне!

Идетъ Маркуша, весь обвѣшанный клѣтками, ухмыляется и бормочетъ:

— А я про что баю?

А на одномъ холмѣ, обнаженномъ отъ снѣга вѣтрами, израненномъ трещинами, распластался кто-то и кричитъ:

— Это не такъ, не такъ!

Вотъ медленно движется Палага, грудь у нея открыта, улыбается Палага и жаднымъ голосомъ шепчетъ:

— Эхъ, кабы я дѣвушка была!

Запѣли пѣтухи сырыми голосами, закаркали вороны, въ монастырѣ ударили къ заутренѣ — маленькій колоколъ кричалъ жидко и неубѣдительно.

Матвѣй, не открывая глазъ, полежалъ еще съ полчаса, потомъ босой подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ въ медленно таявшія сумерки утра, на обмякшій, рыхлый снѣгъ.

— За утреню пойти, что ли?—спросилъ онъ себя и вспомнилъ, какъ года три тому назадъ, жаркимъ лѣтнимъ вечеромъ, Наталья, хитро улыбаясь, сунула ему бумажку, шепнувъ:

— Возьми-ка гостинчикъ, Матвѣй Савельичъ!

Онъ развернулъ листокъ и прочиталъ кудряво написанныя слова:

„Ежели вы можете сохранить секретъ, то сегодня послѣ одиннадцати часовъ подойдите къ монастырскому забору, гдѣ черемуха, вамъ скажутъ его, очень важное“.

„Клирошанки балуются“, — не удивясь, подумалъ онъ тогда.

Весь городъ зналъ, что въ монастырѣ балуютъ; самъ исправникъ Ногайцевъ говорилъ выпивши, будто ему извѣстна монахиня, у которой груди на рѣдкость неровныя: одна вѣситъ восемь фунтовъ, а другая десять съ четвертью. Но вѣдь „не согрѣшивъ—не покаешься, не покаявшись—не спасешься“, балуютъ—за себя, а молятся день и ночь—за весь міръ, и хотя о монахиняхъ тихомолкомъ много сплетничали, но вслухъ никто, кромѣ Базунова, не осуждалъ ихъ.

Онъ пошелъ на зовъ неохотно, больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ опредѣленнымъ желаніемъ, а придя къ мѣсту, легъ на теплую землю и сталъ смотрѣть въ щель забора. Ночь была лунная, въ густомъ монастырскомъ саду, покрытомъ тѣнями, лежала дремотная тишина; вдругъ одна тѣнь зашевелилась, зашуршала травою и — черная, покачиваясь, подошла къ забору. По росту и походкѣ онъ сразу догадался, что это странноприимница Раиса, женщина въ годахъ и сильно пьющая, вспомнилъ, что давно уже ея маленькіе, заплывшіе жиромъ глаза при встрѣчахъ съ нимъ сладко щурились, а по желтому лицу, точно масло по горячему блину, расплывалась назойливая усмѣшка, вспомнилъ—и ему стало горько и стыдно.

Не отзываясь на вздохи и кашель, не смѣя встать и уйти, онъ пролежалъ подъ заборомъ до утра такъ неподвижно, что на зарѣ осторожная птичка крапивникъ сѣла на вѣтку полыни прямо надъ лицомъ его и, лишь увидавъ открытые глаза, пугливо метнулась прочь, въ корни бурьяна.

Потомъ вспомнилось, какъ городская сваха Бобиха прихотила сватать ему порченыхъ невѣстъ: были среди нихъ косенькія, шепелявыя, хроменькія, а одна — съ приданымъ, со младенцемъ. Когда онъ сказалъ Бобихѣ:

— Что̀ ты мнѣ какихъ сватаешь?

— А какихъ, свѣтъ?

— Да съ изъянцемъ все...

Дерзкая, избалованная старуха, подмигивая, отвѣтила:

— По купцу, свѣтъ, и товаръ! Думаешь, городъ забылъ про мачеху-то? Ой, нѣтъ! У города память крѣпкая! Да и теперь слушокъ про тебя ходитъ ой ли нехорошъ!

— Что̀ еще?—спросилъ онъ.

— Да такъ ужъ...

И затряслась, охваченная тихонькимъ, скверным смѣшкомъ.

...Онъ простоялъ у двери вплоть до времени, когда всѣ въ домѣ встали, спѣшно умылся, одѣлся, пошелъ въ кухню, отворилъ дверь и сталъ на порогѣ: сидя за столомъ, Маркуша держалъ Борю межъ колѣнъ, говоря ему:

— Язычникъ, значитъ? Она у тебя скажетъ! Это, сталобыть, ябедникъ, али — говорю много — язычникъ-то? Да миляга, я всякаго могу заговорить, отъ меня не спасешься! А ты вотъ спроси-ка ее, какъ надобно бородавки лѣчить? Вонъ она у тебя, бородавка-то!

Кожемякинъ ступилъ въ кухню и неожиданно для себя сурово сказалъ:

— Тебѣ бы не набивать голову ребенку чѣмъ не надо!

Сказалъ и—понравился самъ себѣ.

— Я за ключами пришелъ!—объяснилъ Маркуша, вставая и уходя.

Чистенькій, розовый и милый Боря поднялъ брови, ласково здороваясь.

— Здравствуйте!

Матвѣй пожалъ его руку.

— Съ добрымъ утромъ!

— Благодарю!—шаркнувъ ногою, сказалъ Борисъ.—И васъ также!

Тогда Матвѣй, чувствуя маленькую новую радость, засмѣялся, схватилъ мальчика на руки и предложилъ ему:

— Ну, давай, что ли, дружиться, а?

— Конечно, давай!—согласился Борисъ. Пощупалъ волосы на головѣ Матвѣя и объявилъ:—Вотъ, мягкіе волосы у тебя! Мягче маминыхъ.

— Да ну?

— Честное слово!

— Это, братъ, хорошо.

— Почему?

Матвѣй смутился.

— А песъ знаетъ—почему! „Экій пытливый!“—подумалъ онъ, опустивъ Борю на полъ и спрашивая:

— Ты чай пилъ?

— Нѣтъ еще. Еще мама не одѣлась.

— Не одѣлась?

Онъ на секунду закрылъ глаза.

— Давай лучше со мной чай пить! Сочни велимъ сдѣлать, а?

— Давай!

А за чаемъ дружба окрѣпла: мальчикъ воодушевленно разсказывалъ взрослому о Робинзонѣ, взрослый, по-дѣтски увлеченный простой и чудесной исторіей, выслушалъ ее съ великимъ интересомъ и попросилъ:

— Дай-ка ты мнѣ эту книгу!

Днемъ, встрѣтивъ постоялку, онъ осмѣлился сказать ей:

— А забавенъ сынъ у тебя, Евгенья Петровна! Да и уменъ!

— Пріятно слышать!—молвила она, ласково улыбаясь.

Улыбка еще болѣе ободрила его.

— И подобрѣй тебя будто..

Женщина нахмурилась и прошла куда-то мимо, бросивъ на ходу:

— Я не ребенокъ.

„Экъ сказала!—думалъ Кожемякинъ, сморщивъ лицо.— А я ребенокъ, что ли?“

И, обиженный, лѣниво пошелъ на заводъ.

Онъ ясно видѣлъ, что для этой женщины Маркуша гораздо интереснѣе, чѣмъ хозяинъ Маркуши: вотъ она, послѣ разговора въ кухнѣ, все чаще стала сходить туда и даже днемъ, какъ будто охотилась за дворникомъ, подслѣживая его въ свободные часы и вступая съ нимъ въ бесѣды. А старикъ все глубже пряталъ глаза и ворчалъ что-то угрожающее, встряхивая тяжелою головою.

„Напрасно это она! — размышлялъ Матвѣй. — Чего надобно? Меня—избѣгаетъ, а тутъ... Ругнетъ онъ ее!“

Черезъ нѣсколько дней, въ тихія сумерки зимняго вечера, она пришла къ нему, веселая, въ красной кофтѣ съ косымъ воротомъ, похожей на мужскую рубаху, въ черной юбкѣ и дымчатой, какъ осеннее облако, шали. Косу свою она сложила на головѣ темной короной, стала еще выше и была похожа на вечернюю зарю.

— Я пришла просить васъ о великомъ одолженіи, — говорила она, сидя около лежанки, въ уютномъ углу комнаты.

Отъ красной кофты у него потемнѣло въ глазахъ, и онъ едва видѣлъ ея лицо на бѣломъ блескѣ изразцовъ.

Она говорила, что ей нечѣмъ жить, надобно зарабатывать деньги, и вотъ она нашла работу—будетъ учить дочь казначея Матушкина и внука Хряпова, купца.

— Это Ванюшка, — пробормоталъ Кожемякинъ, чувствуя, что надо же сказать что-нибудь,—у него отецъ съ матерью на пароходѣ сгорѣли...

— Но учить дѣтей мнѣ запрещено, и надо, чтобы никто не зналъ этого...

— Не узнаютъ:—горячо сказалъ Матвѣй и весь вспотѣлъ, подумавъ:—„Эхъ, конечно, узнаютъ!“

— Шакиръ съ Натальей не скажутъ.

— Будьте надежны!

— А вотъ другіе?

Ему пришла въ голову счастливая мысль:

— А вы такъ, будто нѣтъ ученья, а просто—ходятъ дѣти къ Борѣ, играть...

— Конечно!—весело сказала она.—Теперь еще—нельзя ли мнѣ заниматься здѣсь, у васъ?

Онъ обрадовался, вскочилъ со стула, почти крикнувъ:

— А сколько вамъ угодно!

— Три раза въ недѣлю, по часу? Васъ не обезпокоитъ это?

— Меня-то?—воскликнулъ онъ.

Ея брови вздрогнули, нахмурились, но тотчасъ же она беззаботно засмѣялась.

— Конечно, это узнаютъ и запретятъ, но, пока можно, надо дѣлать, что можешь. Ну, спасибо вамъ!

Крѣпко пожавъ его руку, ушла, оставивъ за собою душистый, пьяный запахъ, а Матвѣй, возбужденно шагая по комнатѣ, отиралъ потное лицо и размышлялъ:

„Узнаютъ? Взятку дамъ—глотай! Отца Виталія попрошу. Теперь ужъ, — теперь начнется какъ слѣдуетъ! Теперь, милая...“

Онъ въ первый разъ назвалъ ее такъ, пугливо оглянулся и поднялъ руку къ лицу, какъ бы желая прикрыть ротъ. Со стѣны, изъ рамы зеркала, на него смотрѣлъ большой, полный и бородатый человѣкъ, остриженный въ кружокъ, въ поддевкѣ и сиреневой рубахѣ. Красный и потный, онъ стоялъ среди комнаты и смущенно улыбался мягкой, глуповатой улыбкой.

„Экій ты какой! — упрекнулъ его Кожемякинъ, подходя къ окну и глядя въ синій сумракъ сада.—Что начнется?“

Стѣны дома щипалъ морозъ, и бревна потрескивали. Щекотало сердце безпокойно-радостное предчувствіе чего-то, что скоро и неизбѣжно начнется, о чемъ стыдно и жутко думать.

„Ее и обнять не посмѣешь, этакую-то“, — печально усмѣхаясь, сказалъ онъ себѣ и отошелъ въ темный уголъ комнаты, мысленно молясь:

„Царица Небесная! Помоги и помилуй,—отжени искушеніе!“

Уже дважды падалъ мокрый весенній снѣгъ — внукъ за дѣдомъ приходилъ; дома и деревья украсились ледяными

подвѣсками, блѣдное, но теплое солнце марта радугой играло въ сосулькахъ льда, а заснанныя окна домовъ смотрѣли въ голубое небо, какъ прозрѣвшіе слѣпцы. Галки и вороны чинили гнѣзда, въ полѣ, надъ проталинами, пѣли жаворонки, и Маркуша съ Борисомъ въ ясные дни ходили ловить ихъ на зеркало.

Матвѣй Савельевъ прочиталъ „Робинзона“, „Родное слово“, „Дѣтскій міръ“ и еще штукъ пять столь же интересныхъ книгъ—это еще болѣе скрѣпило его дружбу съ сыномъ постоялки.

А она все улыбалась ласковой, скользящей улыбкой и—проходила мимо него, всегда одинаково вѣжливая и сдержанная въ словахъ. Три раза въ недѣлю Кожемякинъ подходилъ на цыпочкахъ къ переборкѣ, отдѣлявшей отъ него ту горницу, гдѣ умерла Палага, и, приложивъ ухо къ тонкимъ доскамъ, слушалъ, какъ постоялка учила голубоглазую, кудрявую Любу и неуклюжаго, широколицаго Ваню Хрянова.

Слышно было хорошо, доски почти не скрадывали звуковъ, къ тому же онъ немного раздвинулъ ихъ топоромъ, расширивъ щели.

Почти всегда послѣ урока грамоты постоялка что-нибудь читала дѣтямъ или разсказывала, поражая его разнообразіемъ знаній, а иногда заставляя дѣтей разсказывать о томъ, какъ они прожили день.

— Вотъ, слушайте, какъ мы ловили жаворонковъ! — возглашалъ Борисъ.—Если на землю положить зеркало такъ, чтобы этотъ глупый жаворонокъ увидалъ въ немъ себя, то—онъ увидитъ и думаетъ, что зеркало — тоже небо, и летитъ внизъ, а думаетъ—эхъ, я лечу вверхъ все! Ужасно глупая птица!

— Она не глупѣе тебя, — вмѣшивалась мать и начинала интересно говорить о томъ, какъ живутъ жаворонки.

— Все-то она знаетъ!—изумлялся Матвѣй. Обиліе знаній, внушая ему уваженіе къ этой женщинѣ, охлаждало его мечты, отпугивало робкія желанія и—все сильнѣе влекло къ ней.

Однажды онъ услыхалъ, какъ она звучно и печально читала дѣтямъ стихи:

Черныя стѣны суровой темницы
Сырость одѣла, покрыли мокрицы,
Падаютъ ѣдкія капли со свода...
А за стѣною ликуетъ природа.

Куча соломы лежитъ подо мною;
Червь ее точитъ. Дрожащей рукою
Сбросилъ я жабу съ нея... а изъ башни
Видны и небо и горы, и пашни.

Вырвался съ кровью изъ груди холодной
Вопль, замиравшій неслышно, безплодно;
Глухо оковы мои загремѣли...
А за стѣною малиновки пѣли...

Вечеромъ, встрѣтивъ ее въ кухнѣ, онъ попросилъ:

— Давеча, мимо двери проходя, слышалъ я—стихи читали вы—не дадите ли мнѣ ихъ?

— Не могу. Я по памяти читала, книжки нѣтъ у меня.

— Ну, напишите.

— Хорошо. Вамъ понравилось?

— Да, очень!

Она медленно сказала.

— Это написано Щербиной, -я очень любила его раньше,— давно, давно!

— Вы напишите, а я—въ тетрадку себѣ вложу...

Присматриваясь къ нему, она спросила шутливо:

— Въ тетрадку? Вы, можетъ-быть, сами пишете стихи?

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Такъ это у меня,—скуки ради событія разныя записываю для памяти,—сознался онъ.

— Да-а?—вопросительно протянула она, и ему показалось, что глаза ея стали больше. — Интересно! Вы не дадите мнѣ прочесть ваши записки?

Ея голосъ звучалъ необычно-ласково, такъ она еще никогда не говорила съ нимъ, онъ осмѣлѣлъ и довѣрчиво сказалъ:

— Неловко будетъ, тамъ всякое написано... А вы лучше сойдите ко мнѣ въ свободный вашъ часъ—я вамъ на выборъ прочитаю...

Женщина задумчиво молчала, глядя куда-то мимо него, онъ слѣдилъ за ея глазами и, холодѣя, ожидалъ отвѣта.

— Что жъ? Хорошо!—какъ-то вдругъ и рѣшительно сказала постоялка, выпрямившись.—Когда?

— Хоть сейчасъ!

— Ахъ, вы, писатель!—тихо воскликнула она и тотчасъ же, другимъ голосомъ, словно разсердившись, спросила:

— Вамъ сколько лѣтъ?

— Тридцать одинъ... два..

— Неправда! Пятнадцать!—молвила постоялка опять по-новому. Матвѣй вздрогнулъ:

„Неужто заигрываетъ?“

А она, проходя къ двери, строго бросила:

— Я приду черезъ часъ!

Онъ приказалъ Натальѣ ставить самоваръ, бросился въ свою комнату, выхватилъ изъ шкапа двѣ толстыя тетради,

хлопнулъ ими по столу и—рѣшилъ, что нужно одѣться по-праздничному.

... Вотъ уже прошелъ одинъ изъ длиннѣйшихъ часовъ его жизни, Наталья, умильно улыбаясь и глядя вбокъ, давно поставила на столъ кипящій самоваръ. Матвѣй сидѣлъ передъ нимъ, одѣтый въ рубаху синяго кашемира, вышитую монахинями золотымъ шелкомъ, въ тяжелыя шаровары французскаго плиса, съ трудомъ натянулъ на ноги давно не ношенные лаковые сапоги и намазалъ волосы помадой. Пробовалъ повѣсить на грудь тяжелые отцовы часы, но они не влѣзали въ карманъ рубахи, а надѣть жилетъ—не рѣшился, въ комнатѣ было жарко, онъ же отъ волненія и безъ жилета задыхался. Сидѣлъ, не шевелясь, стараясь не видѣть своего лица, уродливо отраженнаго свѣтлою мѣдью, и напряженно слушалъ, когда, наконецъ, застучатъ по лѣстницѣ ея твердые шаги.

— Семнадцать минутъ... восемнадцать,—считалъ онъ, обиженно поглядывая на желтый циферблатъ стѣнныхъ часовъ, огромный, какъ полная луна на восходѣ, и такой же мутно-зловѣщій.

Высокій воротъ рубахи давилъ шею, сапоги жали пальцы и при каждомъ движеніи ногъ сухо скрипѣли.

На двадцать третьей минутѣ она открыла дверь—покорно кланяясь, онъ всталъ ввстрѣчу ей.

А она, тихо подвигаясь къ столу, оглянула его съ ногъ до головы и спросила:

— Что̀ это вы какимъ кучеромъ нарядились?

Матвѣй сѣлъ, виновато замѣтивъ:

— И вы... въ красной кофтѣ...

— Что̀ жъ изъ этого слѣдуетъ?

— Я не знаю!—уныло сказалъ Кожемякинъ.

— Я тоже,—раздалось въ отвѣтъ.

Но вдругъ она упала на стулъ и—точно вспыхнула вся—звонко захохотала, вскинувъ голову, выгибая шею, вскрикивая сквозь смѣхъ:

— Ой, простите,—ну, Господи,—я не виновата! вы—ужасно смѣшной,—честное слово! Нестерпимо смѣшнущій!

Онъ былъ счастливъ, качался на стулѣ, поглаживая ладонями плисовыя свои колѣни, широко открывъ ротъ, вторилъ ей басовитымъ груднымъ смѣшкомъ.

— Ахъ, чудакъ вы!—говорила она, отирая слезы—добрые глаза ея смотрѣли грустно.

Дрожащей рукой онъ наливалъ чаи, говоря съ тихой радостью:

— Дикій,—тутъ всѣ дикіе... а я, видно, особенно,—живу одинъ и...

Между бровей ея легла складка.

— Чай буду разливать я, а вы—читайте!—дѣловито сказала она.

Матвѣй замѣтилъ перемѣну въ лицѣ и голосѣ ея, всталъ съ мѣста—сапоги неестественно заскрипѣли. Сердце его облилось горечью, онъ опустилъ глаза.

— Да и глупъ я еще,—дуракъ, должно-быть, рѣдкій...

— Это почему?—не вдругъ и негромко освѣдомилась женщина.

— А вотъ—хотѣлъ какъ лучше, какъ больше чести вамъ, а вышло—смѣшно только...

Рѣзкимъ движеніемъ руки разстегнулъ двѣ пуговицы ворота рубахи, сѣлъ съ боку стола и открылъ тетрадку.

— Ну, читайте, — успокоительно сказала постоялка,—читайте!

Онъ кашлянулъ, глухимъ голосомъ прочиталъ кантату о богинѣ Венусъ и взглянулъ на гостью—она улыбалась, говоря:

— Стихи допотопные, а читаете вы мрачно очень!

— Какъ умѣю, не обезсудьте...

Но она настойчиво повторила:

— Вы читайте просто, какъ говорите, это лучше будетъ...

Ему казалось, что тутъ двѣ женщины: одна хорошая и милая, съ нею легко и пріятно, а другая—любитъ насмѣхаться и командовать.

— Вотъ еще стихи:

„Ты, смертный, пробудись и будь полезенъ свѣту,
Да вѣра и дѣла усовершатъ тебя.
Ахъ, дорогъ мигъ, спѣши ты къ своему предмету
И къ смерти приготовь себя“.

— Веселенькіе стишки! — лѣниво сказала женщина.

Кожемякинъ вздохнулъ, продолжая:

„Ты смѣешь умствовать, когда вѣкъ заблуждаться
Высокаго ума есть въ мірѣ семъ удѣлъ,
Къ трудамъ родимся мы, а въ нѣгѣ наслаждаться
Есть—счастія предѣлъ“.

— Откуда вы взяли такую премудрость? — спросила она, пожавъ плечами.

Онъ неохотно объяснилъ:

— Приборы мѣдные на окна покупалъ, такъ въ эти стихи шпингалетъ былъ завернутъ...

— Что же вамъ тутъ нравится?

— Слова значительныя, — отвѣтилъ онъ обиженно. — Здѣсь этакія слова кто скажетъ?

— И-ну?—воскликнула она, усмѣхаясь.—Этакими словами себя не...—какъ это?—не усовершишь!

„Не буду я коромысломъ выгибаться передъ тобой!“—подумалъ Матвѣй и, перекинувъ сразу нѣсколько страницъ, тѣмъ же глухимъ, ворчащимъ голосомъ медленно произнесъ слова, началъ:

— „75-го году, мая 21-го дня.

„Третьяго-дня Пѣтухова горка почитай сплошь выгорѣла, девятнадцать домовъ слизалъ огонь. Прошелъ слухъ, будто сапожникъ Сѣтуновъ, который дразнилъ меня, бывало, по злобѣ на сосѣдей поджегъ, однако не вѣрю этому. Утромъ вчера нымали его на своемъ пепелищѣ, когда онъ вьюшки печныя вырывалъ, свели въ пожарную, а въ ночь — умеръ“.

— Били?—тихонько спросила гостья.

— Не знаю. Поди-ка—били!—не глядя на нее, отвѣтилъ лѣтописецъ. — У насъ это дешево.

— А чѣмъ онъ васъ дразнилъ?

— Такъ, хворый онъ былъ, а я — молодой.

„Того же году, августа 2-го дня.

„Слесаря Коптева жена мышьякомъ отравила. Съ недѣлю передъ тѣмъ онъ ей, выпивши будучи, щеку до уха разодралъ, шубу изрубилъ топоромъ и сарафанъ, материно наслѣдство, штофный. Вели ее въ тюрьму, а она, будучи въ родѣ какъ безъ ума, выйдя на базаръ, сорвала съ себя всю одёжу“,—ну, тутъ нехорошо начинается, извините!

Въ комнатѣ снова прозвучалъ тихій вопросъ:

— Послушайте, зачѣмъ вы это записали?

— Не знаю...

Но, подумавъ, объяснилъ:

— Я выдающее записываю. Вотъ это интереснѣй будетъ:

„Того же, сентября 20-го дня.

„У Маклаковыхъ бѣда: Ѳедоровъ дядя знахарку Тіунову непосильно зашибъ. Она ему утинъ лѣчила, да по старости, а можетъ, по пьяному дѣлу, и урони топоръ на поясницу ему; онъ, вскочивъ съ порога, учалъ ее за волосья трепать, да и ударилъ о порогъ затылкомъ, голова у нея треснула, и съ того она отдала душу Богу. По городу о судѣ говорятъ, да Маклаковы-то богаты, а Тіуниха выпивала сильно; думать надо, что сойдетъ, будто въ одночасье старуха померла“.

Постоялка вмѣстѣ со стуломъ подвинулась ближе къ нему — онъ взглянулъ на нее и испугался: лицо ея сморщилось, точно отъ боли, а глаза стали огромными и потемнѣли.

— Я ничего не понимаю! — странно усмѣхаясь, молвила она.—Что такое утинъ? Зачѣмъ топоръ?

„Ага! — подумалъ Кожемякинъ, оживляясь, — и ты не все знаешь!“

И сталъ объяснять, глядя въ ея недоумѣвающее лицо.

— Это—средство такое старинное...

— Топоръ средство? — спросила она. — Господи, какъ нелѣпо! А—утинъ?

— Утинъ называется, когда поясница болитъ. Тутъ еще голикъ нуженъ. Хворый человѣкъ ложится на порогъ, на спину ему кладутъ голикъ, которымъ въ печи жаръ заметаютъ, а по голику сѣкутъ топоромъ — не крѣпко — трижды-три раза. И надобно, чтобы хворый по каждому третьему разу спрашивалъ: „чего сѣкешь?“ А знахарь ему: „утинъ сѣку!“ Тогда хворый обязанъ сказать заговоръ: „Сѣки утинъ крѣпче, да еще гораздо, размети голикъ утинъ на двѣнадцать дорогъ, по двѣнадцатой ушелъ бы онъ на весь мой вѣкъ! Пресвятая Прасковея Пятница, пожалѣй болящія косточки!“ А потомъ голикъ надо выбросить къ подворотнѣ, и хорошо, чтобы на зарѣ котъ обнюхалъ его.

Женщина приподнялась на стулѣ и оглянула комнату.

— Вы что?—безпокойно спросилъ Матвѣй.

— Ничего.

— Можетъ, не надо читать?

— Нѣтъ, пожалуйста! Но, послушайте, докторъ у васъ есть?

— Есть, какъ же! Старичокъ изъ военныхъ,—пьетъ только, а такъ — хорошій...

— Читайте! — сказала она, склоняя голову.

— „Того же, октября 6-го дня.

„Сегодня актерку хоронили, изъ тѣхъ, что представляютъ съ разрѣшенія начальства въ пожарномъ сараѣ. Померла она еще четвертаго-дня, изойдя кровью отъ неизвѣстной причины, а говорятъ—отъ побоевъ. Въ Покровъ была жива, я ее видѣлъ, играла она благородную женщину, и было скучно сначала, а потомъ страшно стало, когда ее воинъ, въ пожарной каскѣ изъ картона, за волосья схватилъ и, для вида, прокололъ ножомъ. Воинъ это будто мужъ ея и все вылъ дико, а она высокая, худущая и голосъ хриплый. Базуновъ на представленіи всѣхъ разсмѣшилъ, крикнувъ ей: „а ты, сударыня, не кашляй, кашель я у себя дома ежедень слышу и гривенникъ за это—дорого!“ У него сноха въ чахоткѣ. Актерку несли мимо насъ двое пожарныхъ да два товарища ея, а третій, мужъ будто, сзади шелъ, съ городо-

вымъ пьяный, вѣчную память неистово оралъ и плакалъ; будочникъ удерживалъ его, чтобы не безобразилъ, однако не могъ. На кладбище не пустили, а велѣно зарыть около Мордовскаго городища, гдѣ Ключаревъ и другіе подобные закопаны". Все.

— Вы хорошо дѣлаете, записывая это, — медленно и вдумчиво сказа а постоялка, — очень хорошо!

— Почему же? — спросилъ онъ. — Иногда перечитаешь это — скучно очень!

— Да? Только скучно? Не болѣе?

„Чего она добивается?" — подумалъ Кожемякинъ и, не отвѣтивъ, продолжалъ:

— „76-го году, апрѣля 29-го дня.

„На базарѣ неизвѣстнаго человѣка чиновникъ Быстрецовъ поймалъ, посадили въ полицію, а онъ оттуда въ ночи выбѣжалъ, теперь съ утра ищутъ его, иные верхами поскакали, иные пѣше ходятъ. Побили прохожаго какого-то, оказалось—не тотъ, кого надо. Базуновъ сказывалъ, что человѣкъ подосланъ поляками лѣса казенные жечь, были у него найдены зажигательныя бумаги. Какъ убѣжалъ — нельзя понять, потому что, когда его схватили, то одну руку изъ плеча вывернули будто. Толоконниковъ хвастался и божился, что это онъ самъ и вывертывалъ. Ему въ этомъ вѣрить можно, звѣрь".

Женщина провела рукою по лицу, потомъ откинулась на спинку стула, скрестивъ на груди руки.

— Нашли?

— Нѣтъ. Вамъ не скучно?

— Пожалуйста, читайте! — попросила она, закрывъ глаза.

Кожемякинъ наклонился надъ тетрадью.

— Тутъ до 79 года домашнее все идетъ: насчетъ Шакира, какъ его за Наталью били...

— Кто?

— Горожане. Про нѣкоторыхъ рабочихъ мысли разныя...

— Чьи мысли?

— Мои. Тоже о домашнемъ, о семьѣ, — я это пропущу?

— Воля ваша, — сказала она, вздохнувъ, — воля ваша!

И крѣпко закуталась шалью, несмотря на жару въ комнатѣ.

„Зря, пожалуй, затѣялъ я все это!" — безнадежно подумалъ Матвѣй, поглядывая на ея скучно вытянувшееся лицо и глаза, окруженные тѣнями. Перелистывая страницы, онъ говорилъ, вслушиваясь въ свой однотонный голосъ:

— Вотъ — соборъ достроили, молебствіе было. Маляръ опился, — неинтересное все. Трехъ бойцовъ слободскихъ гирьками забили. Къ Вагинымъ во дворъ волкъ забѣжалъ, зарѣзалъ собаку. Глупости разныя: портной Синюхинъ носъ своячиницѣ своей откусилъ, Калистратовымъ ворота дегтемъ помазали,—ну, это ошибка была... Колоколъ соборный хотѣли поднимать: шестьсотъ двадцать пудъ колоколъ былъ, стали пробовать — треснулъ. Подняли его уже въ 82-мъ году, передъ Успеньемъ. Пожары, конечно. Это ужъ каждогодно городъ горитъ, даже и смотрѣть мало интересно, не токмо писать про это. Мальчишки мяли зыбку на осеннемъ льду, семеро провалилось, трое утонуло сразу, а еще одинъ, воспитанникъ мой, Саватейка Пушкаревъ, отъ простуды померъ. Секлетея Добычина, по грибы пойдя — пропала, одни говорятъ — въ болотѣ увязла, другіе думаютъ — ушла въ Черноборскій монастырь. У нея не все хорошо было со священникомъ Никольскимъ, отцомъ Виталіемъ..

Пока онъ перечислялъ все это, читая, какъ дьячокъ поминаніе, женщина безшумно встала, отошла въ сумракъ комнаты и остановилась у окна.

„Чего безпокоится?“—думалъ онъ, искоса поглядывая на нее и чувствуя, что ему становится все болѣе тяжело и неловко съ нею.

— Вотъ, — нарочито, съ большимъ усиліемъ, оживляясь, воскликнулъ отъ: — 79-го году, Іюня 3-го дня.

„На базарѣ живую русалку показывали, поймана въ рѣкѣ Тигрѣ, сверху женщина, а хвостъ—рыбій, сидитъ въ ящикѣ съ водой, въ родѣ корыта, и когда хозяинъ спрашиваетъ, какъ ее звать и откуда она родомъ, она отвѣчаетъ скучно: Сарра изъ Самарры. Съ двумя ерами, а то и тремя. Плечи голыя и въ прыщахъ, точно бы у человѣка. Многіе не вѣрятъ, что настоящая, а Базуновъ даже кричалъ, что Самара на Волгѣ, а не на Тигрѣ, и что Тигръ-рѣка давно въ землю ушла. А русалкинъ хозяинъ объяснилъ, что Самарой называется Самарія, про которую въ Евангеліи писано, гдѣ Исусъ Христосъ у колодца велъ бесѣду съ женщиной семи мужей. Базуновъ сконфузился, погрозилъ ему кулакомъ и ушелъ. Первый разъ онъ потерпѣлъ конфузъ, и всѣмъ его даже стало жалко, а нѣкоторые очень злорадничали. Старенекъ, уже болѣе девяти десятковъ лѣтъ ему. Въ томъ же балаганѣ тазъ жестяной стоялъ, налитъ водой, и кто въ эту воду грешникъ, а то и семишникъ бросалъ, назадъ взять никакъ не могъ, вода руку невѣдомой силой отталкивала, а пальцы судорогой сводило. Воду эту хозяинъ продавалъ по

гривеннику бутылка, говорилъ, что противъ лихорадки хороша".

— А война?—спросила постоялка издали.

Кожемякину показалось, что въ голосѣ ея звенятъ слезы, онъ испугался, заторопился.

— Война? Это — сейчасъ! Не совсѣмъ про войну, но — турка есть! Вотъ-съ!

„Воеводина барыня плѣннаго турка привезла, всѣ ходятъ за рѣку смотрѣть, и я тоже видѣлъ: человѣкъ роста высокаго, лицомъ черенъ, большеголовъ и усатъ. А одѣтъ по-русски, въ штатское, рыжій сюртукъ, брючки черныя, только на головѣ красная шапка въ родѣ кастрюльки. Улыбается не злобно, а какъ бы даже виновато. Гулялъ онъ съ Воеводиной за слободою, на буграхъ—она ему по плечо и толстовата, глаза у ней на выкатъ, добрые. Смѣялась, голосъ же хриповатъ. Турка съ палкой ходитъ, правую ногу оттягивая, видно, былъ поврежденъ. Въ городѣ про барыню нехорошо говорятъ, а Базуновъ подбиваетъ жаловаться губернатору, боясь, чтобы племя не пошло. И такъ, говоритъ, въ господахъ нашихъ русской-то крови не болѣ семи капель осталось".

— Потомъ вотъ еще про то же:

„Октября 29-го дня.

„Слышалъ отъ отца Василія, что барыню Воеводину въ Воргородъ повезли, заболѣла на смерть турецкой болѣзнью, называется — Баязетова. Отъ болѣзни этой глаза лопаются, и помираетъ человѣкъ, ничѣмъ неизлѣчима. Отецъ Виталій сказалъ — вотъ она, женская жадность къ чему ведетъ".

„Не обидѣлась бы!" — спохватился Кожемякинъ, взглянувъ на гостью: она, стоя около печи, скрестила руки на груди, низко опустивъ голову.

— Тутъ еще, — торопливо заговорилъ онъ, — Плевну брали, но я тогда въ селѣ Воеводинѣ былъ, и ничего выдающагося не случилось, только черемисина какого-то дегтемъ облили на базарѣ. А вотъ:

„80-го году, іюня 5-го.

„У чиновника Быстрецова бѣда: померъ въ одночасье прибывшій гостить братъ, офицеръ, а мертвое мыло изъ дома не выкинули на перекрестокъ-то..."

— Какое мыло? — тихо, точно вздохнувъ, спросила постоялка.

— Мертвое, которымъ покойника обмываютъ, — ласково объяснилъ онъ. — Оно, видите, вредное, его надо на четыре вѣтра выбрасывать, А Быстрецовы не выбросили, и жена

его, видно, умылась мыломъ этимъ и пошла вся нарывами,— извините, французской болѣзнью. Онъ ее бить, мужъ-то, а она красивая, молодая такая...

— Господи, Боже мой! — заговорила постоялка, безшумно, точно по воздуху, подвигаясь къ столу. — Какъ это все страшно, вѣдь вамъ страшно, да? Какъ вы можете жить? Вѣдь страшно?

Онъ растерялся, не понимая ея волненія, пугаясь его, и, оглядывая комнату, говорилъ, словно извиняясь:

— Страшно — нѣтъ; ночью иной разъ если вспомнишь — конечно, боязно. А вотъ скучно очень, — такъ скучно — сказать нельзя! — „Это я вру!—подумалъ онъ тотчасъ же.— Вру, потому что страшно! Зачѣмъ совралъ?“

И, какъ будто подслушавъ его мысли, она сердито сказала:

— Не можетъ быть, — не вѣрю я вамъ! Читайте о 81-мъ годѣ...

„Ну вотъ! — мысленно воскликнулъ онъ. — Эхъ, зря все начато, — хотѣлъ поближе къ ней, а самъ наваливаю хламу этого на дорогѣ! А теперь — это еще...“

И глухимъ, напряженнымъ голосомъ, торопясь пробормоталъ:

— „Марта 5-го дня.

„Въ Петербургѣ убили царя, винятъ въ этомъ дворянъ, а говорить про то запрещаютъ. Базунова полицейскій надзиратель ударилъ сильно въ грудь, когда онъ о дворянахъ говорилъ, грозились въ пожарную отвести, да человѣкъ извѣстный и старъ. А Кукишева, лавочника, который, стыдясь своей фамиліи, Кекишевымъ называетъ себя, — его забрали, онъ первый крикнулъ. Убить пробовали царя много разъ, все не удавалось, въ конецъ же перваго числа застрѣлили бомбой. Понять это совсѣмъ нельзя“.

Онъ замолчалъ.

— Все? — спросила постоялка.

Ему показалось, что голосъ ея звучитъ пугливо и обиженно: она снова подвигалась къ столу медленно и невѣрно, какъ ослѣпшая, лицо ея осунулось, расширенные зрачки трепетно мерцали, точно у кошки.

— Все!—отвѣтилъ онъ громко, желая всколыхнуть тягостное недоумѣніе, обнимавшее его.

Неловко, какъ-то бокомъ и тяжело она сѣла на стулъ, хмуро улыбаясь и спрашивая чужимъ голосомъ:

— Что же, — ну какъ же, — плакали люди, жалѣли, да?

— Н-не знаю. Старушки плакали,—такъ онѣ всегда ужъ, кто ни умри...

— Но вѣдь онъ, — горячо и настойчиво воскликнула постоялка, крѣпко сцѣпивъ пальцы и хрустя ими, — вѣдь онъ столько сдѣлалъ добра народу — вы знаете?

„Не причастна! — рѣшилъ Матвѣй, вспыхнувъ радостью и облегченно вздыхая. — Слава Те, Господи!“

И, наклоняясь къ ней, ласково, какъ только могъ, довѣрчиво заговорилъ.

— Я, видите, мало вѣдь знаю! Конечно, можетъ, нѣкоторые и жалѣли, да я людей мало вижу...

— Почему? — пристально глядя въ лицо его, освѣдомилась женщина.

— Такъ, какъ-то не выходитъ. Приспособиться не умѣю,— да и не къ кому тутъ приспособиться — подойдешь поближе къ человѣку, а онъ норовитъ обмануть, обидѣть какъ ни то...

Она снова встала на ноги и пошла, шаль спустилась съ плеча ея и влеклась по полу.

— Но все-таки! Что же говорили о немъ?

— Да такъ, — догадывались, кто убилъ, зачѣмъ? Потомъ сошлись, что дворяне. Любопытно всѣмъ было, первый разъ случилось этакое...

— Первый разъ! — воскликнула она негромко.

— Вѣдь онъ здѣсь не бывалъ, по картинкамъ только знали да въ календаряхъ, а картинки да календари не у каждаго тоже есть,—далеко мы тутъ живемъ!

— Долго говорили тутъ объ этомъ?

— Н-нѣтъ, не знаю! Здѣсь все скоро проходитъ; у каждаго своя жизнь, свой интересъ...

Онъ помолчалъ, оглядывая высокую фигуру, и предложилъ:

— Да вотъ, ежели не устали вы, такъ я подробно разскажу, какъ это было...

Постоялка быстро обернулась къ нему, восклицая:

— Пожалуйста, ахъ, пожалуйста!

„Жалѣетъ, видно!“—думалъ Кожемякинъ.

И началъ разсказывать о страшномъ вечерѣ, какъ онъ недавно вспомнился ему, а женщина тихо и безшумно ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, покачиваясь, точно большой маятникъ.

Вѣтеръ лѣниво гналъ съ поля сухой снѣгъ, мимо оконъ летѣли бѣлыя облака, острыя, рѣдкія снѣжинки шаркали по стекламъ. Потомъ какъ-то вдругъ все прекратилось, въ крайнее окно глянулъ лучъ луны, легъ на полъ, подъ ноги женщинѣ свѣтлымъ пятномъ, а переплетъ рамы въ пятнѣ этомъ былъ точно черный крестъ.

Матвѣй кончилъ разсказъ; гостья съ усмѣшкой взглянула на него и молвила негромко:

— Да, дѣйствительно,—мертвое мыло! Н-ну, почитайте еще, — можно?

„А капризна, трудно угодить ей!“ — подумалъ Кожемякинъ, тихонько вздыхая.

— „81 году, апрѣля 7-го дня.

„Третьяго-дня утромъ Базуновъ, сидя у воротъ на лавочкѣ, упалъ, поняли, что ударъ это, положили на сердце ему теплаго навоза, потомъ въ укропъ положили...“

Онъ остановился—постоялка не то плакала, не то смѣялась, наполняя комнату лающими звуками.

— Это было, — это было нѣсколько сотенъ лѣтъ тому назадъ! — прерывисто, пугающимъ голосомъ говорила она. — Какого-то князя въ укропъ положили... Владимірко, что ли, о, Господи!

„Что̀ она?“—непріязненно соображалъ Матвѣй.

— Если ударъ, всегда сердце грѣютъ и въ укропъ кладутъ,—пояснилъ онъ, искоса набюдая за нею.

— Да, мертвое мыло! — молвила она сквозь зубы. — О, Боже мой, конечно!

И оглядывалась вокругъ, точно сейчасъ только замѣтивъ погасшій самоваръ, тарелки со сластями, вазы варенья, вычурную раму зеркала, часы на стѣнѣ и всю эту большую, неуютную комнату, полную запахами углей, сдобнаго тѣста, помады и лампаднаго масла. Волосы на вискахъ у нея растрепались, и голова казалась окрыленной темными крыльями.

Матвѣй наклонился надъ тетрадкой, продолжая:

„А онъ дважды сказалъ—нѣтъ, нѣтъ—и померъ. Сегодня его торжественно хоронили, все духовенство было и оба хора пѣвчихъ, и весь городъ. Самый старый и умный человѣкъ былъ въ городѣ. Спорить съ нимъ не могъ никто. Хотъ онъ мнѣ и не другъ и даже нажегъ меня на двѣсти семьдесятъ рублей, а жалко старика, и когда опустили гробъ въ могилу, заплакалъ я“, — ну, дальше про меня пошло...

— Чѣмъ онъ занимался? — спросила постоялка, вставая.

— Всѣмъ вообще... деньги въ ростъ давалъ тоже.

Она блѣдно и натянуто улыбнулась.

— Ну, благодарю васъ! Довольно, я не стану больше слушать..

И протянула ему руку, говоря:

— Странный вы человѣкъ, удивительно! Какъ вы можете жить въ этомъ... спокойно жить? Это ужасно!.. И это стыдно, знаете! Простите меня, но правда — стыдно!

Онъ ничего не успѣлъ сказать въ отвѣтъ ей — женщина быстро ушла, безцвѣтно повторивъ на порогѣ двери:

— Благодарю васъ!..

И скрылась, не притворивъ за собою двери.

Кожемякинъ сошвырнулъ тетради на полъ, положилъ локти на столъ, голову на ладони и, разсматривая въ самоварѣ рыжее, уродливое лицо, горестно задумался:

„Какъ живу? А тебѣ что? Стыдно? А тебѣ какое дѣло? Ты—кто? Сестра старшая, или мать мнѣ? Чужая ты!“

Спорилъ съ нею и чувствовалъ, что женщина эта коснулась въ груди его нарыва, который давно уже безболѣзненно и тайно назрѣвалъ тамъ, а сейчасъ вотъ—потревоженъ, обнаружился и тихонько, но неукротимо болитъ.

„А ты какъ живешь?“—спрашивалъ онъ, стараясь оттолкнуть прочь разбуженныя воспоминанія, настойчиво обступавшія его плотнымъ кольцомъ.

— Убирать самоваръ-то? — сладко спросила Наталья, сунувъ голову въ дверь.

— Бери! Помоги-ка сапогъ снять...

Она сѣла на полъ передъ нимъ, ея улыбка показалась Матвѣю обидной, онъ отвелъ глаза въ сторону и угрюмо проворчалъ:

— Чего оскалилась? Что ты понимаешь?

Напрягаясь, она покорно отвѣтила:

— Я, батюшка, ничего не понимаю,—зачѣмъ?

— А смѣешься! — топая онѣмѣвшей ногой, сказалъ онъ миролюбивѣе.—Ужинать не ждите, гулять пойду...

— Какой теперь ужинъ!—воскликнула кухарка.—Ты гляди-ка-ся, часъ по полуночи время. И гулять поздно бы...

— Твое дѣло?—крикнулъ онъ.—Что вы учите меня?

Черезъ полчаса онъ шагалъ за городомъ, по черной полосѣ дороги, возражая постоялкѣ:

— Живу я не хуже другихъ, для смѣха надо мной—нѣтъ причинъ...

Луна зашла, звѣзды были крупны и ярки. По сторонамъ дороги синевато свѣтились пятна еще не стаявшаго снѣга, присыпанныя вновь нанесеннымъ съ вечера сухимъ и мелкимъ снѣжкомъ. Атласное зимнее платье земли было изодрано въ клочья, и обнаженная, стиснутая темнотою земля казалась маленькой. Отъ пестрыхъ стволовъ и черныхъ вѣтвей придорожныхъ березъ не ложились тѣни, все вокругъ озябло, сморщилось, а холмы вздувались, точно темныя опухоли на избитомъ, истоптанномъ тѣлѣ. Подъ ногою хрустѣли стеклянныя кочки льда, вспыхивали синія искры—отраженія звѣздъ.

Было тихо, какъ въ водѣ на днѣ омута, изъ холодной тьмы выступало, не грѣя душу, прошлое: неясныя, стертыя лица, тяжкія; скучныя рѣчи.

...Краснощекая, курносая Дуняша коситъ стеклянными глазами и, облизывая языкомъ пухлыя, десятками мужчинъ цѣлованныя губы, говоритъ, точно во снѣ бредитъ:

— Ты бы, Мотенька, женился на мнѣ, хорошу дѣвицу за тебя, все равно, не дадутъ...

Онъ выпилъ, и ему смѣшно слышать ея шепелявыя слова.

— Почему

Она заплетаетъ толстыми пальцами мочальные волосы въ косу и тянетъ:

— А слухи-то? Вона, баютъ, будто ты съ татариномъ своимъ одну бабу дѣлишь...

„Зря она это говорила — научили ее, а сама-то и не вѣрила, что можетъ замужъ за меня выйти!“—думалъ онъ, медленно шагая вдаль отъ города.

Была еще Саша Сѣтунова, сирота, дочь сапожника; первый соблазнилъ ее Толоконниковъ, а послѣ него, куска хлѣба ради, пошла она по рукамъ. Этой онъ самъ предлагалъ выйти за него замужъ, но она насмѣшливо отвѣтила ему:

— А ты полно дурить!

Была она маленькая, вся худая, а ноги толстыя; лицо имѣла острое и злые, черные, какъ у мыши, глаза. Она нравилась ему: было въ ней что-то крѣпкое, честное, и онъ настойчиво уговаривалъ ее, но Саша смѣялась надъ его рѣчами нехорошимъ смѣхомъ.

— Брось ты эту блажь, купецъ! Вѣдь, коли обвѣнчаюсь я съ тобой—черезъ недѣлю за косы таскать будешь и сапогомъ въ животъ бить, а я и такъ скоро помру. Лучше налей-ка рюмочку!

Выпивъ, она становилась блѣдной, яростно таращила глаза и пѣла всегда одну и ту же, противную ему пѣсню:

Ды-ля чи-иво беречься мине?
Вэткинъ былъ отвѣтъ
И я вуже изсохшая-а-а...

— Брось, пожалуйста!—уговаривалъ онъ. — Что̀ я, пла кать къ тебѣ пришелъ?

Улыбаясь пьяной улыбкой, показывая какіе-то зеленые зубы, она быстро срывала съ себя одежду, насмѣшливо, какъ ея отецъ, покойникъ, вскрикивая:—„Ахъ, извините! И-изви-

пите...“ — Становилась злобно-безстыдной, и на другой день онъ вспоминалъ о ней со страхомъ и брезгливостью.

Однажды ночью она выбрала всѣ деньги изъ его кармановъ и ушла, оставивъ записку на клочкѣ бумаги, выдранномъ изъ поминанья—просила не заявлять полиціи о кражѣ, попросить у него денегъ не хватило смѣлости у нея и не вѣрила, что дастъ онъ.

„Никто никому не вѣритъ, — размышлялъ Матвѣй, спотыкаясь.—Вотъ, поживи-ка въ этакихъ-то людяхъ...“

И вспомнилъ о томъ, какъ, въ первое время послѣ смерти Пушкаря, Натальѣ хотѣлось занять при немъ то же мѣсто, что̀ Власьевна занимала при его отцѣ. А когда горожанки на базарѣ и на портомойнѣ начали травить ее за сожительство съ татариномъ, все съ нея сошло, какъ дождемъ смыло. Заметалась она тогда, завыла:

— Шакирушка, да неужто разлучатъ насъ, сердешненькій?

Татаринъ, желтый со зла и страха, скрипѣлъ зубами, урчалъ:

— Что̀ дѣламъ? Ты—грѣшна, я—грѣшна; всѣ—праведны! Бѣжать нада...

Однажды онъ пришелъ съ базара избитый до крови, сидѣлъ согнувшись, пробовалъ пальцемъ расшатанные зубы, плевался и вылъ:

— Айда, пошелъ Шакирка-шайтанъ, совсѣмъ долой земля, пуста башка!

А Матвѣй стоялъ у печи и чувствовалъ себя безсильнымъ помочь этой парѣ нужныхъ ему близкихъ людей молчалъ, стыдясь глядѣть на ихъ слезы и кровь.

Наталья поливала бритую голову водой, а Шакиръ толкалъ ее прочь.

— Тебѣ тоже башка ломать будутъ! Хозяйнъ—ай-яй! Пророкъ твой Исусъ, сынъ Маріи—какъ говорилъ? Не дѣлай вражда, не гони друга. Я тебѣ говорилъ — Коранъ! Ты мнѣ — твоя книга сказывалъ. Не нужна тутъ я, и ты не нужна...

„Вотъ какъ живемъ!“ — мысленно крикнулъ Кожемякинъ постоялкѣ.

Чѣмъ больше думалось, тѣмъ болѣе жизнь становилась похожей на дурной сонъ, въ которомъ пріятное было мимолетно, вспыхивало неясными намеками.

Вотъ онъ сидитъ въ жарко натопленной комнатѣ отца Виталія, передъ нимъ огромный мужчина въ парусиновомъ подрясникѣ, съ засученными по локоть рукавами, съ долотомъ въ рукѣ, на полу—стружки, обрубки дерева, отецъ Ви-

талій любитъ ульи долбить—выдолбитъ за годъ штукъ десять и даритъ ихъ всѣмъ, кому надобно.

— Такъ, такъ!—говоритъ онъ, щуря маленькіе, добрые глазки. У него большая сивая борода, высокій лобъ, маленькій, красивый носъ утонулъ между пухлыхъ щекъ, а ротъ у него гдѣ-то на шеѣ.

— Такъ! А креститься магометанинъ сеи не хочетъ? Не вѣдаю, что̀ могу сотворить въ казусномъ этакомъ случаѣ! Какъ предашь сіе забвенію на пропитанье? Превыше силъ! Озорникъ у насъ житель, весьма и даже чрезмѣрно. Балдѣютъ, окаянніи, со скуки да у бездѣлья, а обалдѣвъ—бѣсится невѣсть какъ. Оле намъ, люду смиренному, среди этого звѣрія! Совѣстно мнѣ, пастырю, предъ тобою, а что̀ сотворю—не вѣмъ! Да, вотъ те и пастырь...

Онъ стучалъ черенкомъ долота по колѣну и, должно-быть, больно было ему—морщился, вздрагивалъ, но все-таки стучалъ.

— Хотя сказано: паси овцы Моя, о свиніяхъ же—ни слова, кромѣ того, что въ нихъ Христосъ Богъ нашъ безпріютныхъ чертей загонялъ! Очень это скорбно все, сынъ мой! Прихожанинъ ты примѣрный, а вотъ поспособствовать тебѣ въ дѣлѣ твоемъ я и не могу. Одно развѣ—пришли ты мнѣ татарина своего, побесѣдую съ нимъ, утѣшу, можетъ, какъ,—пришли, да! Ты знаешь дѣло мое и свинское на меня хрюканіе это. И ты, по человѣчеству, извинишь мнѣ безсиліе мое. Оле намъ, человѣкоподобнымъ! Ну—путей добрыхъ желаю сердечно! Секлетеюшка—проводи!

Изъ-за угла откуда-то поднялась маленькая женщина, большеглазая, носатая, съ тонкими бровями.

Матвѣй догадался, что это и есть Добычина, вдова племянника отца Виталія, учителя, замерзшаго въ мятель этой зимою. Она недавно пріѣхала въ Окуровъ, но уже шелъ слухъ, что отецъ Виталій промѣнялъ на нее свою жену, больную водянкой. Лицо этой женщины было непривѣтливо, а локти она держала приподнявъ, точно курица крылья, собираясь летѣть.

Другой разъ онъ видѣлъ ее лѣтнимъ вечеромъ, возвращаясь изъ Балымеръ: она сидѣла на краю дороги, подъ березой, съ кузовомъ грибовъ за плечами. Изъ-подъ ногъ у нея во всѣ стороны расползлись корни дерева. Одѣтая въ синюю юбку, бѣлую кофту, въ желтомъ платкѣ на головѣ, она была такая свѣтлая, неожиданная и показалась ему очень красивой. Подъ платкомъ, за ушами, у нея были засунуты двѣ грозди еще не спѣлой калины, и блѣдно-розовыя ягоды висѣли на щекахъ, какъ серьги.

— Хотите — подвезу? — предложилъ онъ, остановивъ лошадь.

— Спасибо, я пѣшкомъ дойду, а вотъ если грибы возьмете,—сказала она безъ ужимокъ, неизбѣжныхъ у окуровскихъ женщинъ.—Ну что, татарина вашего перестали обижать?

— Ругаютъ, да хоть не бьютъ, и на томъ спасибо!

— Слушала я тогда, какъ вы говорили, и очень горячности вашей удивлялась!

— Человѣкъ онъ хорошій,—смущенно сказалъ Матвѣй.

— Да. Батюшка очень его полюбилъ.—Она задумчиво и печально улыбнулась.—Говорилъ про него: сей магометанинъ ко Христу много ближе, чѣмъ иные прихожане мои! Нѣтъ, вы подумайте,—вдругъ сказала она такъ, какъ будто давно и много говорила объ этомъ,—вотъ полюбили другъ друга иноплеменные люди—развѣ не хорошо это? Вѣдь рано или поздно всѣ люди къ одному Богу придутъ...

— Да-а!—сказалъ Матвѣй, удивленный ея умными словами.—Какъ это вѣрно вы!

— Прощайте, — молвила Добычина, кивнувъ головой, и пошла о-бокъ дороги, а потомъ—полемъ, прямо въ городъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее тогда и подумалъ, что, должно-быть, всю жизнь до сего дня она прошла вотъ такъ: стороною, одна и прямо куда нужно.

А вскорѣ и пропала эта женщина. Вспоминая о ней, онъ всегда видѣлъ обнаженные, судорожно вцѣпившіеся въ землю корни и гроздья калины на щекахъ ея.

...Впереди во тьмѣ двигалось что-то большое, какъ домъ, шуршало и скрипѣло.

„Въ городъ ѣдутъ,—неужто такъ поздно?“

— Э-ей!—кричали по дорогѣ.

— Ой?

— Идетъ кто-то!

— Кому эку рань...

„Боятся,—отходя въ сторону, сообразилъ Кожемякинъ.—Думаютъ—слободской!“

Два воза хвороста выплыло изъ темноты, на нихъ качались коротенькія, безногія фигуры мужиковъ. Въ холодномъ воздухѣ лѣниво поплыло похабное окуровское слово.

— Чего ходишь тутъ, мать...

„Вотъ, — размышлялъ Матвѣй, поворотясь вслѣдъ возамъ,—встрѣтили человѣка—обругали! Знаютъ, что хорошій встрѣчается рѣдко, и ругаютъ, на случай, всякаго...“

На востокѣ явилось желтовато-алое пятно, обнаживъ изъ

тьмы старыя деревья, голыя вѣтви раскинулись на этомъ пятнѣ, рисуя путанный узоръ. Снѣгъ потерялъ синій блескъ, а земля стала черной. Вдали громоздились неясныя очертанія города—крестообразная куча домовъ зябко прижалась къ землѣ и уже кое-гдѣ нехотя дышала въ небо сизыми дымами—точно ночные сны печально отлетали. Деревья садовъ накрыли и опутали дома темными сѣтями; городъ казался огромнымъ человѣкомъ: пойманный и связанный, полуживой, полумертвый, лежитъ онъ, крѣпко прижатъ къ землѣ, тѣсно сдвинувъ ноги, раскинувъ длинныя руки, вмѣсто головы у него—монастырь, а тонкая, высокая колокольня Николы—точно обломокъ копья въ его груди.

Сунувъ руки въ карманы, Кожемякинъ пристально смотрѣлъ и чувствовалъ, что сегодня городъ будитъ въ немъ не скуку и страхъ, какъ всегда, а что-то новое, неизвѣданное, жалостливое.

„Пожила бы ты здѣсь лѣтъ десятокъ, — думалъ онъ, обращаясь къ постоялкѣ,—поживи-ка вотъ!“

Утренній холодъ заставилъ его итти быстро, почти бѣгомъ; онъ незамѣтно очутился у ограды монастырскаго кладбища, перелѣзъ черезъ нее и, пройдя въ уголъ, къ могиламъ Пушкаря съ Палагой, присѣлъ, отдуваясь, на лавочку.

За тринадцать лѣтъ березы хорошо выросли, обнялись тонкими сучьями и, точно молодыя дѣвушки, стояли надъ холмами бѣлымъ хороводомъ. Сосна поднялась высоко, пышно одѣлась густой зеленой бахромой и осыпала могилы золотистой хвоей.

„Славно я это сдѣлалъ“, — думалъ Матвѣй, оглядывая деревья, и вдругъ пожаловался:

— Нехорошо мнѣ жить, братцы, а сказать объ этомъ—некому!

Посидѣлъ еще немного, перекрестился и пошелъ домой.

Въ улицѣ скрипя отворялись ворота, хлопали калитки, гремѣли болты ставень, не торопясь, выходили люди—словно городъ, проснувшись, лѣниво кашлялъ и отхаркивалъ темные куски мокроты.

У воротъ дома стоялъ Шакиръ съ лопатой въ рукахъ; увидавъ хозяина, онъ смѣшно затопалъ ногами.

— Всталъ ужъ?—привѣтливо крикнулъ Матвѣй.

— Давно.

— Рано.

— Серсамъ не спитъ.

— А я, братъ, на кладбище заходилъ...

— Тоже серсамъ не спитъ?

Матвѣй поглядѣлъ на доброе, печально улыбавшееся лицо, легонько толкнувъ татарина локтемъ, сказалъ:

— Понятливъ ты, Магометъ!

— Нисяво! Самъ знаишь—хорошо скоро не дѣлаитъ! По множкамъ терпѣть нада...

Передвинувъ шапку со лба на затылокъ, татаринъ сказалъ, вздохнувъ и плюнувъ:

— На воротамъ пишутъ углямъ, мѣламъ дрянной слова—грамоту учили дыля этому, да?

— Гдѣ?—угрюмо спросилъ Матвѣй, оглядывая ворота.

— Стиралъ я...

Они посмотрѣли другъ на друга, потомъ вдоль улицы.

— Это, поди, мальчишки пѣвчіе!—хмуро сообразилъ Матвѣй.—Ихъ, навѣрно, регентъ подучилъ. Ты гляди, какъ бы она, а то Боря не прочитали...

— Глядимъ всегда...

Кожемякинъ пошелъ въ домъ, вспоминая фигуру регента, длинноволосаго человѣка съ зелеными глазами, въ рыжемъ пальто.

Съ недавней поры онъ почти каждый день являлся подъ вечеръ къ воротамъ и, прохаживаясь по тротуару, пѣлъ негромко, отчетливо:

— Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу. Не лежалъ я во рву...

Пѣсня его звучала печально и убѣдительно, — былъ онъ худенькій, чахлый, а длинное, острепькое личико—все въ прыщахъ.

Ходилъ еще мимо воротъ какой-то служащій въ управѣ, но этотъ былъ всегда пьянъ и—не пѣлъ.

...Прошло дней пять въ затаенномъ ожидании чего-то; постоялка кивала ему головою какъ будто ласковѣе, чѣмъ прежде, и улыбка ея тоже, казалось, мягче стала, дольше задерживалась на лицѣ.

Но Матвѣй обиженно думалъ:

„Милости просить я у тебя не стану, пробовалъ разъ—будетъ!“

И все напряженнѣе ждалъ—когда же, наконецъ, она станетъ близка и понятна?

Вдругъ случилось нѣчто, опрокинувшее его: вечеромъ, въ кухнѣ, Маркуша сказывалъ Борису о таинственной птицѣ щуръ, живущей на перекресткахъ лѣсныхъ дорогъ; пришла постоялка, вслушалась въ разсказъ и неожиданно проговорила:

— А вѣдь сами-то вы, Петровичъ, не вѣрите въ эти сказки!

Duke University Libraries
D041036720N